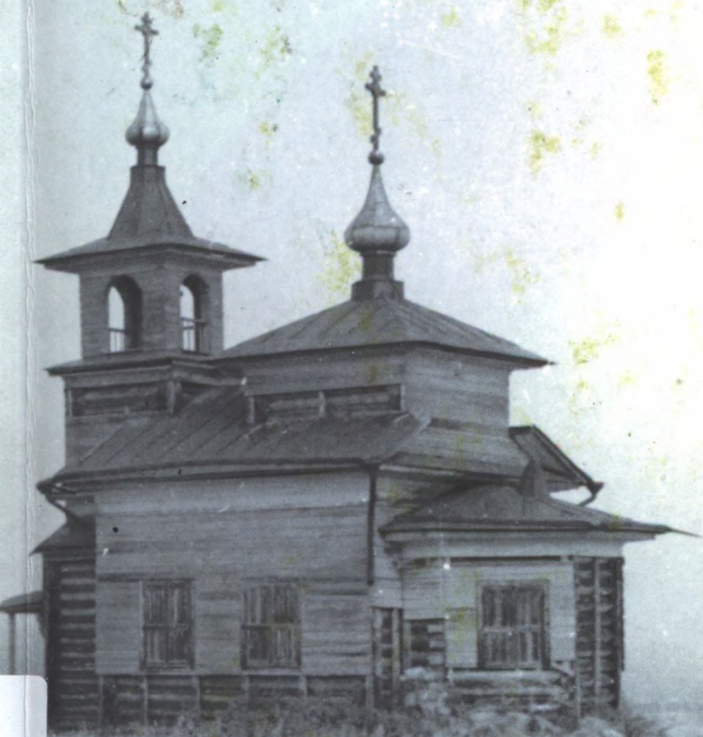

**ФЕДОР
АБРАМОВ**

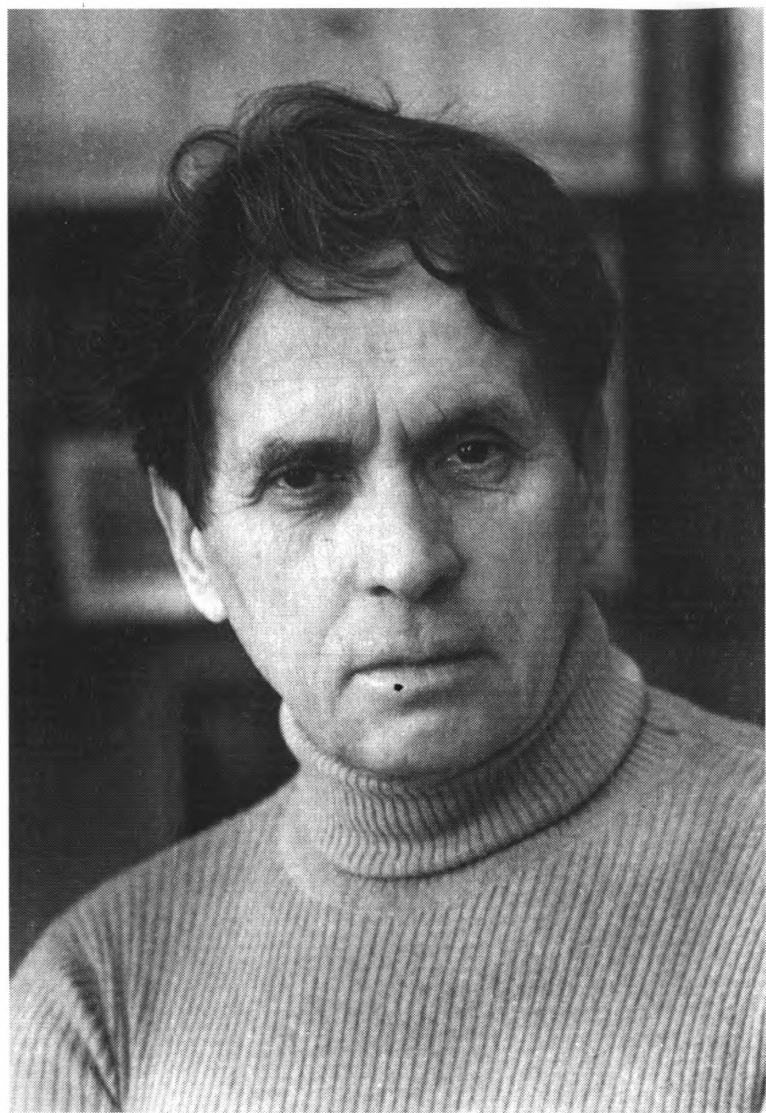

**ЧИСТАЯ
КНИГА**

«В русском народе живет предание о Чистой книге, книге, написанной самим Аввакумом незадолго до казни...

Человек, сподобившийся прочитать эту книгу, прозревает на всю жизнь. Из слепого делается зрячим. Но Чистая книга дается только чистому человеку. И до нее надо дорасти. Отсюда – принцип личного самосовершенствования».

Федор Абрамов

ФЕДОР
АБРАМОВ

ЧИСТАЯ КНИГА

НЕЗАВЕРШЕННЫЙ РОМАН

Санкт-Петербург
Издательский Дом «ГАМАС»
2008

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А16

Абрамов, Федор Александрович

А16 Чистая книга : Незавершенный роман / Публикация
Л. В. Крутиковой-Абрамовой.— СПб. : ГАМАС, 2008.—
240 с. : илл. — ISBN 978-5-91519-002-2

«Чистая книга», незавершенный роман Федора Абрамова, был задуман писателем как широкая панорама народной жизни Архангельского Севера. В книгу вошли и законченные главы, и наброски к роману, сюжетные разработки и дневниковые записи, раскрывающие замысел книги. Читатель, таким образом, имеет возможность познакомиться с творческой лабораторией писателя.

Издание рассчитано на самый широкий круг читателей.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-91519-002-2

© Крутикова Л. В., вступление, составление,
комментарии, 2008
© ООО «Издательский Дом «ГАМАС»,
оформление, 2008

«Чистая книга» – пожалуй, самое проникновенное произведение Федора Абрамова, оставшееся незавершенным. Он думал над книгой и собирал материал 25 лет. Первые заметки сделаны были в 1958 году, а первые главы будущей книги написаны начисто в 1983 году. Смерть оборвала начатую работу. Но остался огромный архив. Писателем были уже продуманы композиция первой книги, характеры и судьбы героев, социально-философская проблематика трилогии. Все это сохранилось в многочисленных заметках, планах, набросках, в собранных документальных материалах, в письмах и интервью.

Поначалу в 1958–1960-х годах роман был задуман только как роман о гражданской войне на Пинеге. О замысле писатель рассказал на встрече с земляками-читателями 26 июля 1960 года. В «Пинежской правде» сохранилась запись выступления Абрамова: «Далее Федор Александрович говорит, что он второй год собирает материалы о гражданской войне на Пинеге.

– Архивные материалы о событиях на Пинеге не сохранились, но благодаря усилиям пенсионера А. П. Никулина многое удалось собрать и уточнить историчность военных действий власти на Пинеге.

В этом году мы решили повторить маршрут красноармейского отряда Щенникова и Кулакова, который он проделал в 1918 году. С Усть-Выи до Верколы мы проплыли на плотике. На плотах преодолевали это расстояние и освободители Пинеги 42 года назад. По окончании сбора материала приступлю к написанию художественного произведения».

В записных книжках лета 1960 года было много записей об этой поездке. Одна из них:

От Выи до Нюхчи
(путь отряда Щенникова).

Горой 70 км, а рекой? Русло не разработанное. Река пробивается в грубых берегах, поросших угрюмым ельником. Как труба.

Ветер навстречу свищет. Пронизывает до костей. Прибивает к берегу. Замерзают пальцы. Мерзнут руки. Вода леденеет на шесту. А шест часто не достает дна. И дико кругом. Ни одного селения. Ни одного следа человека. Куда едем? Будет ли конец этому? Что за край? Наконец на повороте показалась деревня Кучкас.

Постепенно замысел разросся, возник план эпопеи в трех или четырех книгах, охватывающих события от революции 1905 года до репрессий 1937 года. 22 февраля 1978 года запись в дневнике: «Во время прочеса леса на лыжах после обеда родилась дерзкая мысль написать трилогию о России. Первая книга – Россия перед революцией, вторая книга – Россия в гражданской войне, третья – 37-й год. Резня. Контрреволюция. Самодержавие в пролетарских одеждах».

События должны были разворачиваться на Севере, на Пинежье, куда прибыли ссыльные после поражения революции 1905 года.

Книга должна была вместить весь жизненный и духовный опыт Абрамова, его многолетние размышления о судьбе России, о русской истории, русском характере, о путях развития России и всего человечества, о сложной природе человека, о смысле и назначении человеческой жизни.

В книге должны были предстать все социальные слои русского общества: крестьяне (богатые и бедные), купцы, лесоторговцы, промышленники, революционеры всех мастей, народническая интеллигенция, духовенство. 25 февраля 1980 года писатель заметил: «Надо постараться, чтобы в книгу вошли все основные народные типы – как социальные, так и психологические». Люди разных убеждений и верований, разных устремлений. Одних увлекала революция, других – путь обогащения, третьих – теория малых дел, четвертые искали праведной, чистой жизни. Писатель хотел показать, какие цели, какие идеалы двигали людьми и отдельными партиями. Он хотел приобщить читателя к главному – каким должен быть человек, его душа, его помыслы и деяния, «как жить свято», по совести. Одна из заметок (30 мая 1980 года) так и называлась – «Россия ищет себя».

Разные поиски, разные пути:

1. Поиски в народной гуце (мечты о Беловодье, миграция в Сибирь, на тучные земли). Жил-жил и неплохо, да вдруг снялся – не удержать. Не такова ли и Россия? Странничество, бродяжни-

Слева направо: Л. А. Обросов, А. П. Никулин, Ф. А. Абрамов.
Шотова Гора, 1962 г.

чество – в крови у русских. Набожность (староверы), общинная жизнь.

2. Церковь. Анникий. В области духа христианство – самая великая революция.

3. Революционеры, экстремисты разных мастей.

4. Культурничество и просветительство.

5. Деловая жизнь. Болтовня все эти рассказы о новой жизни. Новую жизнь надо строить. Дороги, города, фабрики, заводы».

На встрече с музейными работниками на Соловках в июле 1979 года Абрамов говорил о содержании задуманного романа: «Россия начала XX века. Народ и интеллигенция на Севере – духовные костры. Споры о судьбе России. Настало время, когда Россия и русский человек нуждаются в осмыслении нашего исторического опыта».

Весной 1981 года писатель работал в Архангельском архиве, изучал материал о прошлом области и Пинежского района, об экономике, о деятельности земства, крестьянских кооперативов. А летом 1981 года совершил поездки в Еркино, Кушкополу, в

Пустозерск (на место заточения и сожжения протопопы Аввакума). Летом 1982 года он проехал на Пинеге по местам, связанным с жизнью Марии Дмитриевны Кривополеновой, великой сказительницы, которая должна была стать одной из центральных героинь книги. Об этом я уже писала в документальной повести «Дом в Верколе».

В июне 1982 года в беседе с корреспондентом «Книжного обозрения» Абрамов сказал: «А если говорить о главной работе, над которой я размышляю многие-многие годы – это книга о России, о социальных и духовных исканиях в канун революции».

В личном архиве писателя сохранились буквально тысячи записей, заметок, набросков к трилогии. Он изучал архивные материалы, вел постоянно беседы со старожилами и участниками войны, вел переписку с бывальыми людьми, собирал дневники и воспоминания людей, помнивших прошлое. И, конечно, читал и перечитывал социально-историческую, философскую и художественную литературу XIX–XX веков, связанную с проблематикой книги. Он хотел обобщить и по-своему осветить те вопросы, которые ставили Тургенев и Герцен, Аксаков и Чернышевский, Л. Толстой и Достоевский, К. Леонтьев, Вл. Соловьев, Н. Бердяев,

Ф. А. Абрамов со старожилами Пинеги.
Пинега, 1962 г.

народники, марксисты, сторонники теории малых дел и религиозные деятели (в частности, Иоанн Кронштадтский).

Федор Абрамов всегда восхищался народной культурой русского Севера: обрядами, обычаями, песнями, играми, поэтическим словом. Он не раз говорил мне, что в «Чистой книге» хочет воссоздать всю эту красоту, поэтический мир деревни, все богатство народной души, которая отразилась и в обрядах, песнях, плясках, хороводах, игрищах, гуляньях, в ремеслах и в богатейшем народном слове.

Красоту народного быта, праздников и обрядов Абрамов застал еще в детстве, впитал ее и пронес через всю жизнь. Она обогатила его как художника и мыслителя, и он не раз возносил хвалу вековым народным традициям, мечтал увековечить их в последнем романе.

В архиве хранятся более двадцати объемистых папок, в которые сам писатель рассортировал и документальные материалы, и свои заметки по темам. Перечислю названия только некоторых папок. «Север. Пинега». «Природа». «Нравы, обычаи, быт». «Песни, частушки, заговоры, молитвы». «Жизнь Архангельска, Пинеги, ссыльные». «Иван и Володины». «Кривополенова М. Д.». «Полонский, Калинин, местная интеллигенция». «О монастырях, об И. Кронштадтском, о вере». Хранятся еще несколько общих тетрадей с воспоминаниями старожилов и более двадцати записных книжек с записями бесед и впечатлений от поездок по Северу.

Федор Абрамов долго искал название задуманной книги. Сперва в 1950–1960 годы название было чисто условным – «Война на Пинеге». В 1964 году появилось название – «Обезглавленная Россия», в 1976-м – «Русское поле» с эпиграфом: «Направо пойдешь – коня потеряешь. Налево пойдешь – дом потеряешь, прямо пойдешь – себя потеряешь».

И только в 1978 году он нашел название, которое отвечало глубинному смыслу трилогии. О том – запись в дневнике 28 мая: «Чистая книга»... Вот как будет называться роман о дореволюционной России. А может быть, и вся трилогия, если удастся написать. Название пришло неожиданно, и не без помощи Федора (друг Ф. Ф. Мельников. – Л. К.). Вечером, после ужина, гуляли по заливу, разговаривали о «Доме», а потом я перебрался как-то к своим замыслам о книге, посвященной дореволюционной России.

Стал рассказывать придуманную легенду о берестяной книге, написанной Аввакумом в яме, незадолго до сожжения, сказал:

– А что если назвать роман «Берестяной книгой»? Или «Белой»?

– Чистой, – поправил Федор.

И тут мы все трое сразу поняли: вот название, которое давно ищем. Очень емкое, оригинальное и в то же время мое».

А на следующий день, 29 мая, появилась развернутая заметка о сути «Чистой книги»:

«Легенда: в русском народе живет предание о Чистой книге, книге, написанной самим Аввакумом незадолго до казни.

Чистая книга писана в кромешной темноте, в яме, но она вся так и светится, потому что она написана святым человеком.

Человек, сподобившийся прочесть эту книгу, прозревает на всю жизнь. Из слепого делается зрячим. Он постигает всю правду жизни, и он знает отныне, как жить, что делать.

Но Чистая книга дается только чистому человеку. И до нее надо дорасти. Отсюда – принцип личного самосовершенствования.

Чистая книга живет в народе. Она может быть в груди старых книг, которые лежат у тебя под божницей. И задача – стать чистым, стать достойным Чистой книги.

В легенде о Чистой книге вся Россия, весь русский человек со своими сильными и слабыми сторонами.

Сильная – стремление к чистоте, к праведной жизни.

Слабая – надежда на чудо. Не сам человек делает жизнь, а надеется на других. Отсюда легенды: Град Китеж, Беловодье, Белый скит...

Русские люди самых разных толков ищут Чистую книгу, марксисты – тоже из числа ищущих. Все они романтики, утописты. Всякое жизнеустройство, землеустроение, дело конкретное не поощряется на Руси. Русская литература всегда нападала на делового человека. Он был у нее не в чести.

Русские романтики всегда поносили приверженцев теории малых дел. Назвали-то как? Строительство повседневной жизни, устройство земли русской, конкретное дело... Это все плохо... Это недостойно. Это – малые дела.

В противоположность ему – русский максимализм».

В последующие годы он не раз еще осмыслял найденное название. 30 марта 1979 года запись в дневнике: «Великий день. Открылась философия «Чистой книги». Жизнь в своих истоках и

нравственная высота человека определяется тем, насколько он близок к этим истокам, в какой мере он несет в себе эту чистоту, насколько он художник, творец... Мера отсчета – Махонька».

30 апреля 1979 года в заметке к роману: «Открыт весь смысл жизни человеческой. Сразу счастливым и блаженным станешь. Но чтобы открылась Чистая книга – надо самому быть чистым, дорасти до нее». 20 июня 1981 года другая заметка: «Трагедия России в том, что эту Чистую книгу хотели прочесть и даже присвоить себе нечистые».

Абрамов был увлечен работой над «Чистой книгой» и считал, что это будет его лучшая вещь. В дневнике он нередко отмечал дни и ночи, когда им безраздельно завладевали мысли о романе. Таковы, например, записи от 4 мая, 24 и 26 декабря 1979 года:

«Весь вечер накануне одолевало творческое томление. Это как в природе перед грозой. И вот гроза разразилась. Проснулся в пятом часу утра – весь переполнен «Чистой книгой». Сколько-то минут противился, старался выдержать режим – нет, ничего не вышло. Пришлось включить свет.

5 часов писал беспрерывно. В постели. А потом и до трех часов не выпускал из рук пера. И вот что значит творческий подъем! И вечером не заснул. До полдвенадцатого бодрствовал».

«Вот и кончился сон – с 5 часов утра ворочался и не спал. А причина – писательский зуд. Сегодня, кажется, сложился, наконец, сюжет романа, касающийся интеллигенции.

Схватка между революционерами-профессионалами (ничего не умеющими делать) и культурниками, просветителями, поборниками теории малых дел, людей, которые худо-бедно на глубинке делают жизнь».

«С утра рабочее, даже духоподъемное настроение. Весь день разбирал бумаги (по всему кабинету раскидал) и кое-какие из них, особенно заметки к «Чистой книге», перечитывал. Здорово! Роман обещает быть удивительным... И мне ли после этого тужить по поводу всех подлостей, которые творят нечестивцы из «Правды»...»

Многие дневниковые записи подобного рода приведены в книге: Федор Абрамов. Так что же нам делать? – СПб., 1995.

В декабре 1982 года после тяжелой осенней операции он радовался, что теперь вплотную начнет работать над романом. 25 декабря в дневнике: «Теперь – «Чистая книга». Теперь неделя,

месяцы, годы сплошного упоения, хотя, конечно, будут муки, проклятья, черные провалы». 31 декабря: «Прощай, черный год эхинококка. Да здравствует светлый год «Чистой книги». Господи, задыхаюсь от счастья: завтра окунусь в бумаги «Чистой книги». Только бы не утонуть. 83-й год может стать годом великой радости. Если, конечно, пойдет «Чистая книга»... Дед Мороз! Не обойди меня со своей котомкой, в которой разносишь здоровье. Мне нужно здоровье, много здоровья, тогда – да будет «Чистая книга».

В январе–апреле 1983 года Абрамов вдохновенно работал над первой частью первой книги, написал 18 глав, одновременно делал заметки к другим главам.

Предлагаемая публикация «Чистой книги» состоит из двух частей.

I. Первые 18 глав представляют авторскую беловую рукопись.

II. 13 глав составлены из многочисленных черновых заметок и набросков, которые делал писатель на протяжении многих лет.

Сохранившиеся заметки и наброски разнородны и многообразны. Это своеобразная авторская мастерская, авторская кладовая, где накоплены размышления о судьбах и характерах героев, их взаимоотношениях, отдельные развернутые сцены, диалоги, монологи, колоритные детали и подробности, а также авторские размышления об основных «социально-философских проблемах книги.

Неоднородны заметки и по форме: то это конспективные заметки для себя, содержащие авторские предположения, вопросы к самому себе, то развернутые сцены, то варианты одних и тех же событий. Словом, это различные авторские заготовки к будущему повествованию.

Заметок – огромное количество, буквально тысячи страниц, разложенные самим автором по отдельным папкам с надписью «К Чистой книге» и уточнением материала (например, «Нравы, обычаи, быт», «Порохины», «Иван и Володиные», «Ссылные», «О монастырях, об И. Кронштадтском, о вере» и т. д.).

Поэтому предлагаемые читателю 13 глав – это не готовые главы романа, а лишь черновой материал, зачастую конспективный, который, однако, дает возможность глубже понять и представить характеры и дальнейшие судьбы героев, их взаимоотношения, их поведение в различных ситуациях, а также масштаб

авторской мысли, его наблюдения над русской жизнью XX века, его убеждения, его сомнения, его прозорливые предостережения, поиск им ответов на коренные и до сих пор злободневные проблемы.

Естественно, что, располагая этот разнородный материал по главам, не всегда удавалось добиться стройности повествования, избежать повторов. Но, должна заметить, повторяющиеся размышления, детали и характеристики всегда носят уточняющий характер и к тому же позволяют понять невероятную способность Федора Абрамова, его напряженные поиски истины, нужного слова и формы.

Разрозненный материал потребовал особой формы его организации. Каждую главу я предваряю кратким введением, а иногда и по ходу повествования ввожу в авторский текст небольшие комментарии-сцепления, которые позволяют читателю не терять нить событий.

Словом, образно говоря, II раздел предстает как своеобразная экспозиция, обзор-путешествие по огромному архиву «Чистой книги» и я как гид, как экскурсовод иногда позволяю себе обратить внимание читателя на особенности представленного материала.

III. Приложения. Не все важные заметки писателя вошли во второй раздел. Они и составляют приложения к отдельным главам.

Л. Крутикова-Абрамова

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Огнейка проснулась – журавли курлыкают, гуси-лебеди трубят, ручьи поют-заливаются.

Весна!

Но откуда же весна? Вечер ложились, был пост Великий. Неужто весь пост проспала?

Она повернулась со спины на живот, глянула с полатей вниз и кого же увидела? В кого разбежалась глазами? В Махоньку.

Стоит старушечка-говорушечка, шубейка старенькая с разводами, котомочка за спиной, на руке коробок с кусочками, прикрытый белой холстиной, – и поклон, к каждому слову поклон, – ни дать ни взять, из сказки вывалилась.

Не помня себя от радости, Огнейка векшей перемахнула с полатей на печь, на ходу ткнула ногой Енушка (не спи, соня! Кто к нам пришел-то?) – и на пол. Налетела, сграбастала старушонку обеими руками – та едва устояла на ногах.

– Ну, кобыла! С ума сошла? – заворчала от печи мать.

– Дак ведь я любя. А любя-то не больно, да, Махонечка?

– Махонечка... Какая она тебе Махонечка? Марья Екимовна, вот кто она тебе.

– Нет, Махонечка! – заупрямилась Огнейка. – Мы ведь с ней подруженьки, да, Махоня? – И с удовольствием втянула в себя шедший от Махоньки сенной душок, особенно сладостный с морозца.

– Подруженьки, подруженьки, – рассмеялась старуха.

Гостью раздевали всей семьей – к этому времени с печи слез Енко, а потом чуть ли не под руки повели к столу, на

который хозяйка уже поставила чугуны с картошкой – прямо из печи, густо дымящийся паром, да чугуны – поменьше – с кипятком – самовара в доме не было, еще когда был жив хозяин, списали за неуплату подати.

Гостя тоже в долгу не осталась. Достала из котомки сушеной чернички – ее и заварили вместо чая, а затем из той же котомки и коробка насыпала в старую берестяную хлебницу сухарей из кусочков. Всяких: ржаных, житных*, шанежных**.

У Огнейки и Енка глаза разбежались – не знали, какой кусок и выбрать. Все – вкуснятина! У них в доме еще на той неделе последнюю горсть муки замели. Наконец Огнейка вцепилась в пеструю, самую заманчивую краюшку – так всей пятерней и накрыла.

– Не гонись за Сысоихой, – сказала Махонька, – у ней только перед с фасоном да напоказ, а за передом-то мякиной колет. На-ко я тебе Вахрамея дам.

Все – и Огнейка, и Енко, и даже Федосья уставились на старуху: чего еще Махоня придумала? С каких пор хлебные куски и сухари стали Сысоихой да Вахрамеем называться?

А Махонька тем временем вытащила из кучи хлебных кусков и сухарей толстый ржаной кус и протянула Огнейке.

– Вот какой он, Вахрамеюшка-то, пригожий да желанный. Оржанина чистая.

– Да пошто ты, Махоня, его Вахрамеюшком-то зовешь?

– А пото, что Вахрамей подал. Вахрамей Иванович, с Н..., хороший хозяин. А это вот опять, – старуха за новый кус взялась, – Ряхин Иван будет, тоже человек добрый. А это Емелько с Ш... Сам легкий, как сена клок, и сухарь насквозь просвечивает, хоть в раму заместо стекла вставляй. А то опять будет Оксенья-квашня. Вишь, как расшиперилась.

– И ты, бабушка, все сухари по именам знаешь? – спросил Енко.

– Знаю, как не знать-то. Зайко в лесу все кусты знает, а я разве не заяц в людской пороше? Всю жизнь от дома к дому скачу, всю жизнь с коробкой на руке. Да я не то что по куску, по картошине-то хозяина-то узнаю.

* Житный – ячменный.

** Шаньга – лепешка, политая сметаной.

– А ты, бабушка, будешь ли нам про медведя-то сказывать? Как он на жернове-то летал.

Махонька звонко, по-ребячьи всплеснула сухими, коричневыми ручонками, покачала головой.

– Ой-ой, любеюшко! Запомнил. Да я ведь когда у вас была-то? Два года назад. Сколько тебе тогда годков-то было?

– Пять ему теперека, – ответила за брата Огнейка, – дак считай.

– Ну-ну, высоко взлетишь, когда на крыло станешь! – И Махонька, расчувствовавшись, погладила Енка по светлой, как у ангела, голове.

– А я? – вскинулась Огнейка.

Старуха ни на минуту не задумалась: всегда слово на языке.

– А за тобой на ковре-самолете прилетят. Из самой Москвы але из самого Питенбура.

– Да хоть бы из Лаи кто прилетел, и то бы хорошо, – сказала Федосья, и все рассмеялись.

Махонька всему отдавалась сполна, как ребенок. Она и смеялась до слез. А кончив смеяться, вытерла сухой ладошкой мокрые глаза – у нее были большие, во все широкое, скуластое лицо, светло-голубые, еще не размытые временем глаза – и сказала:

– А меня тоже в Питенбур да белокаменную звали.

– Тебя? В Питенбург? – Огнейка тугим мячиком надула зарумяневшие щеки и не выдержала – громко расхохоталась..

– А вот и зря зубы-то скалишь, матушка, – обиделась старуха. – Звали. Большой человек ко мне из столицы приехал – две недели у меня жил да все старины мои на бумагу писал.

– Давай дак, Махонечка, больно-то не заговаривайся, ну? Да сказывай нам вперед, где у тебя сказка, где быть. А то эдак и нас запутаешь и себя... Да, мама?

Старуха обиделась еще пуще, и потемневшие глаза ее просто заметали молнии.

– Был человек из Питенбура и Москвы. Кого хошь спроси в Ельче, скажет. И не только был, а еще и денег сулил прислать.

– Денег? Это тебе-то денег? – Огнейка тоже зашла, не уступала. – Да за что?

– А за то, что старины ему пела да сказывала. Это у нас то ничем меня зовут, век с коробкой брожу, а на Русь, говорит, выедешь, в ноги тебе поклонятся, Екимовна.

Федосья, растерянно переводя глаза с Огнейки на Махоньку, не знала, как и быть. Надо бы перво-наперво дочь осадить – разве ей, девчонке сопливой, так со старым человеком разговаривать да норов свой показывать? А с другой стороны, она и понимала Огнейку: больно уж старуха расплелась, невесть что наговорила. Как все за золото принимать?

Наконец она сообразила, как без обиды утихомирить старуху и дочь.

– Мы тут про Питер да про Москву раскипелись – все равно не бывать нам ни тут, ни там. Ты лучше нам про свои, про ельчинские новости сказывай.

– Большие, большие на Ельче новости, – сказала Махонька. – Я-то сама в городе давно не бывала, а которые люди были, сказывают: забита Ельча ссыльными.

– Ссыльными? – Огнейка так и округлила карие, слегка раскосые глаза. – А кто они, эти ссыльные?

– А те, которые против царя, девушка.

– Против царя? – ужас плеснулся в глазах у Огнейки.

– Да что, они с шерстью але как?

– Нет, девка, шерсти-то большой на них не видели, разве что под рубахой прячут. А с лица, говорят, гладкие, бритые, одеты по-городскому. И женьско есть.

– Бабы? И бабы против царя?

Как раз в эту пору оттаявшие после утренней топки передние окна позолотило солнцем.

Федосья, не чаявшая, как отвести детей и старуху от опасного разговора, от души воскликнула:

– Ну, слава Богу, вот и царь весны воссиял. Сколько уж не показывалось солнышко – может, неделю, может, больше. Теперь, все ладно, будем хозяина, Савву Мартыновича, из лесу поджидать. Дров сулился привезти.

– А Иванушко, тот все при монастыре мается?

Федосья расплакалась:

– Не мается больше. Выгнали.

– Выгнали? Ивана-то выгнали? Да за что?
– А за что нас, Порохиных, все не любят да ненавидят?
– Федька-келейник икотником назвал, – сердито, напрямик сказала Огнейка.

– Ну и что, привыкать нам к икотникам-то? Мало нас икотниками-то ругают, – возразила дочери Федосья. – Стерпел бы, а то на-ко – с ножом на человека кинулся.

– Не будем терпеть, – гневно сверкнула черными глазенками Огнейка. – Да я бы этого борова, кабы ружье у меня было, сама застрелила бы, вот.

– Вишь вот, вишь вот какие они у меня! – со вздохом кивнула Федосья на Огнейку. – Все в покойника отца. Может, один малый потише-то будет, а эти – что Савва, что Иван, что Огня – пороха не несут.

– А чего им порох-то нести, когда они сами Порохины? – пошутила Махонька, затем опрокинула кверху доньшком свою чашку – напилась – и в утешенье матери сказала: – Ладно, давай не расстраивайся. В вороньем стаде человеку прожить всю жизнь невелика радость.

Разом просиявшая Огнейка воскликнула:

– Махонечка, воронье-то стадо – это монахи, да?

И тут Огнейка до того разошлась, что, как сноп, схватила в охапку старуху, поставила рядом с собой.

– Смотри-ко, Махонечка, я ведь переросла тебя. На целое ухо переросла, ей-богу. А ты, матушка, меня за правду ругала!

– Переросла, переросла, – живо согласилась Махонька.

И Федосья – что делать – только махнула рукой: а ну вас, разбирайтесь сами. У меня и забот других нет, как только старо да мало мирить.

2

Порохины, зубанили в Копанях, первые богачи в деревне. По прозвищам – сразу два.

Первое прозвище – чужь белоглазая – давнишнее, вековечное, когда в порохинском роду вдруг вынырнул на удивленье белоглазый ребяенок – от него-то, сказывают, и пошло светлоглазое и светловолосое племя. А второе про-

звище – икотники – совсем свеженькое – принесла вместе с приданым Федосья.

Отец Федосья, больше известный в своей деревне как Миша-ряб, трухлявый, квелый, и над ним потешались и изгилялись все, кому не лень.

И вот терпел-терпел Миша-ряб, да однажды возьми и припугни мужиков:

– Еще раз тронете, икот на вас напушу.

Думал: за икотами этими укурюсь, как за каменной стеной, а вышло наоборот – житья никакого не стало.

Чуть что случилось в Шуломе – вскочила кила, баба, забитая мужиком, заревела дурным голосом, скотина пала, парень девку разлюбил, хлеб ранним утренником прихватило – кто виноват? Чья работа? Миши-икотника (так теперь его называли), он с нечистью знается, он икотами трясет на каждом шагу, а икоты – те же бесы.

Мишу били смертным боем, не раз пытались спалить вместе с подворьем и в конце концов утопили в мельничном пруду, привязав на шею веревку с камнем. От Миши осталось пятеро детей, и все девки. Красавицами, может, и не назовешь, но все в материн род – все рослые, работающие, рассудительные. Но вот что значит слава икотниц! Не нашлось женихов для первых четырех. И та же участь грозила и младшей – Федосье. Но тут уж взбунтовались сестры: выдадим замуж Федосью! Ни за чем не постоим, а выдадим. Пущай хоть одна из нас да будет жить по-человечески.

Короче, объявили: корову да телушку даем в приданое.

По деревням запели:

Кому надобно жениться,
Поезжайте в Шулому.
Дадут корову, да телушку,
Да икотницу с присушкой.

В свой деревне смельчаков, однако, не оказалось, и в соседних деревнях храбрость не взбурлила ключом, а вот Мартыха Порохин из Копаней минуты не раздумывал. На коня вскочил и поскакал сломя голову – только бы не опоздать.

Другой такой семейки, как порохинская, не то что в Копанях – по всей Ельче поискать. Две дочери, обе красавицы, забрюхатели в девках, и сыновья – три мужика, три лба здоровых, – ни один не прирос к земле. Но старшие хоть служили: Герасим, старый солдат и холостяк, – дворником в Архангельске, Левонтий – в лесной страже, а младший? Что делал Мартын?

Мартын, с малых лет заядлый лошади́к и картежник, всю жизнь ошивался на ярмарках да всяких торжищах.

В свои тридцать лет он не верил ни в Бога, ни в черта, а уж в каких-то там икот и подавно. И все-таки, перед тем как лечь с молодой в брачную постель, он до крови излупил ее плеткой – так, на всякий случай, чтобы выбить икот: а вдруг да они, стервозы, и на самом деле есть. Ведь бают же зачем-то про них люди.

Женитьба никак не изменила Мартына. Он по-прежнему таскался по ярмаркам, по-прежнему менял лошадей, бражничал, играл в карты и раз до того продулся, что Федосья осталась в одном сарафане – всю одежду, всю обувь выгреб да отдал за долги цыганам.

Но была, была одна слабинка и у Мартына – Огнейка, хотя именно рождение-то дочери попервости повергло мать в ужас. А как? Все сыновья – и Савва, и Ваня, и два мальчика, которые умерли, все были в отца: светлоглазые, беловолосые, а тут – чернявка, головешка банная. Что скажет отец, когда вернется домой (Мартын был тогда в Ельче, на Никольской ярмарке)?

Мартын ничего не сказал, даже не посмотрел на дочь. И так было до тех пор, пока однажды Огнейка (она уж к тому времени говорила) вдруг ни с того ни с сего начала проситься с коленей матери к отцу. Так прямо и сказала:

– Хочу к таты!

Федосья, насмерть перепуганная, посадила Огнейку на пол, нашлепала: не выдумывай! Сыновей отец ни разу на коленях не держал, а ты чего захотела?

Не помогло. Огнейка снова потянулась к отцу. Тот зазвонил глазищами – медведь испугается, не то что ребенок, – и так двинул валенком, что девка чуть не на середку избы отлетела.

Но и на этот раз не отступила Огнейка.

– К таты, к таты хочу! – захлебываясь слезами, завопила она еще пуще и снова поползла к отцу.

И тут произошло чудо: Мартын поднял с пола ребенка и посадил на лавку рядом с собой.

– Моя девка! Поеду в город, гостинца привезу.

С той поры не было случая, чтобы Мартын, возвращаясь из какой-либо поездки, не привозил дочери подарка. И в ту, свою последнюю поездку, когда Карюха привезла его домой мертвым и начисто ограбленным, он не забыл про дочку: Федосья на дне розвальней, под сеном, нашла маленькие черные валеночки.

3

К Порохиным по целым дням никто не захаживал, если не считать соседского мальчика Олешеньки горбатого, – тот не боялся икот, дневал и ночевал у них.

А сегодня не успела Федосья убрать со стола, как заиграли ворота, забухали двери.

Первым прибежал Гавря свата Викула, который своим строеньем-размахом перекрывал Порохиным солнце, парнишечка мозглявый и вредный, как отец. Прибежал в одной рубашонке, босиком и долго выплясывал под порогом.

Огнейка (к этому времени она с Махонькой и Енушком была уже на печи) пришла в ярость:

– Зачем пришел? Кто звал? Убирайся! – И руками загородила от него старуху, как будто та принадлежала только ей.

– Огня! Нехорошо ведь так встречать гостя.

– Не защищай, не защищай, матушка! Гость... Вечор я выбежала на улицу, ты чего кричал? Как меня называл?

В избу вбежало еще двое, потом трое, а потом и дверь перестала закрываться.

Огнейка еще не сдавалась, выкрикивала:

– Не будет, не будет вам сказывать да петь Махоня. Да, Махонечка?

– Давай дак не гони. Не убыдет твоей Махонечки. У меня костья да мяса нету, а горлом-то Бог не обидел. Как тру-

ба. – И старушонка, не то пробуя свой голос, не то для того, чтобы умиротворить Огнейку, заревела белугой – стекла задрожали в рамах.

Ребятишки – их уж под полатямиросло как грибов в лесу в урожайный год – молча, задрвав кверху головы, как на чудо, смотрели на крохотную старушонку. И та в грязь лицом не ударила. Ножки коротенькие, в цветных шерстяных чулках домашней вязки с печи свесила (никогда лежа не пела, не сказывала), голову в синем, полинялом повойничке вскинула – на глазах выросла.

– Ну чего сказывать-пропевать?

– Про Зайку да Лисоньку!

– Нет, про Кастрюка.

– Про медведя, про медведя! На жернове-то который летает.

Махонька – явно для того, чтобы задобрить все еще сердитую, надувшуюся Огнейку, – сказала:

– А вот что моя подружка прикажет, то и петь-сказывать буду.

– Ну тады про медведя, Махонечка, ладно? – чуть не плача, прошептала Огнейка.

Небылица в лицах, небывальщинка.

Небывальщинка да неслыхальщинка.

Ишша сын на матери снопы возил.

Всё снопы возил, да всё коноплены.

Впереди, среди тех, кто был поближе к печи, рассмеялись.

А задние ловили каждое слово с раскрытым ртом, да и Федосья, даром что не первый раз слышит небылицу, тоже напрягла ухо.

Шепеляво, жиденьким ручейком выкатились первые слова из беззубого старого рта. Махонька это и сама понимала.

– Худо чего-то ноне зачала, – сказала она недовольно. Всё на мели, всё на мели, никак не могу на глубь выйти. Ну-ко, я еще раз пропою.

Она прокашлялась и заново повторила пропетые строки. И тут как будто прорвало плотину: голос ее разлился рекой, но рекой веселой, с подскоком, с игрой на перекатах: не-

былица-то была плясовая. Скуластое, широкоглазое лицо Махоньки от впалого морщинистого рта, в котором победно сверкал один-единственный зуб, до корней седых волос, аккурратно заправленных под повойник, омылось счастливейшей улыбкой, и она начала прихлопывать в ладоши.

Небылица в лицах, небывальщинка,
Небывальщинка да неслыхальщинка.
На гори корова белку лаела,
Ноги расширя да глаза выпуча.

Тут прыснули сразу с десяток ребятишек – живо представили себе корову, но Махонька орлицей вскинула голову: чтобы никто не посмел ее перебивать. Не любила, когда к ее слову отборному липла мякина.

Небылица в лицах, небывальщинка,
Небывальщинка да неслыхальщинка.
Ишша овца в гнезди на яйце сидит,
Ишша курица под осеком траву секет,
Небылица в лицах да небывальщинка.
По поднебесью да сер медведь летит,
Он ушками, лапками помахыват.

– Буде заливать-то! – громко, на всю избу выкрикнул Васька, старший брат Гаври. – Медведь-то не летает.

– Загунь! – с ходу обрезала его Махонька. – Мой летает! – И она, какое-то мгновенье сердито поплямкав губами, опять заулыбалась: любила сказывать небылицу.

По поднебесью да сер медведь летит,
Он ушками, лапками помахыват,
Он черным хвостом да принаправливат.
Небылица в лицах, небывальщинка.
По синю морю да жернова плывут,
Небылица в лицах, небывальщинка.
Как гулял гулейко сорок лет за печью,
Ишша выгулял гулейко ко печню столбу.
Как увидел гулейко в лохани:
«А не то ли, братци, всё синё море?» –
Как увидел гулейко – из чашки ложкой шти хлебают:
«А не то ли, братцы, корабли бежат,
Корабли бежат, да все гребцы гребут?!»

Небылица в лицах, небывальщинка,
Небывальщинка да неслыхальщинка.

– Всё, – шумно выдохнула Махонька и поклонилась.

– Ишо, ишо! – дружно, на все голоса закричали детишки.

Федосья, убаюканная Махонькиным голосом и пригретая мартовским солнцем, заставила себя встать. Она не ребенок, ей нельзя часами без дела сидеть.

Хорошо быть в Махонькиной сказке, век бы ее слушала, а надо выбираться в жизнь. Невпроворот дел. Корова (через месяц, все ладно, Лысоня отелится), вода, дрова. А самое главное – чем накормить гостью?

Для других, может, ихняя гостья всего-навсего только нищая старушонка-попрошайка, а для нее, Федосьи, видит Бог, на всем свете нет дорожке гостьи. Семь лет назад (тогда еще был жив Мартын) Савва, возвращаясь с Синь-горы с товарами для Губиных, подобрал на дороге полузамерзшую старушонку, которую попервости принял было за лесную нежить – такая она была крохотная, привез домой, да с той поры эта старушонка стала для нее роднее родной сестры. С кем так выговоришься, облегчишь свое сердце? Когда они, Порохины, как все люди? Когда их дом полон людей? Когда Марья Екимовна у них. А уж насчет веселья, радости, надо правду говорить, у них такого и в Пасху не бывает.

Федосья, одеваясь и вполуха прислушиваясь к разошедшейся старухе, неотступно думала о том, чем кормить гостью.

Год был зеленый, сами они уже вторую неделю жили на картошке, да на грибах, да на капусте. Все надежды были на Савву, на его заработки. Но когда Савва из лесу вернется? Через неделю? Через две?

Занять денег у людей? Да где найти таких добреньких да храбрых, которые захотели бы икотнице помочь?

И вдруг Федосью осенило – репы с поля привезти. Правда, в Копанях ямы с репой вскрывают ближе к концу Великого поста, когда людей вплоть до шатуна вымотает постная еда, и, ах, какая это радость для ребятишек и для взрослых – свежая репа! Как на дрожжах, все начнут под-

ниматься. Но что с того, ежели она и раньше, чем принято, раскроет яму с репой? Осудят? Ну, и Бог с ними, пересудами. Не привыкать.

4

У Марьюшки, или – по-уличному – Марьки, Федосьиной свекрови, в молодости была худая слава. Сыновья от Фомы – на каждом из троих отметина родовая, а от кого дочери? Обе с шальной кровью, обе зеленоглазые. От монахов?

Зато уж под старость Марьюшка стала святошей из святош. В пост молока никому ни ложки (дети шилом хлебали), день начинать и кончать молитвой, и невесткам в святые праздники с мужиками спать порознь.

Молодоженев – Мартына и Федосью – Марьюшка встретила на крыльце: в одной руке икона Спас Ярое Око (нарочно для такого случая разжилась у соседей), в другой – курящийся ладан. Сына только ткнула иконой, а невестку три раза обнесла да три раза – с головы до ног и с ног до головы – окурила ладаном.

– Ты первая-то не говори, – предупредила сразу же Федосью старшая невестка, жена Левонтия. – У нас, покуда матушка не заговорит, я молчу.

И Федосья ни за те три года, что они жили вместе, ни позже, когда у них с Мартыном появился наконец собственный домишко у болота и она стала самостоятельной хозяйкой, – ни разу не заговорила первой.

Так поступила она и сейчас. Перешагнула за порог, поздоровалась и ждала, когда заговорит свекровь.

Марьюшка, сидя на передней лавке у заплаканного окошка, пряла. Куделя была некорыстная – конопляные очесы с кострицей, пыль затыкала рот, и она то и дело кашляла, плевала на нитку, чтобы та легче шла.

– Чего середка дня шатаешься? Делать нечего? Вот вы всю жизнь в нищете и живете. Да с чего же у вас чего будет, когда у тебя и в праздники, и в будни одни гулянки на уме? Господь-то чего сказал...

И пошла, и пошла разносить. Федосья по привычке выждала, пока свекровь всю злость вымечет, сказала:

-
- Хотела Серка у вас на час-другой попросить.
– Зачем?
– На репище за репой съездить.
– Чего? За репой? Да ты спятила? Не знаешь, когда люди репу из ямы подымают?
– У меня гостья дорогая есть, дак хотела ей угостить.
– У тебя гостья? – Марьюшка от удивления поперхнулась. – Чего еще плетешь? С каких пор к тебе забегали гости?
– Марья Екимовна с Чимолы.

Марьюшка зло сплюнула:

– Тьфу ты, прости Господи! Я ухи развесила, думаю, – человек какой.

– А для меня Марья Екимовна – первый человек, – сказала Федосья.

– Ну раз эта бесовка для тебя первый человек, у ей и лошадь проси.

Левонтий – он лежал на кровати – захохотал. Но за невестку не вступился. В бабьи дела он не вязался, а все, что касалось дома, это у Порохиных считалось бабьей заводью. Левонтий одно дело знал – лес. А так как зимой у них, лесников, работ в лесу почти нет, то он по целым дням лежал на кровати, копил силу.

Голос в защиту Федосьи неожиданно подала добрейшая Матрена, жена Левонтия:

– Можно бы, матушка, Серка-то дать. Хоть бы протрясся маленько, второй день стоит.

– Не твое дело! – отрезала Марьюшка. – С коих это пор яйца курицу учить стали? – и так стриганула бедную Матрену своими черными, как смоль, глазищами, что та, бедная, сама уж старуха, не знала, куда и деваться.

Федосье Марьюшка в напутствие сказала:

– Выбрось из головы всякую репу: в середке поста да в конце репу из ям выбирают. Але хошь, чтобы, когда люди репой будут щелкать, у вас дома зубами от зависти щелкали?

5

Зима была в полной силе. Морозко, как игривая собачонка, покусывал у Федосьи подколенки, ярко – глазам больно – блестел молодой снег, еще рыхлый, не слезавшийся

Пинега, 1960 г.

после вчерашней метели, а с неба уже глядело лето. Голубое, голубое лето. И на солнце, возле строения, заметно пригревало. Когда она стала снимать с крыльца санки – она решила идти за репой пешком – в лицо ей ласково, как Лысиха, дохнуло теплом нагретое дерево.

И то же ласковое тепло временами она чувствовала на своих щеках, когда, волоча за собой санки с коробом, с пешней, лопатой и соломой, шла впритык с гумнами.

Дорога до дальних колодцев – за болотом – была утоптана, местами даже замята. Вода в этих колодцах желтая, тундровая, но сейчас и такой воде все рады: в Великий пост у них, в Копанях, пересыхают и колодцы.

– Тоже пост блюдут, – шутили.

Из раскрытой смолокурни, дурным чирьем усевшейся в развилке дорог на почтовый тракт и в поля, выбежал черный, Головешка, Пименко-килан.

– Куды ето с коробом? Не икотами у лешего на базаре торговать?

Федосья отвесила поклон, поздоровалась, да еще и сказала:

– Бог в помощь, Пиман Петрович.

Так учила ее родная мать: добрым словом да смирением обезоруживать ругателей и лиходеев.

Некоторых это пронимало. И, похоже, Пименко тоже – прикусил язык. Крикнул вдогонку, когда она уже входила в поля:

– Куда тебя понесло-то? Никто еще не ездил со вчерашнего.

Дорогу в полях и в самом деле загладило вчерашней заметью – только на взгорках, на горбылях она отсвечивала черепицей. Но Федосья и не подумала отступить. Господи, всю жизнь, как помнит себя, ломается с дровами, с сеном, с водой – в стужу, в жару, в непогодь, так что уж бояться знакомой-перезнакомой дороги, по которой еще позавчера ездили. Она только перебросила через плечо веревку от санок, взялась за конец ее обеими руками.

Пробилась через снежные заносы. И пробилась довольно легко, даже не вспотела, хоть и по колено снегом брела, а под ногой плотно было – дорога.

Дорога для нее кончилась у кустов, свернула направо, а ей надо было напрямик, к трем елям, у которых было их репище.

Господи благослови, перекрестилась она и сразу же бухнула до груди.

Она подумала: в канаву попала – неужто такие глубокие снега в этом году? Рванулась вправо, рванулась влево – нет, везде то же самое.

Стоя по грудь в снегу, она поглядела вдаль на свои заветные ели, на вершинки краснотала слева, возле которых зайцы уже успели бросить свежие петли, и стала пробиваться вперед.

Ваня, с малых лет большой охотник до всяких подсчетов, высчитал все ихние дороги. И, по его подсчетам, от большой полевой дороги до репища – через Ларюшеву гарь – выходило ровно 200 саженьей. Пустяк обычным ходом. А сколько она сейчас этот пустяк мытарилась?

В заречье монастырские часы (в прошлом году поставили) ударили два часа, три часа, и только тогда она, вся мокрая, задубевшая, выбралась к заветным елям.

Пока искала в снегу тычку, воткнутую в яму с репой, да пока разгребала снег, да взялась за пешню, в монастыре зазвонили к вечерней.

Страшным ревом взревел большой колокол – за двадцать пять верст в ясную погоду слышно, за ним рассыпались колокола поменьше, потом дружно, захлеб зачастили подголоски.

Федосья, опершись грудью на пешню, перекрестилась, смахнула с глаза слезу.

Господи, как она радовалась, когда батюшка Иоанн Кронштадский ее сына отличил, какой свет в душу ей хлынул, когда Ваню взяли в монастырское училище, а уж его служба в монастырской канцелярии, та и вовсе незаменимым праздником была. Ведь думалось, отныне не только Ваня в люди выходит, с ихней семьи проклятье снимается.

И вот все, все одним взмахом ножа порушил. Сам Ваня.

Она не ругала сына, слова худого не сказала (и тут матери своей следовало: та, бывало, никогда ее с сестрами не ругала). А кроме того... Грех, грех большой особый уголок в

сердце для сына выгораживать, а что скрывать – у Вани по-теплее был уголок, чем у других. И кто в том виноват? Сам Ваня. Поживее на ум да попригожее ликом был – недаром сам батюшка Иоанн отличил! Ее, мать, от верной смерти спас.

Раз поехали они с Саввой по дрова, и вдруг на обратном пути Рыжко захромал, да так, что пришлось выпрячь и вести домой в поводу. Мартын распалился (не было в Копанях резвее коня), бросился на нее с топором. И вот кабы не Ваня, тут бы и кончилась ее земная юдоль. Ваня, семилетний мальчишечка, с криком, с ревом кинулся на отца.

Ваня сегодня с утра ушел в Мытню. Костя-грива, а похорошему – Константин Иванович, только никто так не зовет, всю деревню задавил. Костя-грива давно просит Ваню помочь ему учитывать товары. И Федосья, все еще прислушиваясь к монастырскому звону (строго звонили – пост Великий), в который раз сегодня помолилась за сына.

После этой небольшой передышки она принялась долбить пешней землю.

Земля затвердела, как камень, крепко промерзла еще с осени, пешня отскакивала, искры летели в запотелое лицо, но ей не занимать было терпенья. Вся жизнь ее была сплошным терпеньем. Да и Господь Бог не обидел силой. Она была рослая, крепкая, как мать (та в восемьдесят три года умерла со всеми зубами), и с детства была приучена ко всякой работе. Ну, а уж замужем-то она просто ломила за мужика. У Мартына одно на уме всю жизнь было: ярмарки да лошади, на поле да на пожню когда заглянет, когда нет, а семью-то кормить надо? И корова да лошадь тоже не воздухом питаются. И вот при живом мужике она за мужика робила: пахала, сеяла, косила, ставила зароды, рубила дрова.

Федосье стало жарко, она скинула с себя полукафтаны. Ветерок, незаметный доселе, начал шарить по потной груди. Ничего, на печи простужаются, а не за работой, – любила приговаривать ее мать.

Мало-помалу она раздолбила самый закаменелый слой земли, легче пошла пешня, а потом настала минута, когда пешня вдруг до самого деревянного цевья, до блеска от-

полированного еще, быть может, руками Мартынова отца, ушла в яму. Пробилась, можно сказать, к репе.

– Ну, Марья Екимовна, – сказала вслух Федосья, – есть ли у тебя счастье?

Хорошо это осенью прямо на поле в яму репу засыпать. Всю зиму в земле пролежит и весной как заново родилась – плотная, сладкая, душистая, ни в каком погребке так не сохранишь. Но яма есть яма: может вымерзнуть репа, может выгнить, задохнуться. И поэтому Федосья, когда наконец выкидала всю землю и начала выбирать солому, которой была перекрыта репа, большие ее, нахолодавшие руки (зимой она редко робила в рукавицах) слегка дрожали.

Есть, есть счастье у Марьи Екимовны! Летним, сладким духом дохнула на нее яма, а потом она увидела и саму репу – желтенькую, чистенькую, уложенную репка к репке. И ей, с утра сегодня настроенной на сказку, подумалось, что она не репу откопала, а золотой клад.

6

Домой приволоклась Федосья уже в сумерках. В монастыре все еще ухал колокол-великан, а в избе разливался свой колокол – Махонька.

Возле подпечка дымно чадила, потрескивая, еще не угасшая лучина, копоти да дыма в избе – топор вешай.

Но до копоти ли и дыма было ребятишкам, девкам и бабам? (Да уж девки и бабы кое-где давили лавки.) Разве в избе сейчас сидели они? В палатах у царя Ивана Васильевича, на свадебном пиру – Махонька про Кастрюка, про Марью Демрюковну пропевала.

Вот что может сделать маленькая старушонка с людьми. Сказкой заморозила, заколдовала людей.

Прихода хозяйки тоже, показалось Федосье, никто не заметил.

Гремя смерзшимся, как железо, сарафаном, она прошла с коробом репы в задоски, потихоньку переделалась во все сухое, потом намыла в деревянной шайке репы, наскоблила ее для Махоньки – той с одним зубом за весь вечер не прибрать и одной репки.

Вот тут-то, когда из задосок потянуло сладкой репой, Огнейка – и она с Енушком, должно быть, весь день просидела на печи голодная – живо спросила:

- Мама, чего у нас эдакое сладкое?
- Гостинцы от зайки принесла.
- Да ведь тот гостинец кабыть репой пахнет?
- Ну вы, репыи души! Але меня слушать, але репу!

Это – Махонька. Сердито прикрикнула, и Федосья подивилась старушонке. Весь день не евши, весь день без передышки горло надирать – да откуда у человека и силы только берутся?

– Екимовна, я и тебя хочу немножко репкой потчевать. – И Федосья, выйдя из задосок, протянула старухе на печь глиняную тарелку с наскобленной репой.

– Мама, а нам-то? – сразу в два голоса заныли Огнейка и Енушко.

– И вам, и вам дам, только вот воздух свежий впущу в избу. Вы ведь со сказками-то про все забыли. Как в байне дымной сидите.

Федосья приоткрыла дверь, трубу, душник, а заодно уж и свет наладила – целую стопу сухой березовой бездымной лучины из запечья вынесла.

Репу Огнейке и Енушку подала напоказ, на глиняной тарелке, не удержалась, чтобы не похвастаться. Поглядите, поглядите, какая репа у икотницы уродилась. Репка на тарелке развалилась, как яблочки наливные, о которых в сказках сказывают.

Не дождалась Федосья похвал. А почему – сказали ребячьи глаза.

С завистью, с голодным блеском смотрели они в су-темень на печи, где Огнейка и Енушко, блестя глазами, с хрустом, с причмокиванием от удовольствия уминали репу. А Илько Василья Гавриловича, пятилетний мальчишечка, тот сидел со слезами на глазах, а потом и в голос заревел.

Федосья кинулась в задоски за репой – грех великий пытаться такого мальчишечку – да вместо одной репки вынесла целую хлебницу, поставила на стол.

Ох, что тут поделалось!

Огнейка с печи кричит, чуть не плача: «Мама, мама, не давай ругателям! Мы сами съедим!», а ребятишки мигом со

всех сторон облепили стол, бабы и девки пришли к ним на подмогу – про все икоты забыли.

Хлебницу опустошили – разнесли за считанные минуты, и все разгулявшимся глазом к хозяйке: только в аппетит вошли. И пришлось, пришлось Федосье еще насыпать одну хлебницу.

– Ну, набили брюхо репой – дрыхать теперика пойдём? – подала голос с печи все еще сердитая Махонька.

– Не-е! Сказку, Махоня!

– Былину! Про Илью Муромца.

– А меня дак чего-то на веселье с репы-то потянуло, – простодушно призналась Фекла-вдовица.

– Про Комара! Ну-ко, Махонечка, женим Комара. Может, он с молодой-то летом не так будет кусать.

– Давай дак, вы замучите у меня гостью-то! – вступилась за старуху Федосья.

Но у Махоньки на печи уже заблестели глаза. Для настроения она разгульно выкрикнула: «Репу ела, петь хочу!» – и почала колоколить.

7

Никто не слышал, как в избу вошла Марьюшка. Зато уж когда увидели под порогом черную, в дугу согнутую старушонку с горящей лучиной в руке (всю жизнь огнем от бесов спасается), все разом стихли – и дети, и взрослые.

– Не обманете, не обманете! За версту слышно, как вы тут беситесь. Мало скакали о Масленой, дак давай Великий пост поганить?

Марьюшка проковыляла к печи, подняла над головой лучину. Пламя высветило растерянную Махоньку и прижавшихся к ней Огнейку и Енушко.

– А, старая греховодница! Прискакала! За сто верст прискакала, чтобы беса потешить?..

– Ты мне эдаки слова не говори, Марья Ефремовна. Я в Христа Господа Бога верую.

– Веруешь ты... Колокол в монастыре весь вечер надрывается, а ты какую службу развела? Ох, кипеть тебе в геенне огненной. Видала, у входа-то в монастырь икону – Сатана

в аду с Иудой на коленях сидит? Ну дак ты заместо Иуды будешь сидеть.

– Нет, нет! – насмерть перепуганная Огнейка завопила. – Не отдам Махоню.

– А ты, бес худой, помалкивай! У сатаны большие колена, и для тебя места хватит.

Федосья, чтобы хоть как-то ввести в берега клокотавшую гневом свекровь, услужливо помогла ей снять с себя шубейку, затем, торопливо обметая рукой, подала ей единственную в доме табуретку, которую выставляли для особо почетных гостей, взяла из руки дымящийся огарок, бросила в лоханку.

– Может, матушка, репки свежей поешь? Хорошая у меня репка. Сладкая.

– Ей, ей, скоморошье отродье своей репой ублажай. Пуще скакать будет.

Тут уж вскипела и Махонька:

– Ты меня-то топчи, а святых людей не тронь. Вот.

– Че-го?

– А то. Скоморохи – люди не простые, скоморохи – люди святые.

– Тьфу, тьфу! – заплевалась во все стороны Марьюшка. – Бог дал попа, а черт – скомороха.

Кто-то из баб не выдержал – прыснул. Марьюшка накинулась и на баб:

– Давай, давай! Она бесов забавляет, а вы с ей? Люди благочестивые что делают в пост Великий? Стихи духовные поют, про страсти Господни сказывают. А вы пасть открыли: ха-ха-ха. Всех, всех на том свете за язычища-то данные повесят. Да споднизу-то огнем, огнем подпаливать будут. Вот зубы-то скалить в пост Великий. Бо рече Господь: горе вам, смеющиеся ныне, яко возрыдаете и восплачете...

Махонька опять подала голос с печи:

– Ты меня-то пугай, Бог с тобой, да хоть ребят-то пожалей. Вишь, ведь они сидят, бедные, дыхнуть не смеют.

– Чего их жалеть-то? Тому же сатане служат.

– Господи, как у тебя и язык-то повернется...

– Вавилон – город такой был. Сколько там ребятков было, а где они? Всех Господь за грехи родительские покарал, все

в преисподнюю огненную провалились... А у вас разве не тот же Вавилон?

Тут малые от страха подняли рев, а из-под Олешеньки горбатого побежал на пол ручеек, за что он тотчас же схлопотал от матери затрещину.

– Не бейте, не бейте Олешеньку! – истошным голосом закричала с печи Огнейка.

Она всю жизнь защищала несчастного его, мигом слезла с печи и бросилась ему на помощь.

– Ничего, ничего, Олешенька! – утешала она мальчика. – Все пишут. Я сейчас затру вехтем. А ты, бабка, не ходи больше к нам, вот. Все только стращаешь да пугаешь.

– Огня, Огня, бесстыдница! Ты кому это говоришь? Проси сейчас же прощения у бабушки.

– Не буду просить.

– Не будешь? – Федосья схватила дочь за шиворот, поволокла к бабке, которая просто онемела от дерзости внучки, только губами перебирала, и не доволокла.

Крик, вой, визг взметнулся в избе, как будто пожар ворвался в избу, как будто потолок обвалился на людей.

– Чур, чур меня!

– Крестом, крестом его Господним!

Федосья обернулась к порогу и обмерла от ужаса: черт! Весь в седой шерсти, рожа черная, глаза горят.

– Бабы, бабы, держите меня! – застонала Марьюшка. – Ведь он за мной пришел – вишь, глазищами-то меня сверлит.

– За тобой, – прохрипел черт. – Тебя в ад поволоку. Тебя буду на углях жарить да в котле со смолой варить. – И черт и раз, и два скакнул в сторону Марьюшки.

С Олешенькой горбатым опять сделалось худо. Он без памяти свалился с лавки на пол и засучил ножонками.

И вдруг черт заговорил жалостливым-прежалостливым голосом:

– Голубанушко, да ты-то чего испугался? Разве я тебя трону, бедного? – а потом и того чище – детишек стал угоривать: – Да что вы, глупенькие? Я за вас-то и хотела заступиться.

И тут с черта свалилась шкура. Махонька! Она, коротышка, в своем синем сарафанишке.

– Ну, Марья Екимовна, – сказала Федосья, – не дело, не дело ты это надумала.

А Марьюшка, та круто вскочила на ноги и, крестя направо и налево, прострочила на выход, крестя рукой.

– Пойду, пойду. Минуты не останусь с этим бесовским отродьем. Вишь, ведь в избе-то серой, как в преисподней, пахнет. А бесы-то, бесы-то проклятые! Так и выются, так и скачут кругом ей. Как вороны черные.

Когда за окошками отскрипели на морозе старушечьи шаги, Махонька, виновато пряча глаза, попросила у всех прощения – и у больших и малых – и тихонько убралась на печь.

Посиделка кончилась – это было ясно всем. Анна, мать Олешеньки горбатого, первая встала, прижимая к груди ребенка, все еще дергающегося и всхлипывающего.

За ней также молча потянулись другие.

8

Пока Федосья ходила к корове да заносила с улицы дрова, Огнейка и Енушко уснули. Уснул и на печи возле гостьи.

– Тебе, Екимовна, они не будут мешать? А то давай на полати проводим.

Махонька ничего не ответила.

– На улицу-то не выйдешь? – еще раз попыталась заговорить со старухой Федосья. – Хорошо на улице-то. И не вовсе морозно, и месяц в небе играет. Это ты нам хорошую-то погоду принесла. Перед тобой, скажи дак, мело да пуржило.

Но Махонька и на хозяйкину лесть не ответила, и Федосья поняла: обиделась старая. А может, и укачало. Тяжелый день у человека был.

Федосья закрыла трубу, душник – хорошо прочистило в избе воздух, пока она обряжалась, затем положила дров в печь (утром чтобы только поджечь), загасила лучину в святце.

Избу залило серебряным светом. У ног ее, выгибая спину, замурлыкала Шейка.

Федосья, смиренно вглядываясь в темный угол с иконами, помолилась и легла на деревянную кровать.

И вот не успела вытянуть ноги да сотворить на сон грядущий молитву, в воротах тихонько звякнуло железное кольцо. Ваня. Он так ходит, у него такая легкая рука.

Она не спрашивала сына, не терзала ему душу, что случилось. Ей и так все было ясно: не принял Костя-грива. И до него дошли слухи о Ваниной выходке. Но почему он так поздно возвращается домой? (Семь верст до Мытни.) И почему дрожмя дрожит? Неужели заболел?

Ваня, щелкая зубами, сказал:

– В сумете сидел.

– В каком сумете?

– На задворках у себя. В сумете соломы.

– Да ты, парень, ошалел. Дом родной для тебя, что ли, закрыт?

Это уже Махоньку прорвало. Она с печи голос подала. А Федосья только покачала головой. Как жить с такой гордостью? Да, да, она-то знала свое детище, знала, из-за чего Ваня целый вечер высидел в сумете соломы. Из-за гордости. Дома полна изба народу, начнут спрашивать, как да что было в монастыре да почему Костя-грива отказал, – нет, лучше замерзнуть, чем позор. Вот ведь что у ее Ивана на уме было.

Махонька хотела было уступить Ване печь, но Ваня и слышать не хотел. Он лег, укрытый всеми шубами, на кровать, где только что лежала мать, а Федосья постлала себе на полу, возле передней лавки, где не так мешал месяц.

Она не спала. Она все ждала, когда заговорит Ваня: Ведь ему же легче будет, когда выговорится.

Но Ваня молчал. В избяной тишине только и слышно было, как он на кровати грызет репку да еще время от времени на печи потрескивает лучина: должно быть, Махонька не спит. Должно быть, она ворочается, стараясь поудобнее устроить на ночь свои старые кости... Потом все звуки в избе стихли. И тогда Федосья, по обыкновению, тихим шепотом, чуть-чуть шевеля губами, начала читать доморощенную молитву, которую когда-то читала еще ее мать:

– Господи, благослови моих деточек: Савву, Ивана, Огнею, Афиногена, дай им крепкого здоровья и долголетия, ума-разума, да счастья и удачи в жизни. Аминь.

Вслед за этим она особо призвала Господнее благословение на свою скотину: на Карюху и Лысаху, на двух овечек и Белошейку (хорошо мышей ловит), затем мысленно перекрестила в дому все ворота, двери, окошки и окошечки, щели, чтобы не было ходу в дом ни нечистой силе, ни лихому человеку, и только после этого отдалась сну.

9

Быстро, за три дня, расправились с бабушкиными кусочками и сухарьками.

И настало утро, когда на столе у Порохиных опять не оказалось ни единой крошки хлебного.

Енушко, катая по столу горячую картошку, вдруг выпалил:

– Бабушка, а у нас в деревне старушки тоже собирают кусочки. Я видел.

– Да ты глупый, что ли? – возмутилась Огнейка. – Бабушка-то гостья, а гости-то не собирают кусочков, да, мама?

– Да, да! – быстро замотала головой Федосья.

От стыда она не знала, куда и глаза девать, и у Вани всегда бледное лицо порозовело.

Но что за золото эта Махонюшка! Не обиделась. Весело, как сорока, застрочила:

– А вот и пойду, батюшко. Что мне стоит обежать хоть ваших суседей. Сказки слушать любите – раскошеливайтесь. Немного и надо бабушке: каравай хлеба до пупа да белой рыбки два пуда...

Жаркий смех полыхнул за столом: Порохины были отзывчивы на игривое слово, может, потому-то и облюбовала их в Копанях Махонька.

Одна хозяйка в эту минуту хмурила брови. Потому что, глядя на довольнехонькую, до слез смеющуюся старушонку (всегда вот так радуется, когда вовремя нужное слово подкинет), Федосья вдруг подумала: а что если она и на самом деле пойдет попрошайничать? Она не из робкого десятка,

коробку на руку – и запела: подайте Христа ради. А им-то, Порохиным, после этого как жить? Им-то как людям в глаза глянуть? Ведь такого сраму, чтобы гостья хозяев кормила, да еще кусочками, собранными Христа ради, такого сраму, как свет стоит, не бывало.

Ей не хотелось, ох, как не хотелось идти на поклон к Губиным – Савва и так вперед забрал и деньгами, и харчами, но и сидеть сложа руки она тоже не могла.

– Мама, ты куда? – окликнул ее Ваня, когда она после полудня вышла из дому.

Федосья никогда не таилась от детей, а уж от Вани-то, который с малых лет поражал ее своим умом, и подавно.

– Хочу до Губиных сходить, может, копейкой какой разживусь. Гостью-то надо кормить, – и предложила: – Ты не хочешь с матерью?

– Не, – невесело, совсем не по годам покачал головой Ваня.

– И палаты новые у Самсона Павловича не хочешь посмотреть? Ну и зря, – сказала Федосья. – Ведь уж рано-поздно, а надо на люди выходить. Век дома отсиживаться не будешь.

Ваня в нерешительности, все еще думая о своем, поставил на крыльцо лопату, которой разгребал выпавший за ночь снег, потом вдруг живо отряхнулся, живо обил валенки от снега, приподнял заячий треух, съехавший на глаза, и сразу – королевич. Так, по крайней мере, в эту минуту показалось матери, которая всегда дивилась необыкновенной способности своего сына мгновенно, прямо на глазах меняться.

Плотным, утопанным проулком они вышли на улицу переднего посада, которую в Копанях больше называют дорогой (по ней главный Ельчанский тракт проходит), и попали в другое царство.

Да, да, да! У них на задворках народишко собрался никудышный, с ленцой. Кто расчистит заулочек от снега, а кто, как зверь, всю зиму тропой бродит. А тут ведь не заулочки возле домов – наволоки. Широкие, длинные. И не просто лопатой распаханы, метлой вылизаны.

И еще Федосья, жмурясь от солнца, от слепящей белизны снега, украдкой от сына полюбовалась на монастырь за

рекой, на это чудо, белокаменное чудо с золотыми крестами, жарко сияющими в голубом небе.

Но она пощадила сына – никак не выказала своих чувств.

Ваня не зря боялся выйти из дому. Ибо не успели они выйти еще из своего околотка, как им повстречался Антон Чаусов. Пьяный. Бедовый, да к тому же еще и пьяный. Заорал на всю улицу:

– Ну-ко, парень, дай я на тебя посмотрю. Да ты еще шибздик. Ха-ха. Такой шибздик, а уж за нож.

Старик Троха Михайлович тоже:

– Тебя еще в тюрьму-то не упекли?

И так и другие. Все щурили глаза, как будто впервые видели парня. И не только свои, копаневские. Богомольцы, а их в Великий пост собирается великое множество. Самое время Богу молиться. Тоже узнавали.

Ваня сцепил зубы – слова никому не сказал, а мать только ему нашептывала:

– Терпи, терпи...

10

Губины поперли в гору каких-нибудь лет двадцать назад, когда за хозяина стал Самсон Павлович. Не в пример своему брату, старику прижимистому, скупому, экономившему на всем – на еде, на одежде, на спичках и даже на соли, сын Павла дела вел широко, хватко.

Землю не забывал, крестьянствовал, но разве с тощих северных подзолов да супесей разбогатеешь? Торговлишка? Отец, бывало, рад-радехонек, ежели в своей лавчонке два-три рубля за день высидит. Нет, Самсон Павлович в лавчонку посадил жену, а сам – за подряды.

Попервости набивал руку на мелочишке: прорубил дорогу для монастыря на скит, клепал бочки под рыбу-морянку для купца Максакова из Архангельска, дрова заготавливал для пароходов всесильных братьев Володиных, а потом и Щепоткиных – к самому главному делу Севера подобрался – лесному.

И вот пять лет поломал Самсон Павлович копаневских мужиков в лесных делянках лесопромышленников Рыкало-

вых – новый дом. Высоченный, в два этажа, с чердаком, который не меньше иной избы, и окон – как в большом двинском пароходе, который только и заходит в Ельчу в вешнее половодье.

Работница Оксюта, попавшаяся им на крыльце (два года назад Федосья травками да божьим словом открыла ей горло, которое не принимало еды), повела их наверх.

Сперва шли светлыми, широкими сенями (хоть на тройке скачи), потом поднимались вверх по лестнице с перилами, потом опять были светлые сени...

А потом открыли двери – и куда попали? В какое сказочное царство? Стены в обоях – алые розы от потолка до пола, шкаф лакированный со стеклянной посудой, печка-голландка с сверкающей на солнце медной дверкой, диван, пол под желтой краской...

Хозяин был не один. За столом, уставленным всякими яствами, сидел еще чистенький ясноглазый старичок с поском.

– Ну, чего потеряли в моем дому?

Федосья не растерялась: знала, к кому идет.

– Давай не грози, Самсон Павлович. Без твоей грозы отпыхаться не можем.

– Чего так?

– Да как? Шли в дом, а попали во дворец.

И вот что такое вовремя сказанное слово! Заулыбался Самсон Павлович. А ведь попервости, когда они переступили порог, – крещенской стужей дохнул на них.

– Ну уж ты скажешь: дворец...

– Дворец, дворец. Екимовна у нас каждый день поет и про хоромы князя Владимира, и про царские палаты Ивана Васильевича... Ну, я там не блудила... – Федосья тоже улыбнулась. – А ведь в твоих-то сенях-колидорах хоть криком кричи. Не знаешь, куда и податься. Да хорошо, нас Оксюта вывела...

Тут Самсон Павлович и вовсе растаял. Живо поднялся, загреб со стола пригоршню конфет и начал одаривать их, как малых ребятишек.

– Екимовна-то кто? Не Махонька?

– Она, Марья Екимовна.

– Ну дак скажи ей, чтобы ко мне зашла. Хочу тоже послушать.

– Скажу, скажу, – закивала Федосья, а про себя подумала: не Екимовна тебе нужна, а слава. Хочешь, чтобы Екимовна славу по всей Ельче про твой дом разнесла.

Она выждала, пока хозяин снова не уселся за стол (а он и раз, и два барином прошелся по комнате), и, вся внутренне подобрившись, собралась сказать то, ради чего пришла. Но Губин в эту минуту обратился к старичку:

– Ефим Семенович, про нашего-то головореза слышал? Ну, который на келейника с ножом кинулся?

Старичок кивнул, а Федосья тем временем ткнула сына в бок: держись, парень!

– Ну дак вот он – перед тобой!

Старичок только покачал коротко остриженной, в белых иглах головой: больно уж Ваня всем своим видом – худенький, бледнолицый, с потупленным взором – не вязался с образом головореза.

– Не дивись, не дивись, Ефим Семенович, – ухмыльнулся Губин. – Он и не то еще умеет, – и вдруг не сказал, а пролаял: – 25 на 37 – сколько?

Ваня вздрогнул, даже покачнулся малость, но с ответом на замешкался:

– 925.

– А 59 на 33?

– 1947.

Старичок, донельзя изумленный, потянулся к счетам, которые висели на стене.

Губин захохотал:

– Не трудись, не трудись, Ефим Семенович. Честно, без обмана работаем.

Но старичок все-таки снял счеты, раза два прикинул, а больше не пытался. Не успеть было: Самсон Павлович, войдя в раж, выкрикивал примеры как команды, и старичок, как замороженный, смотрел на Ваню, на его льяное лицо, на котором заметно начали проступать бисеринки пота. И Федосью от волнения за сына тоже обдавало жаром.

Самсон Павлович оборвал свою забаву так же внезапно, как и начал. И тогда старичок, по-прежнему не сводя с Вани своих ясных, но пытливых глаз, вдумчиво сказал:

– Дар божий. Дар божий, – и вдруг прослезился. Материнское сердце в один миг повернулось к старичку.

– Не обидел, не обидел моего сына Господь, – сказала Федосья с легким поклоном. – Ну нету счастья, почтенный...

– Почтенный? Ха-ха-ха... Почтенный. Да ты разве не знаешь, кто перед тобой? Ванька, и ты не знаешь? Ну и ну. Да это же щепоткинская голова! Сам Необходим.

Мать и сын растерянно переглянулись. Кажется, гром сейчас прогрехочи над их головой, они и то бы так не удивились, как удивились тому, что сказал Самсон Павлович. Ведь этот самый Необходим, который у всей Ельчи на устах – кто? Главный приказчик всеильных купцов Щепоткиных, человек, который держит в своей голове все дела их дома: и торговлю, и пароходы (а их у Щепоткиных ни много ни мало – 15, целый флот), и лесозавод, и лесной промысел. Да как же такого воротилу, такого туза было признать в кротком, благообразном старичке, да к тому же еще одетом в простенькую синюю рубашку с плетеным пояском?

Федосья, однако, быстро справилась со своей растерянностью и сказала, заискивающе глядя на важного человека:

– Вот вы, Ефим Семенович, всем уездом заправляете...

– Ну, ну, ну...

– Помогите, куда парня пристроить. Где счет вести надоть. Уж он бы постарался, уж мы бы за вас век Бога молили...

Ефим Семенович поднялся, и куда девался старичок? Старик. И старик еще крепкий, и вовсе не из мелкой породы.

Он подошел к Ване, погладил его по светлой голове, затем достал из брючного кармана серебряный рубль.

– На-ко, возьми на дорогу. Каждый сам прокладывает себе дорогу, а я тебя буду помнить.

Самсон Павлович не захотел отставать – отвалил полтину и тут же кивком головы указал на дверь: хватит, мол, поговорили. Пора и совесть знать.

Все было теперь у Порохиных – хлеб, рыба треска, сахар. В общем, было что выставить на стол! А гостья затосковала.

– Махонечка, ты, может, занедюжила? – допытывалась Огнейка.

– Нет, нет! Что ты, девка. Чего мне дается.

– Дак чего все в окошечко поглядываешь?

– А на воробышей. Гли-ко, как они на весу-то галдят, развевались.

Улыбнулась, обласкала Огнейку теплом своих летних глаз и быстро-быстро начала перебирать железные спицы – пестрые рукавички для Огнейки вязала.

В другой раз у старухи на щеку скатилась слеза.

– Ты чего опять, Махонюшка? Из-за чего расстроилась?

Застигнутая врасплох, Махонька начала выкручиваться, как ребенок: нет, нет, никакой слезы не было, это тебе поблазнило. И вдруг, тяжело вздохнув, сказала:

– На князя Владимира недовольна.

– На князя Владимира? – Огнейка посмотрела на мать, сидевшую за прялкой. – Какой это князь-то Владимир?

– Какой, какой! – рассердилась же на шутку Махонька. – Какой в стольном граде Киеве сидит?

– Дак ведь то, Махонюшка, сказка.

– А сказка не сказка, мне все едино. Никуда дороги не заказаны. А ко князю Владимиру я еще утром ноне наведальась, когда ты, матушка, спала. Вот.

Сидит, пирует который день – лыка не вяжет. Добрынюшка с Олешей Поповичем упились, честный старый богатырь Илья Муромец в подземелье посажен... О беда! А под Киевом сам собака Калин-царь с ордой. Видимо-невидимо войска нагнал. Ровно стена черная стоит. Пошла к царю Ивану, думаю, у его в белокаменных палатах душой отдохну. Какое там. Демрюковна-злыдня опоила, околдовала своим зельем.

Сын Иван: «Отец, отец, неладно делаешь, надоть думу думать». Дак тот распалился и сына нарушил.

Огнейка тихонько встала с лавки, подошла к матери, прявшей куделю возле печки, и, не сводя округленных глаз с всхлипывающей Махоньки, зашептала на ухо:

– Мама, она, кабыть, заговариваться стала, да?

Федосья промолчала. Да и что она могла сказать? Для нее самой эта маленькая глазастая старушонка была самым загадочным, самым удивительным существом на Земле. Всего-навсего в ней было напихано, от всех взято: от взрослого и от ребенка, от праведницы и от скомороха, от вечной бродяги-странницы и от вещей, все понимающей старушки, какую только и можно встретить в сказках. И потому Федосья не то чтобы верила всем Махонькиным побаскам, но и не потешалась над старухой, как другие, когда ее заносило. Есть, есть чудеса на свете. А раз есть чудеса, есть и люди, которые их творят.

Под вечер, как обычно, к Порохиным притащилась малышня. Пришли на посиделки бабы, девки. С поесьем, с вязаньем, с шитьем, с прядевом. Послушать Махонькины старины и сказки.

Но Махонька и рта не раскрыла в этот вечер. И никто не настаивал. Да и как было настаивать?

– Где Махонька?

На печи, свесив коротенькие ножки, сидел старый-престарый обабок с потухшими, незрячими глазами. Ну разве это Махонька?

12

Это случилось в третий день утром. Все видели: на улицу выползла дряхлая, разваливающаяся старушонка, а с улицы в избу вошла Махонька.

Опять живая, опять глазастая, опять голосистая. С порога объявила, как в колокол ударила:

– Домой надумала. Домой пойду.

Федосья привыкла ко всяким неожиданностям со стороны Екимовны, ей не в новость был переменчивый нрав, и потому не стала отговаривать, а Огнейка и Енушко заревели в голос.

Но Махонька быстро их укротила:

– Чего горло-то драть? У вас дом есть, да и я не бездомна. А я когда из дому-то? Сколько шла-добиралась до вас? Да от меня, гулены, и печь-то своя отвернется. И скотина на порог не пустит.

– Да у тебя разве есть своя-то скотинка?

– А как? Кот Котофей, белые лапы, да стадо коровушек с длинным хвостом, которые под полом живут. – И Махонька первая рассыпчато рассмеялась. Любила, когда игриное словечко с языком слетало. – А само-то главное у меня дело, – сказала она со вздохом, – девушки. Снеги скоро начнут подтаивать – не могу ли на могилку к дочерям попасть.

Огнейка захлопала глазами:

– Да разве у тебя дочери, Махоня, были?

– Что, думаешь, я так с коробкой на руке и выросла? Весь век оскребышком прожила? Нет-ко, матушка, я и девкой была, и под венцом стояла, и в женах намучилась досыта. Мужичонка попался некорыстный, пьеница... Бывало, каку копейку заробит, ту и пропьет. А мне-то как? У меня две девушки. Одной три годика, другой пять. Пошла по людям. Да в кою пору жила-робила в людях, мой пьеница и дом спалил. И себя нарушил, и девушек.

– Сгорели? – ахнула Огнейка.

– Сгорели. Одни уголечки остались. Я рылась-рылась на пожарище, ни одной косточки ихней не нашла. Угольков сколько-то в берестяную коробочку нагребла, да те угольки и захоронила в могилку.

Тут Махонька, всю жизнь не любившая плакуш, расплакалась.

Огнейка стала ее утешать, обнимать, и вот много ли старухе надо? Заулыбалась. Весенним ручьем зажурчала:

– Не буду, не буду туманить солнышко. Без меня ему сушить много слез. Мне и дедушко все, бывало, наказывал: осень и без тебя лето задавит.

– Так и говорил? – это Ваня спросил. Он только что вернулся с водой от колодца и грел у печи замерзшие руки.

– Так, так. У-у, у меня дед-то был... Первый человек по всей Ельче. Мужики из-за его плахами дрались.

– Почто?

– А пото, что всем надоть. Пойдут артелями в море семгу да зверя ловить, раньше ведь широко Ельча жила, не у пня стояла, на парусах бегала, каждая артель с поклоном, да в ноги. Во как ране слово-то почитали. А мой-то дедушко, Данило Васильевич, все мог: и молитву сотворить, и тоску с человека снять, и море усмирить.

– Тебя, Махоня, опять на сказку потянуло? – усмехнулся Ваня.

– А вот и нет, – пылко возразила старуха. – Кого хошь спроси, скажут. Валы на море расходятся, царь водяной забуянит, начнет норов свой показывать. «А ну-ко, Данилушко, проговори свое слово, успокой его». Данилушко и проговорит, успокоит.

– И валов не будет?

– У меня горло, а у дедушка-то труба была. Колокол ваш монастырский перегремит. Я-то уж не застала в силе своего деда, за няньку с нами был, тата у нас рано помер, а как почнет старины-то пропевать, ровно лес в бурю зарокочет, ровно громы с неба падут. Да чего говорить? У нас дом на главном юру был, на трахте стоял – все через нас ездили: и с Мезени, и с Печоры, дак он сколько захочет, столько и держит у себя мужиков. Без вина споит, укачает людей.

– Дак это ты от деда старины-то переняла?

– От деда. Все, бывалоче, настаивал: запоминай, Махонюшка, – он первый меня Махонькой-то назвал – это твой хлеб в жизни будет, от слова кормиться будешь.

Махонька вдруг встала.

– Все боле. Складываться надо да коня своего запрягать.

Порохины – ни взрослые, ни малые – не поняли.

– Все, говорю. Солнышко-то когды меня тычет: собирайся. Тебе еще двадцать верст попадать.

– Чего? Чего? Ты хочешь сейчас идти?

Начались уговоры, упрашивания, слезы. Даже Федосья на этот раз сказала свое слово: подожди, дескать, хоть до утра, я подорожников каких-нибудь напеку, а то сейчас и на дорогу дать нечего.

– Не выдумывай! Никуда не отпущу! – выкрикивала Огнейка. Она пуще всех убивалась. – Одна пойдешь лесом, медведь выскочит – чего будешь делать?

– У-у, с Михайлом-то Потаповичем я век в дружбе. Еще когда вперед, в Копани, шла, просил похозяйничать да с робятками поводиться. Сама, вишь, в тягости, приплода ждет – замучился бедный.

И вот не прошло и полчаса, как Махонька собралась. И было все точь-в-точь как в то утро, когда она явилась к Порохиным. Маленькая, крохотная старушонка в старенькой заношенной шубешке раструбами, с котомочкой за плечами, с коробкой на руке и батожком. Только котомочка и коробка сейчас были пустыми.

– Ну, простите меня ради Христа, грешную. Даст Бог – встретимся.

И пошла-посеменила, бойко переставляя батожок. Понесла радость в другие дома, другим людям.

13

Как во сне, как в сказке, пролетели дни, прожитые с Махонькой. В старом доме у болота опять начались будни. Опять никто из соседей по целым дням не заглядывал к Порохиным, не считая, конечно, Олешеньки горбатого, опять какой-нибудь мужик или парень, проезжая мимо с водой или сеном, как чурку, швырял донельзя обидное – икотники. Так, от нечего делать, для забавы.

Огнейка выходила из себя, прямо босиком выскакивала на крыльцо.

– Вот погоди, Савва приедет, он тебе покажет, ругателю.

Савву ждали со дня на день. Федосья и Огнейка каждый день подмывали в избе пол, а Ваня поддерживал тепло в бане: ведь кто должен приехать? Хозяин. Кормилец семьи.

Савва нагрянул вечером, после ужина, когда его в тот день уже перестали ждать. Вдруг под окошком завизжали, запели сани. Федосья, сидевшая за прялкой, крикнула: «Робята, робята, встречайте!» Но встретить на улице не успели.

Савва вбежал в избу с ходу. Как отец. И, как отец, прямо с порога окинул избу заиндевелым, но пронзительно-светлым, живучим взглядом.

– Что, не ждали?

Вот тут и Огнейка подала голос:

– Ждали! Ждали! – обрадованно захлопала в ладоши Огнейка, но на шею не бросилась. И не оттого, чтобы чересчур боялась старшего брата, а вот что-то удерживало – не давала своим чувствам воли.

Савва огладил ладонью лицо, оборвал с отросших в лесу усов и бородки куржу, кивнул Ване:

– Иди, монах, приberi Карюху. Не разучился еще там, в своем монастыре, как лошадь распрягать.

Савва был настроен на веселье, он даже захохотал, широко оскаляя крепкий, белозубый рот (Порохины все были зубастые), и Федосья – нечего выжидать лучшей минуты – сказала:

– Не в монастыре больше.

– Знаю. Сороки в лесу от удивления раскричались. – Савва шагнул к брату, который стоял с поникшей головой, не смея поднять от пола глаз. – Ну, Ванька, не ожидал от тебя такой прыти. Я ведь думал, ты у нас хитрун. А ты, во как, на самого Федьку-келейника с ножом.

Ох, как же тут воспрянули все Порохины! Ведь готовились было к казни, к выговору (такого куса лишился Ваня), а вышла милость.

– В баню сперва але исть? – спросила мать.

– На вечерянку, – выпалил Савва.

А как же иначе? Три недели в лесу выжил, три недели на людях не был – да разве до бани, до еды ему теперь было?

Он быстро сбросил с себя полушубок, стащил заскользящую, провонявшую потом и дымом рубаху-самотканку и начал шумно обмываться теплой водой, случайно сохранившейся в печи. А потом, голый до пояса, с той же лихорадочной поспешностью принялся скоблить отцовской бритвой широкий упрямый подбородок.

В это время в избу ввалился Ефтя Дурынин, кумачово-красный от стужи, в пыжиковой шапке-самоедке с китами*, форсисто перетянутыми алой ленточкой. Ефтя на пару с Саввой работал в лесу, но из-за ушиба руки уже неделю жил дома.

* С китами – с очень длинными «ушами», которыми можно было закрывать даже горло.

– Зря стараешься, – ухмыльнулся он. – Икотника и так узнают.

Шутка была жестокая, но Порохины и не думали обижаться. Господи, единственный парень, который запросто, не веря ни в какие икоты, заходит к ним, – так неужели на него обижаться? А потом, откуда Ефтя? Из заречья, из Лаи, а в Лае все зубаны, ни чёрта, ни Бога не боятся.

Кончив бриться, Савва тоже принарядился. Надел красного сатина рубаху, черный пиджак, заметно поджимавший под мышками, хромовые сапоги. Вся эта срыда досталась ему от покойного отца, который любил при случае щегольнуть.

– Ну, держись, девки! – сказал Ефтя.

– А шапку-то? – крикнула Федосья сыну, когда тот уже был в дверях.

Савва не обернулся. Шапки хорошей у него не было, и он частенько, даже в крещенские морозы, ходил с непокрытой головой.

14

Они попали к шапочному разбору. Хорошая половина парней и девок уже разбрелась по домам, но Елена Копанева была еще тут, Савва увидел ее, как только открыл двери, а раз Елена Копанева тут, так чего горевать об остальных.

Вечерянка была у родной тетки Саввы Настасьи, которую в обычное время Порохины обходили за версту (срам, стыд – девкой родила), но сейчас, ошалев от радости, Савва рывкнул на всю избу.

– Здорово, тетушка!

– Здорово, здорово, племянничек! – охотно отозвалась тетка. Она поила в углу овцу с ягнятами.

– Сегодня мы с Ефтей без дров пришли, боялись опоздать, – Настасья за каждую вечерянку брала по кряжу с парня, – но ты не беспокойся, мы с тобой рассчитаемся.

– А с родни-то можно и не брать, – съязвил Серега Яковлев, которому сегодня выпало возиться с лучиной.

Все – и парни, и девки – дружно рассмеялись. Но только

не Олена. Олена сидела за прялкой на передней лавке и ни-ни – не то что головы не повернула, глазом не повела.

А как же! Из какого роду-племени? Какую фамилию носит? Ту, по имени которой деревня названа. А ты кто такой? Ты чем можешь похвастаться? Икотами?

В прошлый выезд из лесу, в разгар самой масленицы, Савве взбрело в голову пригласить Олену скатиться на санках с ледяной горки. Христосуются же люди в Пасху. А почему нельзя прокатиться вместе?

Он подошел к ней по всем правилам деревенской учтивости.

– Олена Платоновна, не прокатишься ли со мной с горы?

– Премного благодарны, Савва Мартынович. Только твои санки мою тягость не выдержат. Приглашай кто полегче.

Да, вот так ответила Олена на Саввино приглашение. И Савва, который никогда за словом в карман не лез, тут не нашелся, что и сказать. Да и девки, вместо того чтобы поднять его на смех, прикусили язык. Потому что дерзость была неслыханная. Потому что где это видано, чтобы девка начала фыркать да показывать свой норов на игрище? Иди, окажи честь, раз тебе сделали уважение.

Савва распалился, – притащил из дому навозные сани.

– Садись, Олена Платоновна! Эти, думаю, выдержат.

И не успела Олена Платоновна бровью повести, как он подхватил ее на руки, усадил в сани, на охапку соломы, затем быстро выкатил сани на ледяную улицу, что есть силы послал их вперед и сам вскочил на запятки.

И понеслась, полетела на навозниках первая хваленка Копаней. Под смех и хохот разодетой толпы.

Униженная, опозоренная, Олена, едва остановились сани, залепила ему оплеуху.

– Да ты что?.. Это твоя благодарность?

Савва шутил, улыбался, хотя щека у него горела полымем, – тяжелая рука была у Олены.

Дорого обошлась ему шутка. Когда он, возвращаясь домой со злополучными санями, поравнялся со школой, на него напали три брата Олены, копаневские быки, как их зовут в деревне. И напали не с голыми руками, а с кольями.

На его счастье, в это время на дороге показался Ефтя Дурынин. Правда, Ефтя сперва позабавился, посмотрел малость, как загуляли колья по Саввиной спине, и только потом уж ввязался в драку. И тоже не столько ради защиты безоружного, сколько ради того, чтобы потешить себя, разогнать застоявшуюся кровь.

Братья Олены – Федоса, Спира и Лёля, один здоровее другого, низкорослые, грудастые, большеголовые, – были сейчас тоже на вечерянке. Перед приходом Саввы они с Мосей Постниковым и Никитой Мальковым резались в карты, но сразу, как только показался в дверях Савва, карты отложили.

Ефтя ткнул Савву в бок: не робей!

Робеть? Перед быками робеть? Ну нет, от него не дождётся. Да, по правде сказать, он сразу и забыл про них.

На передней лавке сидит Олена – так разве ему с ее тупоголовыми братцами переглядываться?

Он понимал: нельзя выдавать себя, нельзя, как баран на новые ворота, глазеть на девку – глаза не слушались. Три недели на одни сосны да ели смотрели, а тут кого увидели? Царевну.

За кавалера возле Олены сидел Миша Чуркин, глуховатый белообрый парень, и то ли уморился человек за день, то ли оттого, что Олена доводилась ему родней, но Миша откровенно позевывал.

И вот не он – глаза скомандовали ногам.

– Михаил, не устал еще лавку-то мозолить? Может, передохнешь маленько?

Миша встал без слова. Но вслед за ним встала и Олена.

– Посиди, посиди, Савва Мартынович. Я тоже от сиденья вся устала. – И, сунув прялку под мышку, поплыла, понесла себя на выход.

Вскоре за нею вышли из избы Федоса, Спира и Лёля. Эти теперь молчаливой тенью до самого дома будут тащиться за сестрой, чтобы ни одна собака, ни один лихой человек не могли приблизиться к ней.

Всё, решительно всё опротивело Савве. И закоптелая, похожая на овин, теткина изба (всю зиму посиделки), и Ефтя, с ехидной улыбкой посматривающий на него от поро-

га (что? опять с носом?), и не в меру вдруг расходившиеся девки, которые, отложив в сторону прялки, решили напоследок поиграть в слепушку, то есть в жмурки.

Он боком-боком обошел играющих и вышел на улицу.

Было морозно, яркая луна стояла над Копанями. Поскрипывая сапогами, он медленно, с опущенной головой, побрел на деревню.

Тетка жила на отшибе, плохо расчищенная тропинка была сплошь истоптана валенками и сапогами. И он, прищуренным глазом вглядываясь в следы, старался отыскать след Олены.

15

Савва прожил дома два дня. Помылся в бане, съездил в лес за дровами, привез сена для Лысохи, на третий день с утра, еще затемно, выехал на Вонгу, да не один, а и Ваню прихватил с собой.

– Раз с монахами не ужился, – сказал Савва, – уживайся с соснами да елями.

Ваня был рад-радехонек. Ему до смерти надоело безделье и затворничество, все еще не затихшие сплетни и пересуды вокруг него.

На Вонге, где заготавливали лес, он еще не был и сейчас, сидя на санях сзади брата, с любопытством вглядывался в занимавшийся рассвет в лесу, в угрюмые, задавленные снегом ели, медленно выплывающие из сизой мглы, в бледные, одна за другой таявшие звезды вверху.

Потом был восход солнца. Из розовой дали, вдогонку им, волнами накатывался монастырский звон, и под этот звон, как алые костры, начали вспыхивать острые вершины елей.

Карюха бежала ходко. Но Савва все погонял и погонял ее. Ему хотелось поспеть к началу работы.

– К избе не будем заезжать, – объявил он и вскоре с монастырки, широкой, хорошо уезженной дороги, свернул в сторону.

По этой росстани, похоже, ездили еще до метелей. Кобыла захрапела, забила в снегу.

– А, мать тебя так, – зло выругался Савва. – Всегда вот так, когда торопишься.

Они соскочили с саней и тоже начали месить снег. И вот – чего боялся Савва, то и случилось. Подъехали к деланке, а там уже стучит топор.

Ефтя Дурынин, подрубавший сосну, заорал на весь лес:

– Чего рано? Не в пуховики копаневские залез?

– Я тебе покажу, пуховики!

Ефтя что-то со смехом ответил, но тут с шумом, со свистом пошла сосна, и слова заглушило.

– А ты чего выстал как барин? Не знаешь, что в лесу делают? – Савва сорвал свою злость на брате, который, и глазами, и телом промерзлый, тянулся к огоньку, разложенному прямо в снегу, неподалеку от Ефти. – Заворачивай кобылу.

Ваня завернул, подвел Карюху к штабелю бревен. Крепкий, упрямый, Савва, один, ловко орудуя слегой, выцепил бревно, навалил на сани.

Ваня тоже схватил слегу, но его помощь не потребовалась – подошел Ефтя. А Ефтя как медведь. Голыми красными руками облапил бревно и только крикнул, когда поднимал его.

В свою первую поездку с лесом Ваня отправился с подручным Ефти Пашкой Томиловым, который подъехал к штабелю как раз в ту минуту, когда Савва кончил затягивать веревками бревна.

– А я уж раз съездил! – похвастался Пашка и, совсем-совсем как его хозяин, захохотал.

С Пашкой Ваня сидел на одной парте в первом классе, и, кажется, не было урока, чтобы тот не скреб его тетрадку своим кошачьими глазищами. Зато в лесу Пашка чувствовал себя как рыба в воде.

– Хочешь, научу качаться на качелях? – спросил он, как только за поворотом скрылась деланка.

– А где качели? – Ваня посмотрел по сторонам.

– Балда! – Пашка выждал горбыля на дороге, вскочил на воз и, точно, закачался, как на качелях.

– А гвоздь сковать на ходу можешь? – Пашка опять вскочил на воз и, ухватившись руками за бревно, встал на голову. Встал и еще похлопал ногами, снег с валенок обил.

– Здорово, – сказал Ваня и впервые за многие-многие дни рассмеялся.

Все радовало, все нравилось ему: и это мартовское, слепящее глаза солнце, и этот нарядный сосновый бор, с которого уже сошел снег, и эта белая петлистая речка, по которой вышагивали синие тени каких-то сказочных, огромных лошадей и людей.

Мать, когда Савва объявил, что забирает его, Ваню, в лес, изменилась в лице, а Огнейка даже расплакалась: вот какое страшилище для всех этот лес.

А чего особенного? Разве он хоть раз был так счастлив в монастыре, как сейчас? Сидишь, скрипишь целый день перышком – ни повернись, ни дыхни, а тут...

Ваня сделал глубокий вдох и свистнул.

– Ха! – наморщил веснушчатый нос Пашка. – Затыкай уши. – Он ощерил редкозубый, с длинными клыками рот, выгнул язык, и свист раскатился по всему лесу.

Какую-то минуту шагали молча, потом неугомонный Пашка хлопнул Ваню по плечу.

– Давай в дурака играть.

– В дурака, на дороге?

– На возу! – Пашка достал из-за пазухи шубешки мятую, засаленную колоду карт.

– Не. За лошадьями надо смотреть.

– Тю, нашел о чем горевать. Я иной раз всю дорогу от делянки до складов дрыхаю, а ты – за лошадьями смотреть. Скажи лучше – струсил.

– Я струсил?

– А то я?

Ваня глянул на Карюху, ступисто вышагивающую вслед за Ефтиным Воронком, и колебания его кончились – первым запрыгнул на бревна.

Пашка играл в карты худо, не лучше, чем учился, и Ваня легко выиграл у него.

– Ничего, ничего, – утешал себя Пашка. – Я еще загну тебе салазки. Но он и второй, и третий раз проиграл, и тут уж у него заходили ноздри.

– А я знаю, почему ты выигрываешь.

– Почему?

– Икоты знаешь.

– Че-го?

– Чего, чего. Из монастыря-то за что выгнали. Не знаем, что ли. На Федьку-келейника икоты хотел напустить.

Ваня не успел ударить Пашку, потому что в это время воз, переваливший за пригорок, вдруг остановился, и они оба полетели в снег.

Страшная догадка о какой-то непоправимой беде обожгла его, когда они еще барахтались в снегу, а потом, когда он вскочил на ноги, он с ужасом увидел, как Карюха, давясь и вылезая из хомута, оказалась на крупе...

16

Будут, будут в его жизни радости – судьба не обделит его испытаниями. Но с чем, с каким счастьем, с какой радостью сравнить то, что он пережил тогда, пятнадцатилетним парнишкой, на лесной дороге у Вонги?

Присев на корточки, он кропил своей слезой мокрую от растаявшего снега морду Карюхи, гладил ее теплые мягкие губы, всматривался в ее огромный выпуклый глаз, налитый лошадиной печалью и тоской, и умолял, заклинал ее: встань. Встань ради самой себя, ради ихней семьи, ради него, Вани.

И Карюха встала. Сама. Без всякого понукания.

И дальше уже ничто, решительно ничто не могло заглушить его радость: ни голод, который сосал под ложечкой всю вторую половину дня, ни мокрый снег-липуха, который неожиданно вытряхнула накатившаяся под вечер пухлая туча, ни битье Саввы.

Савва налетел на него как гроза, как божья кара.

– Я зачем, зачем взял тебя в лес? Чтобы в карты играть? Чтобы ноги ломать Карюхе?

Он орал, матюкался, лупил его березовой вицей, выломанной еще по дороге, и глаза его были белыми от бешенства – вот когда Ваня понял, что их не зря ругают белоглазой чудью.

Ваня не защищался, не увертывался от брата, криком не выдал боли. Виноват. Заслужил. И в конце концов Савва уже другим голосом заорал:

– Какого дьявола стоишь как истукан? Ведь до смерти могу запероть.

Он бросил вицу, подошел к Карюхе, обнял ее за шею. И Ваня впервые в жизни увидел, как плачет старший брат. Бревна с саней и подсанок пришлось сваливать – головки саней занесло в снег. Еще немало времени ушло на замену старой, сломанной оглобли новой, которую Савва вырубил прямо в лесу из березовой жерди.

Наконец бревна снова были уложены на сани и подсанки – возьмет ли теперь вымотавшаяся Карюха воз?

Взяла, поперла, как будто ничего и не было, и Ваня ликующими глазами посмотрел на брата.

– Ну, Ванька, – сказал Савва, – есть у тебя счастье. А то ведь я, ежели бы Карюха сломала ноги, убил бы тебя. Ей-бо.

17

Снежная, мокрая падь, первая за эту зиму, повалила, когда Савва собрался наваливать третий воз.

Он выругался, с бессильной яростью отбросил в сторону слегу. Не везет! Сам Господь Бог не хочет, чтобы он хоть маленько выровнялся с напарником. Правда, Ефтя уговаривал его вместе ехать к избе, но одно дело Ефтины уговоры сегодня, а совсем другое, что он запоет завтра.

– Ладно, – невесело сказал Савва, – поедем и мы к избе. Да, может, оно и к лучшему, что погода раскисла, а то, чего доброго, замучим Карюху.

Карюха поплелась вялым, спотыкающимся шагом, ее даже близость долгожданного отдыха не взбодрила. Густой белый пар шел от ее мокрой распаренной спины, она то и дело останавливалась, тяжело поводила боками, и Савва, такой во всем нетерпеливый, терпеливо ждал, когда она сама тронется с места.

Ваню колотила дрожь, одежонка на нем отсырела снизу и сверху, и он стискивал зубы, чтобы унять дрожь, не вызывать гнева у брата.

К избе они подъехали уже в сумерках. На варнице ярко пылало, потрескивая, смолье, которое никакой дождь не в силах залить, и Пашка и Улька, дочь Гриши Калача, работавшего в одиночку, возились с котелками и чайниками.

Ваня понимал, что ему тоже надо бы кашеварить, это его дело, но он так назяб, так засырел, что ноги сами потащили его к огню.

– Ну как? – съязвил Пашка. – У монахов жить лучше аля у нас?

– Поди, варнак! – рассердилась Улька и замахнулась на него деревянной поварешкой.

– Че поди-то? Видали мы этих благородьев с болота. Под мокрый снег попал – караул!

– А сам-то в прошлом году в Вонгу провалился – сколько было реву?

– Дак то когда было-то? В Крещение.

– Ну и что. А он первый раз в лесу. – Улька дотронулась до мокрого плеча Вани. – Поди в избу, там скорее согреться, а здесь еще простудишься. Вишь ведь, в лицо жар, а в спину сырость.

– Ничего, – сказал Ваня и через силу улыбнулся. Ему стыдно было перед Улькой и Пашкой. Оба были его ровесники, оба сейчас были без верхней одежды – один в домотканой рубахе, а другая в сарафанишке, а он как-никак в полушубке и весь трясется как осиновый лист.

– Ступай в избу, – распорядился Савва. Он распрягал Карюху. – Девка-то дело говорит.

– Девка-то втюрилась в Ваньку, – захохотал Пашка.

– Ну, я те покажу, сатана! – Улька опять замахнулась на него поварешкой, но Пашка увернулся.

– А че, рази неправду говорю? Присушил. К ему девчешки всю жизнь липнут.

У Вани не было обольщений насчет избы. В прошлом году Савва, Ефтя и Гриша поставили ее за неделю, уже после зимнего Николя, – так чего же хорошего было ожидать? Сенцев нет – лаз прямо с улицы, окошечек нет, нар нет – спали на еловом лапнике, застланном сеном. И способ

передвижения тут один – ползком на коленках, иначе сразу раскroiшь голову о потолок.

Но, Боже, как он был рад сейчас этой лачуге! В ней было сухо и тепло. Тепло, как в хорошо натопленной бане. Правда, от дыма, валившего из каменки, он закашлялся, ему пришлось лечь, но зато какая блаженная теплынь обняла его продрогшее тело, когда он стащил с себя полушубок.

Савва сам сварил кашу, да еще какую! Пшенную, которую у Порохиных варили по большим праздникам.

– Это в честь Карюхи, – сказал он. – А то ужас! Пашка приехал: у вас кобыла ноги сломала, дак у меня волосы дыбом встали.

– Он известная ябеда, – сказала Улька. Она тоже с отцом ужинала. – Ему и жизнь не в жизнь, ежели люди кругом не плачут.

Пашка, зажигавший в эту минуту лучину, окрысился:

– Заткнись! А то завтра задницу снегом намамлю.

– Я те покажу, щенок, как сопли распускать! – пригрозил Улькин отец.

– А чего он такого сказал? – подал голос из своего угла Ефтя. Он с Пашкой уже поужинал, и ему теперь одного хотелось – позубанить. – Для чего и девки, ежели их не мылить.

Гриша Калач в обиду свою дочь не дал, – просто ястребом накинулся на Ефтю, и началась потеха. Но Ваня ее не слышал. К этому времени они с Саввой уже отужинали – скидали в себя котелок горячей, с огня, каши, запили кипятком с сухарями и солью, и он тут же заснул, где сидел.

Проснулся Ваня ночью. От духоты, тяжелого мужицкого храпа. А кроме того, его давила Саввина рука.

Осторожно и мягко, чтобы не разбудить брата, он снял с себя его руку и попытался снова заснуть. Но сон ушел от него. И, глядя в темноту открытыми глазами, он начал мысленно перебирать все события сегодняшнего дня, с того утреннего часа, когда они с Саввой выехали из дому, и вплоть до ихнего приезда к избе.

Слезы вскипели у него на глазах. Неужели, неужели эта каторга отныне на всю жизнь?

Пять лет назад у них остановилась на ночлег одна цыганская семья – никто в деревне не пускал, а была зима, ребятишки малые замерзали, и вот старая цыганка, едва взглянув на него, всплеснула руками: «Королевич! Быть тебе, дитяtko, богатым да знатным».

Наврала, выходит, старая цыганка? А ведь он до нынешнего дня верил ей, да и мать верила.

18

Весна шла тяжелая, голодная. Нищие с верховья Ельчи повалили еще вскоре после Рождества – в одиночку, семьями, косяками.

Какая-то часть их оседала в нижних деревнях, которые всегда жили посытнее, а большая часть уходила на хлебную Двину. Среди нищей братии попадались даже лошадики. Это так называемые погорельцы, которые беду народную обращали в своеобразный промысел. Делалось это просто: дочерна палили оглобли у саней, тощую клячонку обряжали в сбрую, связанную из веревок, а ребятишек – в самую распоследнюю рвань, – и кого не разжалобит такая бедность?

В Копанях возле монастыря тоже кормилось немало народушку. А в конце Великого поста потащились в монастырь и свои, копаневские, благо к этому времени из скита со Святого озера начали возить красноперого окуня, которого в заморные зимы так много скапливалось у лунок, в висках, что его оттуда черпали прямо черпаками.

Огнейка Порохина тоже попытала счастья. Первый раз притащила три ломтя ржанины с вареными окунями (два раза сама вставала в очередь, да один ломоть дал отец Мисаил, который в прошлом году брал у матери изгонных травок от брюха), а второй раз вернулась с пустыми руками, вся в слезах: келейник Федька не дал. Прямо из очереди вытащил.

– Я говорю, что мы тебе такого исделали – взъелся на нас? И брат из-за тебя места лишился, и мне исть не дашь? Дак он, знаешь, что сказал, мама? А пото, говорит, что вы икотники, сатане служите, а здесь божья обитель, святое место... Ну дак я, маминька, едва скрозь землю не

провалилась. Кругом народ, люди все смотрят, а он: икотники да икотники... Ладно, Ваня большой вырастет, он ему покажет.

– Прощать надо худые дела, а не в себе таить. Господь-то Бог как велел?

– Ну уж нет! – топнула ногой Огнейка – На коленях просить будет, не прощу.

Однако с ее ли, с Огнейкиным ли, сердцем долго вынашивать в себе злость?

Вечером, ложась спать, она еще молила, заклинала Бога всеми мыслимыми и немыслимыми карами наказать своего обидчика, а на другой день утром увидела возле печи на соломке черно-пестрого теленочка, чистенького, голубоглазого, как ребенок, с лоснящейся курчавой шерсткой, и, как весенним дождиком, смыло с души всю плесень.

С этого дня радости на семью Порохиных посыпались горохом. Перво-наперво, еще за целых две недели до Пасхи – выставили зимние рамы*.

* На этом беловая рукопись обрывается. Дальше шли только перечисления весенних радостей: мойка изб, потоки и проталины, ледоход, первая зелень, вербы, босиком по земле, прилет птиц. На Пасху приехали Савва и Ваня.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

По сохранившимся конспективным наброскам можно восстановить отдельные сюжетные линии, связанные с судьбой Порохиных (Саввы, Ивана и Огнейки), крестьянской семьи Копаневых, купцов Щепоткиных, с судьбой ссыльных (Юры Сорокина), местной интеллигенции (Полонский, Литвинов, Калинин), участников гражданской войны (Кудрин, Кулаков, Щенников) и наиболее подробно разработанный образ гениальной сказительницы Махоньки.

Центральное место в книге отводилось Махоньке, семье Порохиных и Олены Копаневой, ссыльным и Юре Сорокину. Им и будут посвящены отдельные главы.

САВВА ПОРОХИН И ОЛЕНА КОПАНЕВА

Савва и Олена должны были предстать в книге как сложные и яркие характеры, проходящие через всю первую часть романа. Они – выходцы из полярных по достатку семей, что и объясняло их противостояние поначалу.

В Копанях место человека в жизни, его положение в селе определялось тем, в каком ряду стояло его подворье.

В первом порядке – окнами на реку, на монастырь, На свет божий – жили люди корневые, родовитые, уважаемые, хотя и не все одного достатка.

Во втором ряду тоже еще ничего, хотя по утрам первое, что видели, не солнце светлое – соседа, шлепающего в нужник или из нужника (некоторые в подштанниках, а то и налегке).

А в третьем порядке селилась уж всякая мелкота (охвостье, огарки). А как? Хороший хозяин в болото не поедет, а ведь третий поряд был у болота – так и называли жителей – болотниками.

А Порохиным и в этом порядке места не досталось. Их подворье – на задворках. Рядом с банями, рядом с чертями.

Олена – старшая дочь, красавица, в богатой семье Копаневых – всегда гордилась своим родом, своим домом и небывалым песенным даром. На горе у них самые богатые навины: чернозем, перегнойный торф, без навоза родят. У них еще и самые толстые бревна на дому. Дед и отец хвастались при случае:

– По всей Пинеге таких бревен ни в одном дому, а ты с нами тягаться.

Олена была любимицей всех, особенно отца. Она высоко несла честь дома: допускала знакомство только с ровней. Холодна, степенна. Не как человек жила, а как представительница рода, клана... Никогда не забывает, кто она, из какого житья, как должна себя вести... Все делает на серьезе, истово, чинно. Улыбка – редкость. Безулыбчивое строгое лицо – чтобы честь фамилии не уронить, честь рода. Голову высоко, горделиво держит... Поет сильным, густым голосом. Как река бежит... Как колокол монастырский.

Самой богатой невестой в Копанях была дочь Ставровых, но не она вела хороводы на игрище, не она была всегда первой. Олена сама встала в голову хоровода. И ее никто не оспорил, даже Ставровка. Так она была уверена, да так истово, чинно повела хоровод – что и лучше не может быть.

Олену многие бегали смотреть на игрище. Ждали ее выхода. Мужики, парни прекращали играть в рюхи. Праздник только и начинался с ее выхода. И кончался ее уходом. Одна уносила праздник. Солнце после нее не казалось солнцем, тускнело.

Вот что такое Олена! А как гордились братья Оленой. Отец. Мать...

Как поет! Волна катит на тебя. На крыльях поднимает... Пинега в половодье... И впечатление такое, что устами ее поет не просто ее душа, весь народ, вся Пинега, вечность поет. Поют деды, те люди, которых уже давно нет, но которые вдруг ожили в ее голосе (умирая, люди оставляют песню).

Даже гениальная и самолюбивая Махонька отдавала должное голосу Олены: «Один такой колокол – на всю Пинегу». И Махонька идет в дом Копаневых послушать Олену.

А та, гордая, удивляется: для такой-то пигалицы петь. Но поет. Что-то заставляет ее петь. А потом распелась – никогда такой радости от песни не испытывала.

И все дома удивляются: Олена, гордена, для старушонки поет...

Огнейка не верит, чтобы для старушонки стала петь. Олена. Гордена. Земля должна считать за счастье, что по ней ходит. А уж люди что для нее... Огнейка влюблена в Олену. Смотрит на нее как не какое-то божество. И вот это божество поет для Махоньки.

О силе характера Олены свидетельствует такой эпизод.

Вышла летом на мечище – хоровод водить. Поставили первой. И, на беду, гвоздь из каблука вылез.

Выдержала. Не уронила честь рода-племени, невестино звание. Час ходила с гвоздем в пятке.

Потом уж люди приметили: да у тебя, Олена, кровь из башмака течет.

Вот тут-то Олена упала в обморок. Как пожалели, так и упала. Осунулась, побледнела еще раньше.

Думала, навек осрамилась. И себя осрамила, и семью. Не осрамила. Десять женихов сватались в одну осень. Вот как гвоздь-то ее поднял...

Не менее горделив, упрям и стоек и Савва Порохин. Их взаимоотношения с Оленой полны накала страстей, а порой они складывались и драматично. Привожу наиболее колоритные сцены и эпизоды.

Савва «притирается» к Олене еще в Пасху. На качелях.

Зашел на поветь к Копаневым – много молодежи. Качаются. Качель остановилась. Одни слезали, другие встали. На концы вскочили Савва и Ефтя Дуренин.

– Ну, давай...

Все глядели на Олену. Она хозяйка, она первая девка по деревне, ей и почет, ей и первой вставать на качель. Не встала.

– Чего-то дух тяжелый, на улицу выйду.

Вслед за ней высыпали, как козы, и девки. А за девками ребята.

– Тряханем? – сказал Савва. – Или тоже дух тяжелый? Тоже выйдешь?

– Это разве дух? – захохотал Ефтя. – У нас дядя гороху наестся – лучина гаснет, и то я с полатей не слезаю.

И они «тряханули». Так раскачали, что задами стали в крышу бить. И спасибо, что крыша окатом. А то Савва осатанел – перекинул бы доску через бревно...

Изменились их отношения весной, в половодье.

На Хорсу выгнали скот на первое зеленое пастбище. То был праздник не только для скотины, но и для молодежи, которая расходилась сперва по своим лесным избушкам, а вечером собирались на гулянье у избы Копаневых. Собрался цвет Копаней. Жених – ставровский парень... Да еще из Ельчи – Щетинин... Савва у своей избы. Видит и слышит, как бьются все у избы Копаневых... Хотел идти и остановился. Нет. Вспомнил. Зимой приехала Олена в лес проведать отца – он обрадовался. Замахал руками. Замахал не оттого, что хотел подчеркнуть какие-то притязания. Об этом и речи быть не может. Первая невеста, первая красавица по деревне. Да, может, и не только по деревне. А он кто?

Знал, знал Савва свое место, а если замахал руками, заулыбался, то только так, как если бы солнышко увидел. Прошла рядом впритык – узкая тропа, – не заметила. Пустое место он для нее. Вот какая гордыня. Не зря называют Гордей.

Он вспомнил это унижение (кто еще так унижал его в жизни) и взнуздal себя, заставил себя вернуться. Лег в избе. А у Копаневых все нарастало и нарастало веселье...

Утром Савва проснулся. Мычат коровы. В сто глоток. И холодно. Он вышел из избы и ахнул. Снег. По всей Хорее. Зажмурился от яркой белизны. Коровы по колее бродят, по ножням. А где люди?

И тут от моста докатился гул ревущих голосов, блеющих овец. Ага, овец спасают. Овцы в таком снегу замерзнут.

Он быстро натянул пальтуху, побежал к Хорее. У моста творилось черт знает что: овцы, люди. Крик, ор...

Люди стеной отгородили от моста, а через мост парни на руках переносили овец. И две девки. Должно быть, самые отважные, норовистые.

Одна из них Олена. Он сразу узнал ее. По красивому платку, красному клетчатому платку.

Переносить овец было трудно. Водой смыло мостовины. И как потом он узнал, люди разобрали старую избу и бревна набросали вместо мостовин. Но не сплошняком (сплошняком не хватило), а с промежутками, так что надо чуть ли не скакать...

Что же это я стою, надо помочь людям. И только он сделал шаг с угорышка, как от моста раздался ужасающий крик. Он глянул на мост. Красного платка не было.

– Неужели? Неужели?

Прыгая через овец, он выбежал на угор к Хорее. Вода хлестала.

– Мужики, мужики, да что вы стоите?..

– Веревку, веревку надо.

– Жерди...

Савва кинулся – Олену вертело в реке: вот-вот вынесет в Пинегу, а там – прощай.

Он побежал по берегу, быстро кинулся к устью, сбросил бриджи, пиджак из саржи и – в ледяную воду – авось удасться схватить девку. И схватил. Схватил за косу, за платок, за сарафан. Как-то ему удалось вытащить ее на берег...

Олена была бездыханна, глаза закрыты, лицо белое, как у мертвой, руки...

Он начал растирать голую ногу (замерзла), потом вспомнил, как в школе учитель объяснял, как откачивать утопленников. Он начал расстегивать на груди полукофтанье, одеревеневшие пальцы никак не могли зацепить пуговицы. Тогда он, напрягаясь из последних сил, разорвал полукофтанье, разорвал сарафан и начал разводить руками... Олена не подавала признаков жизни. Тогда он положил ее животом на свое колено и нажал. Изо рта хлынула вода, а потом тихий стон...

Тут его вдруг отбросило в сторону, в лицо посыпались удары...

На какое-то время он потерял сознание и очнулся, когда уже подбежали люди.

Олену валом завалили всякой одеждой, его – никто. Потом телега отъехала. Он приподнял голову: неужели его не возьмут? Не взяли.

– Икотник... А икотники не дохнут... – слышал он или так подумал.

Олена долго болеет. Свалилась одним человеком, а встала другой. Она и раньше не глупой была, а тут и подавно поумнела.

Вопрос вопросов для нее – как бы расплатиться, как бы отблагодарить Савву.

В конце концов она советуется с отцом (единственный человек, с которым можно посоветоваться).

Переоценивает свое отношение к отцу. Раньше не очень считалась, мать – хозяйка в доме, а во время болезни оценила отца, всем сердцем потянулась к нему. Мягкий. Красивый. Ласковый. А раз очнулась – отец плачет над ней. И вот тогда задумалась, что за отец.

– Татенька, я бы с тобой поговорить хотела.

Отец даже растерялся – так это было для него неожиданно. Олена виду не подала, что заметила эту растерянность.

– Савва Онисимов мне жизнь спас, надо бы как-то отблагодарить. Мешок жита дать.

– Хорошо это ты, доченька, надумала, хорошо. Но неладно. Обидится.

– Обидится?

– Обидится. Гордый парень. В лесу жил – знаю... Словом благодарят.

– Ну дак скажи...

– Я-то скажу, как не скажу – дочь родную спас. Да тебе надо.

Олена все же послала рубль денег с сестрой – вернул.

И от жита отказался: я не жито спасал.

Олена стала сама искать встречи с Саввой, сама заговаривала:

– Как здоровье, Савва Мартынович?

– Ничего...

– Я не знаю, как с тобой расплатиться... Ты ведь жизнь мою спас...

– Выходи за меня замуж, раз не знаешь. А что? Кабы не я, где бы ты теперь была... Шучу, шучу... Ничем ты не обязана... Разве человека от смерти спасают за плату? Выходи замуж.

Слова Саввы смутили Олену.

В другой раз, встретив Савву, Олена опять говорит: она должна.

– Да не должна ты мне. Я не тебя спасал – человека.

– Как это?

– Как. Мне все равно – кто бы был – кинулся. Так что ничего не должна.

Олена тогда решается отблагодарить принародно. На мечище. В Петров день на гулянье Олена приглашает имками* Савву.

– Савва Мартынович, пойдем имками?

Всеобщее замешательство. А Савва начал оглядываться. Не ослышался ли?

– Савва Мартынович, тебя зову... Не откажи...

И тогда Савва пошел. Ох, как в другое время он обрадовался бы. А сейчас желваки перекатываются от злости. Ведь это почему она его пригласила? Из-за того, что сердцем к нему повернулась? Как бы не так! Все из-за той же благодарности за спасение. Сперва через отца хотела мешком жита откупиться, а теперь, раз не вышло, через гордость.

Шли молча. Шли рядом, как положено, платок из рук в руки. Прошлись до попава дома и обратно повернули. Но спроси Олену, как она шла, что видела, – не сказать. И только когда стали подходить да услышали осуждающий гул старушенок – пришла в себя. Тут нашлись силы. Твердой поступью подошла. Учтиво поклонилась.

– Спасибо, Савва Мартынович...

По этому поводу разговоры. Одни: с ума сошла, икотника пригласила. А другие не осудили Олену. Наоборот, похвалили. Хорошо сделала. Парень от смерти спас – как не отблагодарить?..

Дома ругают ее... А она уверена: хорошо сделала. И вдруг убеждается: она его любит.

С отцом разговаривает.

– Батюшко, тебя мама по любви выбирала?

– По любви, наверно.

* Имки – особое гулянье. Ходили по деревне парами (парень с девкой) и две-три девки и парень, ходили и разговаривали.

– А если я тоже по любви...

Иван Гаврилович тревожно взглянул.

– Батюшко, а отдал бы ты меня за Савву?

– Что ты, что ты? – замахал руками. – Не ровня. Обижен.

– А мать-то?

– То мать... Другое дело...

– Батюшко, да ведь я ему принадлежу. Вы с матерью родили – спасибо. Он вторично жизнь мне дал. А значит – и я его... Ведь кабы не он – меня бы и не было.

Иван Гаврилович не знал, что и сказать дочери... Разумом понимал... Но снова отговаривал. Да он и сам не хотел бы: его дочь – за икотником...

Олена смело вела себя уже летом, назначая чуть ли не на виду у всех свидание Савве. А осенью, когда землю укутала темнота, она и вовсе отбросила всякие опасения. И уже Савва вынужден был выговаривать ей:

– Ты с ума сошла! Сплетен захотела?

– Пущай. Я с кем встречаюсь? С мужем.

– С мужем, с мужем... Муж-то, когда обвенчана...

– Мы с тобой еще в Хорее повенчались. А придет время, и в церкви обвенчаемся.

– А когда? Кто это нас обвенчает? – взрывался Савва.

– Придет время, – отвечала Олена и при этом загадочно улыбалась.

Она все обдумала... Забрюхатеть поскорее, а там уступит мать (об отце и говорить нечего), а ежели не уступит, то и так.

Олена, чтобы больше понравиться Савве, перед свиданием ест конфеты.

– Ты чего ешь? А, – догадался Савва, – думаешь, слаще губы будут?

Савва вытер Олене губы. Поцеловал.

– Нет, так слаще. Кабы можно конфетами девку заманить, тогда бы только конфеты и ели...

Олена полюбила Савву. Надежд на то, что ее отдадут за него замуж, никаких. И тогда она решает отдаться ему.

Савва сперва крепится, даже пытается образумить ее, но Олена настаивала, и мог ли устоять против ее заклинаний и мольбы Савва? Ведь не железный же он. Есть отчего закружиться голове – такая рыбина сама в руки идет.

Олена отдается Савве. А потом гордость дыбом: что наделала? Кому себя топтать позволила? Что скажут люди, когда узнают?

При встрече гневным взглядом опаляет Савву. Савва растерян: что еще? Какая муха укусила?

Олена залпом объявляет: забудь, что было. Бес меня попутал. Больше этого не будет. Замуж выходить лажу.

– За кого?

– Не за шантрапу же! Для дочери Копаневых неужели жених не найдется?

– А не боишься, как жених закапризит?

– Из-за чего закапризит?

– А хотя бы из-за посуды, у которой дно выбито?

– Это не твоя забота. Я первая, что ли, сдурела?

Савва страдает. И со всей страстью своей натуры отдается революции, дружбе со ссыльными.

Он забывает Олену, а та еще больше любит его. Она навязывается сама, спрашивает его... А он тяготился. Он стал равнодушен и ловил себя на том, что мысленно он думал о ссыльных...

Раньше весь свет – Олена. Она его солнце. А с приездом ссыльных новый мир открылся, взошло другое солнце, и свет того солнца затмил Оленино солнце...

Да и как иначе! всю жизнь он, его отец, мать тосковали по справедливости, всю жизнь... И вот нашлись люди, которые ради справедливости голову свою клали на плаху. Так что же удивительного, что они для него стали дороже всего на свете. Дороже матери, семьи.

Решающую роль в том, что Олена снова полюбила Савву, сыграли ссыльные. Благодаря им почувствовал в себе человека Савва. Благодаря им возвысился. И Олена невольно задумалась: есть люди, которые ценят выше всех Савву. Выше всех деревенских ребят. И как бы новыми глазами, глазами ссыльных, она посмотрела на деревенских парней. Мешки по сравнению с Саввой.

Олена не принимала ссыльных, а потом и ненавидела их. Они отняли Савву. Есть крестьянская сметка у Саввы, работающий, отец хвалил, но ссыльные стали мутить голову.

Ох, как ненавидела Олена ссыльных! Кажется, сама бы всех своей рукой удавила. Кто вас звал сюда? Зачем при-

ехали? Савва говорит: жизнь помогут устроить. Да как они помогут? Работать будут за них? Что-то я не видела...

Жизнь – это сено ставить, сеять, жать, а они ничего этого не умеют. Дак какую жизнь они устроят?

Не надо. Не хочу, чтобы мне устраивали. Как это устраивали? Они будут за меня работать. На позже? На сенокосе? И она спорит с Саввой.

– А я, что же, барыней жить, в перинах валяться! Не хочу! Не дам отнять у меня жизнь. Это, может, лодыри, бедняки мечтают, чтобы за них работали. А я сама хочу работать. Потеть. Ветерком обвеяться... Да мне без работы и жизнь не надо. Вот что я тебе скажу.

Савва помогает ссыльным. Его арестовывают. Олена беременна. Ее прогоняют из дома. Олену принимает к себе Федосья. Неважно, что невенчанная. Она жена Саввы. Олена родит ребенка и во время родов умирает.

ИВАН ПОРОХИН

Иван – полная противоположность Саввы. Его судьба особенно волновала писателя. Первые наброски были сделаны еще в 1959, 1963 и 1964 годы, более подробно история жизни Ивана изложена в конспективных заметках 1979–1983 годов.

Ваня для Порохиных – чудо, человек из другого мира, сказочный волшебник, который в одну минуту может изменить жизнь.

Культ Вани в семье поддерживала мать. Никогда не могла забыть, как Ваня бросился на отца, бывшего ее. И хоть за это она получила больше, забыть этого не могла.

Дети были жестокие: Савва, даже Агния – в отца. А этот – Иванушко-дурачок из сказки. Ласковый.

Личное обаяние. Это отмечает сразу же Необходим. Какое красивое, чистое лицо. Отмечен самим Господом Богом...

Умный, любознательный отрок. Неотразимо обаятельный. Скрытный. Отрок больших возможностей. Но куда пойдет? Мать больше всего боится за него...

После спасения Олены Савва слег. Жесточайшее воспа-

ление легких, жесточайшая простуда. А как жить? Рассчитывали на лесные заработки, но по договору Савва должен был сплавить лес до Усть-Ельчи. А раз не сплавил – то вся работа в лесу насмарку. Спасибо еще и то, что Губин не потребовал возвращения аванса.

Положение у Порохиных безвыходное. Федосья идет советоваться с батюшкой Оникием. Этот всегда был заступой ее. Единственный в деревне.

Оникий советует искать помощи в монастыре.

– Как в монастыре? Ведь оттуда Ваню выгнали.

– Я поговорю с настоятелем. Думаю, простит отрока. Настоятель Варсонофий требует, чтобы Ваня покаялся. Слишком много гордыни.

Федосья попервости – против. Но Оникий говорит, что путь Вани в люди лежит через монастырь. Монастырь не благословит – никто не примет.

Ваня, когда заговорила мать о покаянии, – на дыбы. Мать его уговаривает – не помирать же с голоду? А клятву забыл? Все за одного? А кроме того, выйти в мир – только через ворота монастыря.

– Я в Архангельск уйду.

– И в Архангельске монастырь достанет.

Ваня приносит покаяние. В монастыре, на глазах писарей, просит прощения у Федора-келейника.

– Прости, брат Федор.

Неожиданно пришел Ставров к Порохиным. Не сам по себе. От Щепоткиных.

– Велено парня везти.

– Какого?

– Да того, который счет ведет. В услуженье берут. Согласия не спрашивали. Да и какое согласие. Разве надо.

Порохины в этот день родились заново. Валеночки Необходим привез. Ваня надел валеночки – как на него, надел пальтуху – тоже... Побежал по деревне. Из конца в конец пробежал. Весть уже разнеслась. Под конец забежал к любимой учительнице. К Аникию – заступался. А потом царевичем явился...

Стали за стол садиться – Савва как раз помылся, – и робость на всех напала: не знали, куда и посадить Ваню.

А назавтра с утра всей семьей сходили в монастырь помолиться за Ваню, потом пообедали. Сытно, до отвала – не скупилась по такому случаю.

Все были рады, все радостны. Понимали – начинается новая жизнь.

– Ну, Иван, – сказал Савва. Иваном назвал, – теперь у нас на тебя вся надежда.

– Да уж так, Иванушко!

Огнейка высказала самое сокровенное, что вертелось на языке у каждого:

– Поопасутся икотниками звать.

Перед отъездом Вани в Ельчу у Порохиных большой разговор: как жить дальше. Савва:

– Это хорошо, что Иван к Щепоткиным. Через тебя будем в люди выбираться.

– Как?

– Думаю, какая-никакая деньга. А может, и нас обогреет. В общем, в твоих руках судьба семьи. Через тебя будем сдирать с себя икотников. А потом, смотришь, и дом построим.

– Только не на задворках.

– А где?

– А вот место хорошее по верхнюю сторону от попа.

– Ну, там не дадут.

– Не дадут, ежели на печи сидеть.

Мечтают, что это за дом будет. Савва снимает с божницы икону.

– Поклянись, что заодно с нами будешь. Сам наверх лезешь и нас тащи. Клянись, что нас не забудешь.

Ваня клянется.

Огнейка настаивает: всем клясться. Всем всегда вместе...

Все посмотрели за окошко, словно для того, чтобы запомнить эту минуту.

Надо ехать в Ельчу, везти Ваню. А на чем? Своей лошади нет – пропала. У кого просить?

Думали-думали, и к кому? Решили обратиться к Дурыным – все-таки Ефтя бывает у них.

И вот в это время – чудо. Возвращается с того света Карюха. Радость великая. Ваню везут на своей кобыле. Обида

Вани – не подпускает к себе жеребенок. Он долго потом скучал по этому жеребенку.

По дороге в Ельчу Савва показывает Ивану богачей, рассказывает, кто от чего пошел.

– Смекай. Делай в голове зарубки.

Иван всю дорогу в ожидании города, земной сказки. А въехали в Ельчу – и что же первое увидели? Сани с навозом.

Савва заметил, что сразу же погас Иван.

– Чего ты от навоза-то нос воротишь? На навозе жизнь на Севере стоит. И вообще, ты управляй собой. Чтобы все то, что внутри, не видели.

Несколько успокоило Ивана щепоткинское подворье. Все были деревянные дома – один лучше, другие хуже, поменьше, да вдруг в низине – один каменный дом, второй, третий...

– Вот это Щепоткины. Видишь, какие тузы. Земля под ними подогнулась.

Вскоре Иван снова разочаровался. Пришли в собор, каменный. Иван вглядывается: какой будущий хозяин? Сперва на одного подумал – в фуражке, на второго – учитель, на третьего... и все нет. А Щепоткиным оказался кривой малорослый мужик. В сюртуке. Ноги в сапогах ухватом, волосы стрижены под горшок, и вдобавок еще кривой.

– Дурак ты, Ванька! Человека ценят не по роже, а по делам. А дела-то у него, сам видел, какие.

Вышли – немыслимое количество ссыльных. Какие-то совершенно другие люди, не похожие на здешних. Почти все бритые. В шляпах. И дерзкие. С гордо посаженными головами... И разных национальностей. Горбоносые, с жгучими глазами. Чубарые... Ржут, весело... Словно и не ссыльные они, а господа.

Служба у Щепоткиных поначалу тяготит Ивана. Сны видит деревенские. Не знал, не думал, что так дорога деревня, дом. Его опекает Необходим. Когда Ваня получил первые деньги, Необходим спрашивает: как будешь расходовать? А дома рассказывает, как он помогал брату, еще учась в училище в Суре.

– Я тоже рос, отца у меня не было. В школе первым учеником шел. И вот в монастыре – училище. Меня туда направляют. Брат горячий, стоптал ногами: робить надо, а не учиться. Но меня все-таки отправили в училище. Я деньги получил – на хранение отдал. А потом еще бумаги у купца на переписку взял, да за репетиторство платили... Да дрова колот... Зимой на каникулы приезжаю. И все денежки до копейки выложил. Вот, говорю, это я заработал. А две копейки взял... Матвей перебирает деньги, а потом заплакал. Да ведь ты мне тут корову принес. И я плачу. А потом жениться надо. Тридцать два года мне уже было. Пришел разрешения просить... Хорошая есть девушка у вдовы... Капиталов нету, а меня любит... А Матвей:

– А ты, говорит, сперва у хозяев разрешения проси, а у меня потом...

Щепоткины переделали Ваню. И вот приезжает Ваня домой после щепоткинской выучки. Собранный. Холодные глаза. Жесткий. Не такой, каким отправляли.

Встретил на улице учительницу. Удивилась: неужели это Ваня?

– Где ты встречаешь Новый год?

– Какая у нас встреча? Дома, разве, со своими посижу.

– А можешь ко мне?

– Могу.

Иван силой берет подвыпившую учительницу.

– Ваня, Ваня, что ты делаешь... Ведь я же старше тебя.

Иван грубо:

– Да надо же когда-то тебе стать бабой, а то так и засохнешь в девках.

Грубо, чтобы побороть в себе страх, чтобы уверить себя, что он имеет дело просто с женщиной.

Назавтра Иван с ужасом думает о том, что произошло. Но – плевать. Один раз живем! И потом, не я, то кто-либо другой обабил. Зачем рождается человек?

Неистовый разгул, чтобы как-то утихомирить совесть.

Многое изменил в судьбе Ивана случай с ограблением лавки Щепоткиных.

Вечером Щепоткин, по обыкновению, подсчитывал выручку в старом магазинчике, где торговали сразу всякими товарами (анахронизм в современной торговле). Но Щепот-

кину люба была эта лавка своими воспоминаниями, тишиной, такими домашними, патриархальными запахами. Даже то, что сзади – из-за приоткрытой двери в «керосинку» – пахивало керосином, треской... Ему нравилось.

Щепоткину помогал Ваня. Лампу большую из экономии не зажигали. Ваня просчитывал цифры одинаково и на свету, и в темноте, а самому Щепоткину вполне хватало пятилинейки – много ли света надо, чтобы высветить местышко для цифры. Возле Щепоткина лежал пяточок новенький – это плата за дополнительную работу. И Иван был рад, что скоро у него скопится этих пяточков рубль и он сможет послать их домой.

Вдруг на улице возле ворот скрип снега.

– Кто-то не успел... Отпустим?

Распахнулись двери, и в лавку вскочили двое в масках. С наганами.

– Встать! Руки!

Щепоткин и Ваня встали. Один остался у дверей. Другой двинулся к кассе. И в это время Ваня нашелся – смахнул с прилавка лампешку, толкнул на пол хозяина. Раздался выстрел, потом второй, третий. Вокруг головы Вани поднялся ветер. И тут сквозь пальбу он услышал:

– Не стреляй! Ваньку убьешь!

– Одним холуем меньше будет...

Ваню ранили. Пулей сорвало кожу с правого виска... Назавтра – герой... В хозяйском доме лежит... Потом жандарм производил допрос:

– Кто были налетчики?

– Не знаю.

– Знаешь. Откуда один из них знал твое имя?

– Меня все ссыльные в Ельче знают, постоянно заходят за всякими товарами.

Сколько ни бился жандарм, ничего не сказал Ваня. Потом допрос со стороны старшего Щепоткина.

– Ну, спасибо тебе, Иванушка, можно сказать, от смерти спас. А грабителей-то ты что, действительно не знаешь?

– Не знаю.

– Ой, Иван... И слышать я не слышал, и ты мне таких слов не говорил. Да как же это? Крест целовал – ничего от

хозяина не скрывать, как перед отцом правду говорить, а ты? Могу ли я такому человеку дело свое, живот свой доверить?

Ваня опустил голову.

– Ну дак что... еще молчать будем? Ох, Иванушко, да мне не факты нужны, факты-то мы знаем, мне твое признание нужно... Ну-ко, глянь мне в глаза.

Ваня не смог заставить себя поднять голову, слезы навернулись ему на глаза.

– Ну и на том спасибо... Спасибо, что не соврал, а то задачку-то мне сложную решить надо было. Нельзя... Не положено это, чтобы брат грабителя работал у честных людей.

Ваня ахнул и накрепко, до крови зажал рот.

– Знаем, знаем, Иванушко, брат Савва наведывался ко мне в лавку. Со своим ссыльным товарищем. Да мне это от тебя хотелось услышать. Власти недовольны, власти советуют выгнать тебя, да и то сказать: как держать человека, брат которого – государственный преступник... Да, да, государственный преступник. Самый отчаянный головорез в своей деревне был. Бунт в Копанях. Кровь пролилась.

Щепоткин ушел. Иван остался один. И разревелся, как малый ребенок. Что же с Саввой будет? Где он теперь? А дома-то что у них деется?

Мало-помалу в следующие дни картина перед Иваном выяснилась в деталях. Иван все задавал себе вопрос: а он с оружием в руках мог бы грабить? Он бы с Саввой пошел? А может, у них, Порохиных, весь род такой. Ведь не зря же рассказывают, будто дядя Левонтий ограбил странника. Раздумья, размышления...

Через некоторое время Щепоткин говорит Ивану:

– Съезди домой. Посоветуйся с матерью. Может, она и не захочет, чтобы ты служил... И подумай, подумай... Кем ты хочешь стать: славным сыном отечества или грабителем, бандитом, как твой брат...

Иван прежде всего заехал к Махоньке. Зачем? Какой совет она может дать? Но заехал... Перед Махонькой он не таился. Весь открылся. Как быть?

– Нехорошо, нехорошо твой брат сделал... Но от брата

не отступаются. Молиться за него надо, чтобы Господь наставил на путь. Не знаю, как Савву занесло в грабители, а худого про него не скажу. Хоть та же Олена Копанева – как он ее спас? Многие ли бы пожертвовали собой?

Иван выспался хорошо у Махоньки. А домой и не поехал. К Щепоткину явился новым человеком.

– По братним путям-дорогам не пойду, а от брата отrekаться не буду. И если доверите служить, служить буду честно.

Щепоткин смотрел и не узнавал парня. Залюбовался. И кивнул верному Необходиму:

– А хорошо бы, я думаю, этот молодец смотрелся не в старой лавчонке, а в магазине среди красных товаров.

– Да, неплохо.

Назавтра магазина было не узнать. За прилавком – Иван в шелковой рубахе, с поясом.

– Чего изволите-с. Сейчас. Сейчас.

Дамы городка побывали не один раз... И вечером совершенно другое отношение приказчиков – подобоострастное, завистливое. Эх, повезло псу. Почему грабители не ко мне заскочили. Уж я бы себя показал еще не так.

Выручка за первый день была в четыре раза больше, чем раньше...

Сосед-торговец:

– Рекламка, рекламка, Алексей Иванович. Перегнали меня.

У приказчиков у всех главное оружие – лесть, угодливость перед покупателями. Ваня тоже был вежлив с покупателями – без этого нельзя. Но у него живая была улыбка (учился перед зеркалом). И удаль.

Красиво работал. Умел развернуть материя, поиграть ею на солнце. Черт знает, как это у него получалось, талант, что ли, особый – но материя, ситец в его руках выглядел ярче, красивее, чем у других приказчиков. Он манил к себе, притягивал. Тот же ситец, да не тот. И покупательницы, видя играющий ситец в руках Ивана, случалось, оставляли приказчика, который уже отмерял, и шли к нему.

Еще Иван мог безошибочно порекомендовать, какой шелк, ситец идет к лицу покупательницы.

-
- Мне вот этот...
 - Вам лично?
 - Мне.
 - Не советую. В этом вы не очень...

Были довольны и крестьяне, покупающие на сарафан невестам. Иван, прежде чем отпустить ситец, сатин, кумач, шелк, спрашивал, как выглядит дочь, какого цвета волосы, какова фигура и т. д. Спрашивал также Иван, какой суммой располагает покупатель, что надо купить и кому.

– Ты уж реши, мил человек, как это лучше сделать.

А нередко Иван угадывал, что хочет купить человек.

Слава об удивительном приказчике разошлась по всей Ельче.

Иван с напуском отпускает ситец. Поэтому и потому, что он очень красив собою, к нему в очередь дамы. Приказчики другие без работы.

Один из приказчиков доносит хозяину: дескать, не дорожит хозяйским добром, припускает. А мы, наоборот, – натягиваем.

Щепоткин приходил в магазин и со стороны наблюдает за Иваном. Точно: широко расправляется с добром хозяйским. Не жалеет. Подумав, Щепоткин под предлогом недоброкачества отпущенного материала забирает его у дамы и просит Ваню отпустить из другого куска. К его удивлению, Ваня на его глазах (это после предупреждения!) – опять с напуском отмеривает. Разгневанный хозяин вызывает его к себе.

– Ты знаешь, зачем дело основывают?

– Чтобы получать прибыль.

Хозяин вскипел:

– А это? Сколько лишних сантиметров? Два вершка? Ты хочешь меня по миру пустить?

– Никак нет. Это я сделал, чтобы прибыль больше получить... Торговать с припуском выгоднее. Больше пользы. Так и в Архангельске у Манухиных делают. Это у Рыкаловых на вершках хотят выиграть.

– Да ты откуда знаешь? Когда ты в Архангельске был?

– Я в Архангельске не был. Не имел случая. А когда здесь был приказчик ихний, я интересовался, как он торгует. Есть две торговли – кулацкая и современная, передовая. Сове-

менная торговля основана на том, чтобы как можно скорее сбыть товар... Мы проигрываем 5 рублей, а выигрываем 25–30. Теперь извольте посчитать, что выгоднее.

Щепоткин был потрясен. Он всю жизнь занимается торговлей, и что же – мальчишка учит его. А потом, что еще изумило его: пытливость парня. Выспрашивал, как торгуют. Кто из его приказчиков на это способен? Об одном думают: как бы объегорить покупателя. Копеечные, а этот – рублевый. И смелость. Никого не спросил. С припуском. Щепоткин думал: он и так с хитростями торгует, доверяет покупателю. Иди вешай сам рыбу. А тут – какой размах. Щепоткин объявляет:

- С этого дня будешь получать больше.
- Благодарю вас, сударь.

Не пал на колени. Тоже новая мода? Тоже по-заграничному? По-английски? Эта мода не очень понравилась Щепоткину, но он промолчал.

Ваня выходит в лавку. Приказчики со злорадством и удивлением смотрят на него. Ваня убивает их:

– Вечером угощаю. Хозяин надбавку к жалованью сделал.

Иван был в почете, зарабатывал хорошие деньги. Но зачем? Он не был удовлетворен жизнью, хотя и не всегда понимал это.

Иван не просто карьерист и авантюрист. Он философ.

Савва и социалисты мечтают обновить Россию, сделать ее счастливой. Через революцию, через войну, через братоубийственную бойню. А что это даст?

Прежде всего полное разрушение материальной основы жизни – экономики, культуры... Все придется начинать сначала...

Иван – строитель жизни. Он равнодушен к спорам среди ссыльных. Он равнодушен к судьбе брата. Но все мечты ссыльных о переделке русской жизни – химера.

Разрушим сперва до основания старое общество, порядок. Но, во-первых, в старом что-то есть полезное. Нельзя же представлять себе, что вся история русской жизни – сплошная глупость. А во-вторых – революция 1905 года. Она по-

казала, как русские умеют разрушать. Так ведь это какая революция! Начало. Островками. А если морем разольется по всей стране. Хорошо, хорошо разрушим. А кто строить будет? Ведь революция и всех строителей разрушит. Неробот, батраки, пьяницы... Да они от рождения бездельники. Для них труд – наказание, каторга. Нет, мне с ними не по пути. Я хочу делать, работать.

Нет, путь обновления России не через революцию. Через дело. Путем ликвидации вековой отсталости России. Кто это может сделать? Деловые люди, так называемая буржуазия. И интеллигенция. Поэтому у Ивана самые хорошие отношения с интеллигенцией.

Россия еще никогда не работала в полную силу – в этом ее беда.

Я люблю жизнь. Жизнь настоящую, а не ту, которую создадут для меня. Я сам хочу создавать, строить, ошибаться.

Научиться работать – первоочередная задача России. Революционеры научат работать?.. Нет, они ничего не умеют. Революция сметет талантливых людей. А кто останется? Мы отстали от других стран колоссально. И первоочередная задача – догнать их. А догнать – научиться работать. Быт людей устроить. Дороги. И прочее, и прочее.

Эту веру – работать, работать! – Иван пронесит через всю жизнь. Революция с ее всеобщей разрухой и одичанием лишь подтверждает это. Иван принимает Февральскую революцию, но против Октябрьской.

Большое влияние оказывает на Ивана Необходим – воплощение здорового, практического ума.

Необходим следит за бытом Ивана, он разлучает его с кухаркой, он предупреждает его от связи с ссыльными. После ареста Саввы он основательно беседует с Иваном. О жизни. О месте человека в жизни. Ссыльные... Преобразуют они жизнь, землю? На кого опираются, кого поднимают? Всякую нероботу да шушеру.

– А Савва?

– Савва – исключение. И, думаю, ходит по тюрьмам, по острогам да покормит вшей – вернется. По работе истоскуется.

– По работе?

– Да, по работе. Разве мыслимо это с 18–20 годов бездельничать, лодырничать?

– Революционеры не лодыри. Они жизнью жертвуют – самым дорогим у человека.

– Жертвуют. Есть такие. Да это нищие духом, либо те, которые не разглядели, что такое жизнь. А жизнь – это работа. Поверь мне, все прошел старый Необходим... И до баб тоже охоч был. А что бабы? Перебесился... А эта самая борьба? Чем вспомнить, на что поглядеть? Сколько да где передушил? А работа, она, матушка, – краса. Посмотреть можно, в руках подержать.

– Но работать-то как раз человеку у нас не дают, и именно за это ссыльные борются...

– Выдумка. Кому это не дают работать-то? Шушере да лентяю. Да у кого в башке ничего нету. Чтобы работать-то, надо талант иметь. Великий талант. А мало ли у нас талантов-то? Люди задавлены. Правительство давит. Простору не дает людям простым. Не Тюкиным, не Рыкаловым, не богачам... А людям из народа, таким, как Савва, как ты... А есть, есть этим людям применить где силы. Земство. Я вот читал тут про работу земцев... Чудеса... Даже в Перми. А почему нет на севере земства? Земля – целое государство. А никакого самоуправления. А потому, что север – это царские земли.

– Значит, надо бороться с царем. Значит, прав Савва и его товарищи.

– С царем надо бороться. Да бороться за земство.

И далее Необходим произносит гимн во славу земцев, во славу самоуправления, которое расковывает народ. Так пылко Необходим еще не говорил.

– Не надо, не надо отворачиваться от ссыльных – умные люди. Да от каких? От Полонских и прочих. От тех, которые за земство.

Иван попадает на заседание земцев, местной интеллигенции, которая за развитие северного края. Самостоятельное, с помощью земских учреждений. Земцы решительно настроены против царизма. Это собрание было для Ивана откровением. Он под всем подписывается.

Во-первых, жизнь большими проблемами. Простор. Воля.

Во-вторых, можно до одури заниматься делом. А вне работы для Ивана нет жизни. А тут – больницы, школы, дороги, мосты.

И – третье – совершенно головокружительно: борьба с царизмом. И тут они смыкаются с братом, тут впервые Иван убеждается, что они в одной упряжке с Саввой.

У Ивана появился иной взгляд на мир, на свою работу. Они делают одно дело, но разными путями. Впервые примирение с собой. Земство – великая радость. Небывалая. Новым светом все осветилось. Он будто заново родился.

Однако вскоре Иван убеждается: без денег ничего нельзя сделать. Всюду нужны деньги. И он раздумывает, как добыть денег. Честным путем. Заводит дело – лесозаготовки по Хорее. В тайне великой. Весной лес обсох, сплавляет плотами. Чтобы мужики бродили в холодной воде, сам бродит. И водку выставляет. Пьяные – в воду. Трезвеют в воде. Час выдерживают. Страсть Ивана захватывает сплавщиков. Такого еще не было. И потом, дело Ивана – это вызов богачам. Вся молодежь помогает ему. Иван распалает ее. И вот плоты в Ельче. Великая радость. А по сему случаю великая пьянка. Все напиваются. Похмелье страшное.

Пришел назавтра Иван со сплавщиками, а плотов его нету. Нет, паром на месте. Только клейма на торцах щепоткинские. Что случилось? Пока Иван и его люди гуляли в деревне, Щепоткин – он не спускал глаз с Ивана – за ночь со своими людьми обрезал торцы бревен и заклеил своими клеймами.

Щепоткин сам стоял на первом плоту и попивал чаек. Не кричал, не ругался.

– Что, Иван Мартынович, сплавщиков привел? Это хорошо, хорошо. Надо не мешкать плавить лес. А с тобой расплачусь хорошо. Это ведь не шутка – по Ойле пронести столько лесу. Без воды. Только ты и мог это сделать. 12 окладов даю. А вас, ребяташки, тоже с носом не оставлю. По 50 рублей на нос выложу – думаю, неплохо?

И мужики согласились. Продали Ивана. Иван возмущался. Это же величайшая мерзость. Это же уголовщина. Ничего, ничего. Есть у меня свидетели. Стражник, который

клеймил. Лесничий. Мужики, наконец... Все отказались, всех подмазал Щепоткин. Оставался еще Ефтя... Ефтя начал кобениться.

– По судам-то мы и так всю жизнь ходим, кто нам поверит? Нет, не дело... А деньги?

– Деньги придется подождать.

– Нет, вот денег я ждать не согласен. Домик отдашь, жеребца отдашь... Ну что еще... Распродажу устроим...

– Не городи ерунду...

– Какая ерунда? Есть у меня маленькая идея. Отдай за меня Огнею, и тогда уж, как родственники, поладим...

– Огнею? За тебя? Да ты подумал, нет? Огнею чтобы в эту дыру? Нет, это ты одному себе не смей говорить.

Иван вскочил. Какая наглость! За этого медведя, за этого идиота... Огнею... Мою Огнею. Но возмущение постепенно проходит. В расчет вступает трезвость. А почему не отдать? Чем худы Дурьинины? Придурковаты немножко, Лаи, да зато житье. Хозяйкой будет. Да и жизнь долга. Что и как еще будет.

Вечером разговор с Огнеей, матерью. С вином. Прежде чем начать разговор, выпил стакан водки, потом второй.

– Тебе надо выходить за Ефтю Дурьинина.

– Чего? – Огнейка залилась. – *Ради чего это такие сегодня смехи?

– Это не смехи. Это надо. У меня, может, кровью сердце обливается, а говорю – надо. Не хотите же вы, чтобы я сегодня повесился у вас на глазах?

– Иван... Ваня. Да что это такое?

– Что такое? Я человек, на горло которого Щепоткины повязали веревку с камнем, и только пихнуть немножко – и все кончено.

Иван рассказывает суть дела. С чего началось. С брата Саввы. И как он хотел честным путем – открытым путем – продолжить его борьбу. И как Щепоткины его подкараулили...

– Ну бог с ним и с борьбой. Проживем.

– Я должник. Меня арестуют. Я всем должен. И только Дурьинины могут спасти. Все отказались от меня. Все предали.

– Дак что же ты хочешь, чтобы я спасла тебя своей жизнью?

– Почему своей жизнью?

– Да для меня идти за Миколку – лучше уж вовсе не жить...

– Ты хочешь сказать, не любишь его? А мать спроси, по любви выходила? А вообще раньше спрашивали про любовь? Тут же ты честь брата спасаешь.

Огнейка молчит. Иван взрывается:

– Дрянь! Ты брата спасти не хочешь? Брату помочь не хочешь? А ты клятву нашу общую, когда еще Савва с нами был, помнишь? Помнишь, построить порохинский дом, с дворов выбиться? Так я все делал для этого... Все... А ты что молчишь? Может, не я, кто-то другой смывал да сдирал с нас проклятые твои икоты...

– Не знаю, не знаю, как и неволить в таком деле... А только, – Федосья заплакала, – ежели речь о жизни...

Иван посмотрел на Огнею. Та по-прежнему уклонялась. Заговорил Гуня.

– Брат, ты лучше... Пускай лучше тебя терзают и распинают, а сестру не давай в грязь.

– Ну, раз высказался семейный святоша, можно сказать, что вопрос исчерпан.

Иван встал, хлопнул по карману, который глухо, но, однако, отчетливо металлическим звуком пистолета отозвался. И тут Огнейка не выдержала.

– Нет, нет, только, только не это, только не твоя смерть. Нет уж, со мной делайте что хотите, только чтобы все были живы.

Будущее земство в Архангельской губернии, за которое ведут борьбу земцы, должны напоминать Пермское, успехи которого превзошли все ожидания. У архангелогородцев возникает мысль изучить его опыт. С этой целью составляется целая комиссия, в которую вводится и Иван Порохин. Но поездка Ивану не удастся: хозяева увольняют его со службы, отдают в солдаты.

Щепоткины обвиняют Ивана в том, что он залез в хозяйский карман – заготовлял лес по своему почину и для себя в тех дачах, которые были куплены Щепоткиным.

На это Иван заявляет: он не вор.

– Все бревна, за которые вы уплатили, вы получили. Значит, я чист перед вами. А то, что я вошел в сношения с лесником, малость казну ободрал – так в этом нет никакой вины. Разве вы сами не делаете это каждый день? Разве не к этому сводится вся ваша жизнь – надуть да обобрать? И разве я не участвовал во всех ваших махинациях? Я потряс немного шишек с ели, которая принадлежит царю. Весь Север принадлежит царю, а почему не нам, кто живет на Севере? Они, царская семья, не бывали здесь.

– Ты – бунтовщик!

– А чего ждать от брата того Каина?

– Не попрекайте братом. Я не отказываюсь от него. Он против царя-батюшки, да и я не за царя... А вы? Вам ведь царя-то надо только для охраны ваших капиталов. А так разве вы не точите тоже нож на царя?

– В тюрьму его! Сгноить.

В тюрьму не решаются. Отдают в солдаты. Для людей – под видом патриотического горения: надо помогать отечеству.

Трагическая судьба братьев завершается во второй книге, которая посвящена гражданской войне на Пинеге. Савва – в стане красных, Иван – белогвардеец.

Савва возвращается в гражданскую войну комиссаром отряда. Может быть, карателем. Исступленный большевик. Меч и кара революции...

Иван не расстреливает пленных. Отпускает. Отсюда его популярность. И больше того, красноармейцы сдаются.

Наконец в плен попадает сам Савва. Савву приговаривают к расстрелу. Иван сам ведет его расстреливать.

Безжизненное мертвое поле, занесенное снегом. Два живых человека на всю Россию – так кажется...

Иван отпускает брата и дает ему пистолет. Савва не берет пистолет.

– Не хочу, чтобы повторился в нашей семье библейский грех братоубийства.

– Ты меня убьешь, если у тебя будет оружие?

– Убью.

– А может, правильно и сделаешь. Мне больше незачем жить на этом свете.

Савва говорит, что Иван – его злейший враг. Развалил фронт.

– А не хватит ли, брат, крови? Ради чего мы вытоптали цвет нации, цвет народа?

СЕРГЕЙ ПОРОХИН (ГУНЕЧКА)

Гунечка – младший сын в семье Порохиных. Он тоже из икотников, но ему с детства открыты всюду двери и ворота. Как-то не поднимается рука задерживать этого светловолового светлоглазого мальчика.

Худющий. Реденькие волосенки. Сама доброта. Монастырь, церковное любил. Молитвенник семьи. Пост соблюдал. Готовил себя в монахи. Любил божественное. Не вылезал от батюшки Аникия.

– Этот парень Богов, – говорили... – Не от мира сего. Говорили даже, что может в Копанях новый святой появиться (после Артемия Праведного). Мир, лад вносил.

Однажды Гуня укрощает толпу разъяренных копанчан, дерущихся конец с концом. Встал посреди дороги. Маленький, худенький. Растопчут. Не затоптали. Как лошадь не наступит на человека, так и люди.

После ожесточения Огнейки из-за тяжелой жизни с Ефтей Гуня навещал ее.

Единственный светлый лучик в этой грязной жизни – Гуня.

Придет, встанет у порога, как свечечка, и смотрит на тебя своими светлыми, безгрешными глазами.

Приход Гуни согревал душу, но и вызывал тяжкие приступы раскаяния, ненависти к себе. И однажды Огня сказала:

– Не приходи больше.

Гунечка посмотрел на нее и тихо сказал:

– Ладно. Не приду. – И не пришел.

А чем кончил Гунечка?

Началась революция. И всем сердцем прилепился к революции. На земле царство Божие установить! Бог – любовь. Справедливость. Братство.

Не было человека, которому бы так были близки идеалы революции: свобода, равенство, братство.

Гунечка записался добровольцем. 18 лет. Убит в первом же бою.

Привезли в Копани. Маленький, смерзшийся, с недоуменно, вопрошающе поднятыми бровями. Что это такое? Как могло это случиться? Почему убили? Меня, такого верующего.

Смерть Гунечки потрясла Копани. Сколько умирало, как ни привыкли, а тут ужаснулись.

ОГНЕЙКА

Одно время Абрамов думал сделать ее центральной фигурой книги.

В центр – Огнейку. Я ее хорошо знаю, и она дает возможность показать самые разные стороны деревенского бытия...

Ему хотелось показать, «как развивается и взрослеет девочка». Он сравнивал Огнейку с Наташей Ростовской. Но у Наташи «действительность в ее опыте довольно ограниченная. Здесь же, в восприятии Огнейки, – поистине весь мир». Сравнил писатель ее и с Лизой Пряслиной: «Лизка – совесть. Огнейка – поэзия жизни. Живая жизнь...»

Очень живая, бесхитростная. Большие серые, вечно смеющиеся глаза. Большой, постоянно улыбающийся рот. Огнейка пугала мать. Не по-деревенски резкая, веселая. Золотое, простодушное сердце. Но что будет дальше?..

И это – живая жизнь – влечет к ней. И домашних, и чужих, в том числе парней.

У нее и повадки не девичьи. Лазают по углам, простодушно подходит к людям. Доверчивый, бесхитростный взгляд...

Идет по улице, у людей какое-то горе, а ее распирает радость. И она это чувствовала, как горели у нее глаза, и она опускала голову, гасила их блеск, а потом и губу прикусила – никак не удавалось совладать с бушевавшей в ней жизнью, а надо было выказать сочувствие к людям, надо было, чтобы на лице была скорбь, горе, кладбищенская тоска... А кроме того, девушка: не подобало девушке быть такой радостной – нескромно...

Сохранилось много колоритных сцен, которые рисуют Огнейку в разных ситуациях.

Махонька с Огнейкой идут в монастырь.

Огнейку разбудила Махонька:

– Выбежи-ко, матушка, на двор: там громы гремят.

Огнейка выбежала: в монастыре звонят. За 20–25 верст слышно. Махонька пошла в монастырь к обедне: за ней увязалась Огнейка.

До наволока шли одни, в темноте. По узкой, плохо проторенной дороге: немного было богомольцев с верхнего конца. Зато когда вышли на монастырку, там дорога – улица. Ровная. Монахи блюли. И богомольцев – поток. Отовсюду, со всей Ельчи. Да из города наверняка были. Все шли пешком. К Богу пешком ходят, все: и богатые, и бедные. Все равны.

Но на реке их обогнали пошевни с колокольцами. Махонька заплевалась:

– Срамники... До чего дошло. К Богу уже на лошадях.

Монастырь (все сливался со снегом) начал выявляться, когда уже были на середке Ельчи. Колокола. Люд разношерстный.

Огнейка не знала, на что и глядеть. Все интересно. И люди. И водопровод. И баня.

– Пойдем, посмотрим водопровод. Еще не видела.

Махоньку не надо упрашивать: такой же ребенок любопытный.

– Водяной там. Але кто гонит?

– Воду-то? Глупая. По наклону.

– Монахи и в кельи требовали. Да, говорят, совсем обленятся. И так ничего не делают.

Старый Артемьевский храм, который был главной знаменитостью монастыря и в котором стояла серебряная рака с мощами Артемия Праведного, накрытая плащаницей, Огнейка не любила. И церковь Святителя Николы тоже не волновала ее. А новый Казанский собор она любила. И особенно любила верх – летнюю церковь, совсем недавно расписанную.

Чудно льется свет через верхние окна. Стекла в окнах цветные. И люди необыкновенные. Те же люди, но совсем другие. И кадят кадиланицы. И пылают свечи возле икон, и

с высоты из купола смотрит свежеразрисованный отечески добрыми глазами Господь. Дивное ощущение. Приобщение к Эдему.

А с хор – пение. И среди поющих – ангельские голоса мальчиков, школьников, бас дьякона, козлийный голосок блаженного Аникия и, наконец, до слез волнующий голос молодого парня, Артемия.

А выход из собора – на двор монастырский. Просветленные, очищенные от повседневной суетности лица крестьян. Божьи люди, кажется, проходят по земле. Исполняются слова из Святого Писания: агнец обнимается с волком, лев... Во всяком случае, местный богатей не кичился, как всегда...

ОГНЕЙКА И ОЛЕША

Жалостливая и справедливая Огнейка с детства опекает Олешеньку, горбатого соседского мальчика-калеку, заброшенного родителями.

Она берет его на реку, на луг за травой, в лес. Раз ушли далеко в лес, заблудились, и Огнейка тащит Олешеньку на закуорках.

Проходит время, и Олешенька признается Огнейке в любви. Огнейка не знает, что сказать, ибо чувства ее к Олешеньке сестринские.

– Не выдумывай, Олешенька, ничего-то. Я тебе сестрицей буду.

– Нет, я хотел бы, чтобы ты меня поцеловала.

Огнейка рассмеялась.

– Но я же человек...

– Человек, человек, – спохватывается Огнейка. – И придет время – женишься. А я куда – эдакая чернявка...

– Нет, ты всех красивше...

И Огнейка снова успокаивает Олешеньку:

– Будет и у тебя счастье. Горбатые тоже женятся. Вот Варлам... Ты только ремесло какое-нибудь выучи... А ты все на небо да на реку смотришь. Разве можно так мужику. Мужик должен робить. Не можешь в лесу – мастеровым надо быть...

Огнейку выдают замуж. Вечером того же дня, как Огнейку увозят в Лаю, Олешенька накладывает на шею петлю.

– С ума сошел горбун. Все смотрел да смотрел на небо... И только одна Огнейка знала истинную причину гибели Олешеньки.

Крестьянская девушка с малых лет готовится к жизни в качестве хозяйки дома. Она должна очень много уметь – этого требовал сам характер натурального хозяйства.

Она должна уметь прясть, ткать, мыть, обрывать корову, жать, шить, варить, печь. А кроме того, она должна быть и актрисой, то есть уметь причитать на похоронах, на свадьбах, петь песни.

Огнейка в 5–6 лет уже прядет. И это поражает ссыльного Юру. Как? Такой ребенок. Она должна играть.

– А у нас игры – крестьянская работа.

Огнейке забавно это. Что тут особенного? Неужели же есть где-то девки ее возраста, которые ничего не делают. Смешно! Глупый какой-то.

– Огня! Огня бессовестная, – одергивает ее мать.

– Да он, мама, глупый. Ничего не понимает.

– Что ты, что ты, срамница. Смотри, тебя за язык на том свете привяжут.

Потом Огнейка учится причитать...

– Научи-ко, научи-ко, – просит она Махоньку. Огнейка Юре говорит:

– Если я не научусь, меня никто замуж не возьмет.

Юра поражен, что так просто говорит о замужестве десятилетняя девочка. Неужели же она так развита? И он пытается Огнейку, зачем ей нужно выходить замуж.

ОГНЕЙКА НА ИГРИЩЕ

Сборы на мечище. Великое событие. Как выйдешь, в чем да как ступишь – судьба всей жизни решалась. Потому накануне собралась вся родня. Бабка Марька забыла и про икоты. Внучка как-никак. Да и Иван высоко взлетел. У кого служит? У Щепоткиных.

Пришли тетки, сестры отца. А в конце и Махонька пожаловала. Кое-кто принес свои наряды.

Огнейке поначалу было смешно, но потом и она прониклась серьезностью момента. И она заразилась желанием

не уронить честь семьи, честь рода. И потому она уже не сопротивлялась: делайте что хотите.

И бабы «делали». Примеряли платья, платки и платы, ленты от повязки должны были скрыть девичью косу... Обутка...

Огнейка надела ожерелок из жемчуга – Ивана подарок. Жемчуг в Беломорье был в большом почете – местный, озерный, речной, и морской... Жемчуг низали с великим мастерством – где мелкий, где вроссыпь, а где кучно...

Махонька против жемчуга – к печали. А кто-то нет – к радости. Всем праздникам праздник. А третьи: а жизнь без печали не бывает. А нет печали, и радости не бывать. Радует и печалит жемчуг.

Кольцо, цепи, янтари... В конце концов остались довольны.

Поучения, наказания Огнейке: как ходить, как стоять, как смотреть, как петь, как улыбаться:

– Бегаешь, вся растрясла себя. Надо выходку показать.

– Иди ровнехонько, держи ногу, не дрогни – хоть земля провалилась под ногами.

– Смотри полуглазком, говори – полуротком.

– Рот-то закрой. Не мух пришла ловить.

– Не пыли. Не садись на ноги, легко иди, но и не семи.

– У каждой песни свой в хороводе ход, не все уткой плавай, поведут веселую зазывную, ты веди ход с каблучка, да почаще ступай, притоптывай легонько, а протяжную распевную зачнут, ты остороженько с носочка ступай.

– Как держать платок в руке? Тряпкой чтобы не висел. Поигрывай легонечко, у матери жениха глаз вострый, все высмотрит.

Махонька успокаивала:

– Больно-то не трусь. Не на казнь идешь. Красу нечего прятать.

Назавтра снова собрались. Заплетали косу. Огнейка не спала всю ночь. (Это выход на сельский бал – Наташа деревенская*.)

* Имеется в виду Наташа Ростова из книги «Война и мир» Л. Толстого.

Мечище. Собрались многие. Держались родней: у всех была репетиция накануне. Не только у Огнейки.

Но кто бы мог подумать, что в дело вмешается молодежь, политические ссыльные?

Была вековая традиция. Девушек в хороводе расставляли старухи в зависимости от положения отца. Первыми всегда ставили Губиных, за ними Александру Федорову, Иринью Иванову. А которые победнее – задвигали взад. И на задах часто собиралась самая девичья красота.

Ссыльные, а вместе с ними и молодежь Копаней, решили поломать этот порядок. Самая красивая Огнейка – она и должна быть впереди.

Ребята говорят:

– Что у нас делается? Коровы играют или девки?

– Че плетешь-то?

– Да как? Самые красивые задвинуты взад, а вперед выставлены коровы...

Растерянность всеобщая. И вдруг выдвигают вперед Огнейку.

Пусть все это. Но для тех времен, для Копаней – это революция. Вызов векам, существующему порядку.

– Первой должна быть Губина. Первым должно быть богатство.

– А я сама богатство. Да, я сама богатство. – Да как подняла голову, да как ступила – замолчали люди.

Красота победила. Все глаза, весь мир, солнце – все устремилось на Огнейку. Не подкачай. И она не подкачала.

Озорная девчонка. И вдруг – величавые, плавные движения. Жесты королевы. Откуда? Как пришло?

Дивились бабы. Но еще больше дивилась сама Огнейка. Вспомнила Олену Копаневу. Ощущение какой-то величавости, важности момента. Экзамен на девичество. Минута, от которой зависело будущее.

Обсуждение среди баб:

– Ишь, как вьют круг, ровнехонько, одна за другой попевают.

Другой молодой понравилось, как идут девушки рядками, с поклоном то ли морю, то ли родному дому.

– Хорошо идут, как холсты расстилают.

Да, молодухи вздыхают, иные и слезу пускают: еще в прошлом году хоровод водили.

Пожилые, матери женихов, все оценивали с практической точки зрения. Их не хоровод интересовал, а девушки.

– Тяжело ступает Дарья, но уж в работы хороша, могутна девка, дельна невеста будет.

– Марфуше-то не привалило счастье, с лица нехороша, большеноса, когда какой жених возьмет.

Матери невест присматривались к женихам, женихов обсуждали.

Огнейка – подросток. Все радостно, все интересно вокруг. К Юре Сорокину она просто привязалась. Носит ему постиранное белье. Тот одаривает ее конфетами.

В страду Юра едет с братом Огнейки на Хорсу. Приходит Огнейка. В новом платье. Собирает ягоды.

– Юра, да ведь Огнейка в тебя влюбилась, – говорит брат. И это слышит Огнейка. Сердце – тук-тук...

– Огнейка, а хочешь, я тебя увезу в город? Не боишься?

– Нет.

– Смелая.

Вечер. Огнейка слышит в избе разговор брата с Юрой о любви. Тот рассказывает о студентке. О любви... Высокой... Пламенной.

Огнейка расплакалась. А дома спрашивает мать:

– Мама, а за политических ссыльных можно девушкам выходить замуж? Вернее – можно ли им жениться?

– Можно, наверно. Тоже люди...

Юра на сенокосе. Кто-то жалуется из мужиков. Просит совета. И Огнейка думает: какой он умный. Мужики советуются с ним.

Огнейка по-детски влюблена в Юру. И мучает его, и своей наивностью часто ставит в тупик.

– Ты на ком потом женишься? Возьми меня в жены. Я прясть умею. Я все умею. А ты чего умеешь? Пахать не умеешь, дрова рубить не умеешь. Рыбу ловить не умеешь. Да с тобой помрешь с голоду. Какой же ты муж? Видал, как мужики-то у нас? Что делают? А ты ничего не умеешь. Ну пошто так? А? Откуда ты такой взялся? Неужели все там такие? А как вы жили? Кто вас кормил?

И тут Юра рассказывает о городской жизни, о городе, о матери. Показывает карточку... Агния настояла, чтобы и другую карточку показал.

– Барышня. Мама, он барышню носит. Я видала таких. В монастырь приезжали... А она только в ситцевом ходит? И завсе?

– Как завсе?

– Завсе не знает. Кажинный день.

– А в чем же она должна ходить?

– Пестрядинное у нее есть? Мы завсе-то в пестрядинном ходим.

– В городе не носят.

– Совсем?

– Да.

– Вот хорошо-то. Краса в городе-то жить. А кто она?

– Знакомая девушка.

– Ну-ка, дайте поглядеть. Баская. – Юра воспросительно взглянул.

– Красивая, значит...

– Так это она невеста?

Юра, мучительно покраснев, пожал плечами.

– Мама, мама, – закричала Огнейка, – у него невеста.

И тут она окончательно смутила Юру.

Анисимова, от природы деликатная и чуткая, помогает ему оправиться. Огнейка после некоторого молчания наклоняется к его уху.

– А сыспода-то у нее тоже ситцевое?

Юра, не сразу поняв, о чем спрашивает Огнейка, готов провалиться сквозь землю.

– Чего она? – спрашивает мать.

– Да, в общем, так...

– Я говорю, нижняя-то рубаха у нее тоже из ситца? – Мать только покачала головой.

Когда Огнейка пошла первый раз на вечерянку, она пригласила и Юру.

– Глупая, – говорит мать. – Интересно ему с морошкой.

Но Юра приходит. И Огнейку он не узнает, ведет себя степенно, кланяется. Юре интересно было наблюдать деревенских девочек, во всем подражавших взрослым... И ребята, подражая взрослым, женятся.

– Весело ли у нас? – спрашивает Огнейка.

– Весело, – сказал Юра. И он не врал.

Замужество Огнейки. Жертвует собой ради брата. Ефтя Дурынин, как мог только издевался над Огнейкой. Он показал себя. За все расплатился: за унижения, за высокомерие... И ему, садисту по натуре, доставляло ни с чем не сравнимое наслаждение помыкать ею, унижать, заставлять ее выполнять самые низменные желания, топтать...

Огнейка сперва боится Максима, свекра. А потом убеждается: добрый.

Скоморошье гнездо и древнее благочестие – вот мир, в который попала Огнейка.

Жизнь на Лае. Одиноко. Скучно. Все в работе. Но иногда выйдет к реке, сядет на бережок и смотрит на Копани. Там другая жизнь. Близко, но не ускочишь.

Проплывали паромы. Кричали мальчишки: верховцы – опалены овцы. Кидали каменья. И она когда-то кидала. Куда они плывут?

Есть где-то другой мир. Щепоткины, город, брат. Шумно, светло. За что же ее брат, как в тюрьму, засадил?

Потом извещение – погорел второй брат. Ради кого же все эти жертвы?

Хотела уйти от мужа. Мать не пускает, плачет.

Огнейка, словно после долгой и тяжелой болезни, вышла к реке, села на бревнышко, вмытое в песок.

Ярко светило солнце, в воде у ног на невероятной глубине огромными белыми стаями клубились облака, по поверхности реки проплывала кора...

А за рекой, на самой горе, погруженная в полдневную тень стояла родная деревня, под деревней луга...

Какая-то девушка бежала к реке, легко, беззаботно. Так же и она когда-то бегала. А теперь? Где радость? Где счастье? Что сделалось с ней?

И хоть бы польза была какая-нибудь от этого? А то ведь Ивана в армию отдали...

Хотела уйти от мужа. Мать не пускает, плачет.

Проводы мужа в солдаты. И тогда – разгул: вот вам за все...

АГНИЯ И ЮРА

Первая встреча после революции... Юра, оказавшись в Копанях, первым делом идет к Порохиным. Невесело. А Агния?

– Агния... Стыдно сказать... Пропавший человек. Мать родну не признает.

Федосья рассказывает историю замужества, падения. Юра идет за реку. Пьяный перевозчик:

– Чем промышляем, товарищ? Надо быть, по молодому делу? Тогда путь правильный держите. На Лае безотказно. Баба – ягода. И подходов много не надо. Понимает с первого раза. Только бутылку...

Юра не верит. Потом встреча с Огнейкой. Не веря глазам, протирает очки...

– Ну что, узнал теперь? А я тебя сразу узнала. Еще от лодки. Идешь, голову повесил, как мешок муки на затылке несешь, – да кто же так на севере ходит?

Заходит свекор.

– Ну, опять сегодня не житье. Опять хахаль. – Огнейка закусила губы, но ничего не сказала. Старик ушел.

– Ну, раз хахаль, дак раздевайся... – Юра печально посмотрел на нее.

– Что, презираешь? Вот до чего, тварь, дошла? Али не поверил, что говорят?

Юра молчит.

– Встретились, и слова нет. А хоть зачем пришел-то, знаешь? Да чего я спрашиваю? Зачем мужик к бабе ходит? Ну, давай делай свое дело. А может, мне начать?

Юра встает.

– Я в другой раз зайду, ладно?

– А чего тебе заходить? Мужик ты плевым...

Юра, понуриив голову, идет по дороге в монастырь. У Агнии разрывается душа. Но она не кричит. Сдерживается.

На другой день Юра является с виноватым видом. Подарок – платок...

Агния язвительно:

– Ну вот, за плату... – Юра торжественно:

– Агния Мартыновна, я вчера вел себя самым мерзким образом. И очень прошу извинить. Я не имею права ни в чем упрекать тебя...

– Ах ты, вежливенький, хорошенький, одумался... Ну дак я не одумалась. Ты чего это сказал: не имеешь права упрекать меня? А за что же тебе упрекать меня? За то, что я себя навеки погубила да в грязь втоптала? А кто в том виноват? Не ты ли меня в эту грязь втоптал?

– Я?

– Ах бедненький. Ты мне сколько сказок всяких рассказывал... А вы удрали, на кого нас бросили? На скотов? Ты думаешь, меня спрашивали, за кого выходить? Выходи, и все... А как я жила? Какие муки, издевательства вытерпела. Да я дала бы себя голой по всей деревне проташить, в нужнике выкупаться, только отомстить ему, паразиту, отомстить всем вам... Можешь ты это понять?.. Да я, чем дряннее мужичонко, тем радовалась больше...

Агния встала, указывая на дверь:

– А теперь иди и больше не показывайся мне на глаза. Нету прежней Огнейки. Я сука, блядь. Я себе противна. Меня не под одним щелоком, не под одной дресвой не отмыть, а не то что этим мыльцем алым, которое ты принес...

– Агния... Но почему мы не можем быть друзьями?

– Иди, иди, друг нашелся. Ищи друга не в грязи... Я на тебя молилась...

Назавтра Юра уехал на фронт, потом заболел тифом. Встреча с Огнейкой. Она выхаживает его, больного. Худое тело. Моет в горячей воде. Юре стыдно.

– Не стыдись. Какой уж ты, Юра, мужчина. Ты ученый.

Юра умолк.

– Ты дурачок, Юра, всегда с книжками. Как свою барышню встретил?

– Какую?

Потом вспомнил: он хвастался. Сочинил себе биографию. Так было интереснее жить. Должна у революционера быть подруга.

Он сказал:

– Не было.

– Я так и думала.

Перед отъездом на фронт Агния приносит тетрадку. Юра узнает в ней свой дневник. Он потрясен.

– И ты хранила?

– А чего ее хранить. Лежала. Немного места надо. – На самом деле она не расставалась с ней.

Юра один читает дневник.

– Белая ночь. Заколдованное царство. Отсюда, наверно, сказка о заколдованном царстве. Надо расколдовать это царство.

Юра уезжает на фронт. Агния провожает его.

– Дай мне руку.

– Зачем?

– Можно, я ее поцелую?

– Она, Юра, грязная...

– Агния, почему ты мне всё гадости говоришь?

– А потому, что не люблю. Ты как с благородной. Привык ручки целовать. Вот ты бы меня обхватил.

И он пошел... Огнейка долго глядела ему вслед.

Потом Агния приехала на фронт. Солдаты – копаневские – пристают. Агнейко, Огнейко. Многие ее знали. И вдруг она видит Юру.

– Ну, слышал?

– Слышал.

– А ты мне руку хотел целовать.

– Ты все равно лучше всех. Ты самая чистая.

– Что?

– Я говорю, ты самая чистая. Ты лучше всех.

Впереди загрохало. Бой. Юра – тут хватило смелости – обнял ее, поцеловал в губы. И побежал вперед, в пекло. Огнейка стояла. Близко снаряд разорвался. Она все стояла и смотрела туда, где скрылся Юра.

– Ложись! К чертовой матери. Как попала сюда эта баба? – закричал командир.

Огнейка лежит и наблюдает бой. И все думы о Юре... Огнейка встает на колени и обращается к Богу:

– Господи, сохрани Юру. Царица небесная. Господи, Господи, если тебе надо, возьми мою душу взамен его. Я грешница, я развратная баба. Но, Боже, пощади Юру. Он самый хороший на земле. Что же за жизнь будет, если его

не останется. И зачем вообще вся революция, если его нет. Если пуля и снаряд сегодня должны убить человека... Убей меня. Но пощади, пощади Юру. Я люблю его – больше жизни люблю...

Идут раненые. Несут убитых. Не Юра ли? Потом она видит Юру. Идет, шатается. И протирает очки.

– Юра, – окликнула его Огнейка. – Она не услышала своего голоса. И не удивилась, что не услышал он.

Юра прошел мимо. Не ранен. Вошел в избу. Слава Богу.

Во время отступления Огнейка оказалась в стане мятежников (в монастыре). Юра, узнав об этом, бесстрашно идет в монастырь. И такая сила была в нем, что мятежники не стали стрелять. А он пришел, взял Огнейку и повел. На обратном пути в него стреляют. Он падает.

– Юра, Юра. Ты не убит?

– Нет, я не умру, пока ты со мной. Она оттащила его в кусты.

– Юрочка, Юрочка, родной мой. Юра, Юра...

Он целует ее. Слезы на ее прекрасных глазах. Как звезды.

– Юрочка, Юрочка... Ты целуешь меня. И я тебе не противна? Я грязная, грязная.

– Ты чище всех.

– Нет, Юра, я две недели не мылась в бане...

– Я тебя всю жизнь любил. Вот ей-богу. И ты меня тоже любишь...

Огнейке представляется, что она обманом завладела Юрой, что он просто по доброте взял ее. Юра возражает ей. А она не верит.

– Нет, вот когда я была чистая, тогда бы с тобой встретиться.

– Да ты и сейчас чистая.

– Какая я чистая?

– Но ведь эта грязь не пристала к тебе. Ты ведь всему радуешься, все любишь. Ты же чувствуешь себя чистой. Как ребенком.

– Чувствую.

– Ну так в чем же тогда дело? – Юра целует ее.

– Это правда? Тебе приятно меня целовать?

– Ну а как же?

Агния не видела мать с тех пор, как выгнала ее из дому, когда та прибежала с руганью по поводу ее загула. Но перед отъездом – может быть, навсегда – пошла с Юрой.

– Прощай, мама. Я уезжаю с Юрой. Он теперь мой муж...

И вот Агния уезжает. Мать на угоре. За рекой – Лая – все там осталось. И ей ничего не надо.

– Прощайте. Прощайте.

Куда они идут? В какое неизвестное? Увидит ли она еще раз Копани?

30-е годы. У Агнии сын и дочь. Преданные комсомольцы. Отец – бог, живой дух революции. Зависть к нему. И вдруг – он враг, враг революции.

Иван, брат Агнии, бежал за границу. Юра, будучи за границей, встречается с ним... А по приезде рассказывает о своей встрече знакомым. И потом это вменяют ему в вину – связь с врагом.

Агния в отчаянии. Это она виновата. Юра утешает ее. Нет, нет. Он счастлив...

«Сын за отца не отвечает». Но дети Юры отвечали. Дочь отказывается от отца. И это предлагают сыну. Но сын отказывается, порывает с сестрой. А потом, незадолго до войны, едет в Копани. Побывал в молодости отца и матери.

МАХОНЬКА

Наряду с семьей Порохиных центральное место в книге, и притом самое важное в нравственно-философском смысле, занимает Махонька. Более того, Махонька не только самая яркая фигура в книге, но, может быть, и небывалая как в русской, так и в мировой литературе.

Недаром особенно много сохранилось заметок в архиве писателя о Махоньке, и не только о ее судьбе и характере, но и содержащих авторское осмысление героини, ее гениальной природы, ее всечеловеческой сути.

Прототип ее – гениальная сказительница Пинежья Марья Дмитриевна Кривополенова. Федор Абрамов специаль-

В. Н. Бутюков. Махонька

но изучал ее биографию, ездил по местам, где жила и бывала сказительница, беседовал со старожилками о ней (См. подробнее в моей книге «Дом в Верколе». Л.: Советский писатель, 1988).

Но фигура Махоньки в книге богаче и сложнее реального прототипа. В ней нашли воплощение размышления писателя о безграничных возможностях человека, о духовном богатстве, силе духа и нравственной чистоте одаренной личности.

Недаром в заметках о смысле и пафосе «Чистой книги» Абрамов часто упоминает Махоньку как «меру всех людей».

30.III.79

Великий день. Открылась философия «Чистой книги». Жизнь в своих истоках всегда чистая, и нравственная высота человека определяется тем, насколько он близок к этим истокам, в какой мере он несет в себе эту чистоту, насколько он художник, творец... Мера отсчета – Махонька.

6.XI.79

Кругом была нечисть, колдуны, знахари – все страдало, пугало, отравляло жизнь.

А Махонька, маленькая Махонька бесстрашно выходила на бой с мракобесьем. Где-то в душе, в глубине души сама трепещет от страха, но старается не подать вида.

Вся жизнь Махоньки – бой с темными силами во имя человека.

Махонька предстает в книге как самый богатый и счастливый человек. Она не завидует богатству, не тяготится нищенством. Она вмещает весь мир в себе.

20.III.79

Она и впрямь была самый счастливый человек на свете... Свободна. Ничем и никем не связана. Каждый день – новь. Каждый день новые люди. И летает-то она.

Птице человек всю жизнь завидует – сегодня на севере, завтра в теплых заморских краях, где Сирин-птица сладкозвучно поет. А она ведь не от моря к морю летает. Она из одного века в другой летает. Сейчас вот сидит тут, в низкой крестьянской избе, а может и ко князю Владимиру в гости

заявиться. Да не просто на подворье, а на почетный пир, где сам Илья Муромец с добрыми людьми пирует. И Махонька врасплох для всех запела старину про Владимира Красно Солнышко. Про то, как со своей дружиной пирует.

В другой раз Махонька говаривала:

– Чегой-то скушно у вас мне. Не сходить ли к царю Ивану на свадьбу, да Темрюковну-злыдню со своими братцами посмотреть.

Самые развернутые и важные записи от 7 и 8 марта 1980 года.

Разные люди, разные судьбы, разные поиски смысла жизни. Крестьяне, странники, скоморохи, староверы, интеллигенты разных мастей. И среди них – Махонька.

Ей все интересно, ей все любопытно. Она ко всем льнет и всех одаряет своим великим жизнелюбием, своим искусством. Все ищут, все выходят из себя. А ей чего разоряться? Она счастлива. Ее устраивает вполне своя судьба, своя жизнь.

Она знает – не умом – всем существом своим: как ни переделывай жизнь, ничего не сделаешь. Все зависит от того, какой ты сам. Взыскан судьбой, золотом осыпан – а несчастен, жалок и беден. И наоборот: гол как сокол (вроде нее), а счастлив. Счастье в тебе самом.

Конечно, она не против того, чтобы была справедливость в жизни (много несправедливости), но еще важнее себя на правильную дорогу поставить. А правильная дорога – жизнь по душе – и с коробкой на руке хорошо... А самое удивительное: Махонька – верховный судья! Все томился: нет интеллигентной вышки в «Братях», вот будет в «Чистой книге», когда введу интеллигенцию. Ан нет. Махонька всему судья. Она выше оказалась и интеллигентов, и людей из народа. Выше и мудрее.

Поразительно: у Махоньки, неграмотной Махоньки, свой широкий и самый правильный взгляд на мир, на жизнь, на человека. А впрочем, чему удивляться? Ведь она (в отличие от других) наиболее полно несет в себе исторический опыт всей нации.

Махонька как Платон Каратаев, но только во плоти.

В Махоньке три начала смыкаются: языческое, христи-

анское и революционное. Кто из других героев способен вместить в себе это?

Везде и всюду, с людьми и животными, с травами и птицами, с лесом и вещами, домашней утварью, в монастыре и в церкви, в домах богатых и бедняков, среди детей и взрослых, среди ссыльных и власть имущих – везде Махонька ведет себя естественно, независимо и свободно, сообразно своему миропониманию и мироотношению. Но для нее все и всё интересно, и всех она оценивает одной мерой – совести, чистоты, доброты, красоты.

И хотя живет она подаянием, она не считает себя обездоленной. Она равнодушна к богатству, ибо уверена: богатство человека не в сундуках. В самом себе. Когда ты нищий духом – ты бедный, хоть золотом тебя осыпь. А божья краса – разве не богатство. Леса, луга, поля. Да это золото не каждому дается. Для этого надо быть богатым изнутри. Сколько в человеке богатства, настолько он и богат.

На замечания ссыльных, что они хотят помочь бедным, «чтобы такие, как ты, не были нищими», Махонька отвечала:

– Ну, я-то не нищая. Самая богатая... Все леса, все небеса, все земли мои. И в прошлом, и в настоящем, и в будущем... Хорошо бы пожить хорошей жизнью. Кто против. Но только эта хорошая жизнь не через кровь. На крови ничего хорошего никогда не рожалось.

...Махонька была самый счастливый человек. Да и самый богатый человек... А что – разве все леса, все луга пинежские не вотчина ее? Разве она нищенкой по ним идет? Нет-ко. Каждая береза, каждый кустик, каждая травинка ей в пояс кланяются. Да свои песни поют. И птицы – ох как хорошо привечают...

Никакой зависти и жадности к богатству. Мера всех людей. Неграмотная, но духом выше всех грамотных...

И еще одно богатство Махоньки – ее память, способность жить одновременно в разных мирах.

Самый страшный враг человека – время. Оно не дается ему. Он не может преодолеть его.

Махонька из породы тех редких людей, которые научились преодолевать время. Она может путешествовать из одной эпохи в другую.

– А, скучно у вас. Не сходить ли на пир ко князю Владимиру.

И запела былину... И она была уже в Киевской Руси. И постепенно и слушателей увела туда.

По дорогам истории она так же легко и свободно расхаживала, как по своим, пинежским.

Как и где умещалась в этой старушонке-ребенке вся память нации, народа?..

Махонька. Путь человечества. Она может перебраться на другие миры. Она несет в себе весь земной мир. В ней, в этой маленькой старушонке, уплотнена вся Россия. Ее история. Она сродни той уплотненной частице материи (кварзы?), до которой сжимается земля, вселенная...

Махонька обладала способностью переноситься в воображении из XX столетия в X, во дворец, из зимы – в лето.

– Что-то надоела зима, напою я себе лето, в лете захотелось побывать...

Махонька садилась с ними за стол.

– Сыта я.

– Где наелась?

– У Владимира-князя на пиру была. Всего наелась. И красной рыбки поела. И меду пила, сколько хотела. И пироги такие мягкие да удачливые. Апракся хорошо печет.

– Ну, Махоня, опять тебя занесло.

А занесло ли? Странно, но Махонька и в самом деле не хотела есть...

Махонька легко, весело несла свою нищету...

Махонька, к моему удивлению, не тяготится нищетой, бродяжничеством. Ну-ка, привяжи ее к дому – да она все проклянет и жизни не рада будет. Странник в крови русского, а что уж говорить о таком поэте, как Махонька.

Из дома в дом, из деревни в деревню, каждый день с новыми людьми – это стало ее потребностью. И потребностью стало рассказывать людям сказки, петь былины, песни. Посмеются, повеселятся люди от ее слова, от ее забав – а она и рада.

Набожные старухи (староверки-фанатички) проклинают: беса веселишь, бесу служишь. А почему бесу? Людям радость, облегчение даешь словом своим – разве это не божье дело?

Всё оттого: Богово создание человек или сатанинское? Бог любит человека. На радость человеку жизнь дал. И жизнь должна быть веселой, красивой. Нельзя задавливать дар Божий. А жизнь – дар Божий. И любовь – дар Божий. Зачем Господь Бог создал Еву для Адама? А затем, чтобы веселее было. Затем, чтобы радости да счастья больше было.

– Сосуд сатаны жена. Зачем святые-то отцы в пустыни уходили? А в монастырях-то? Пошто спасение-то через отречение от грехов плотских?

Марьюшка строжила людей – взыскивала за все, ибо люди для нее – мерзкие, все в грехах, как в коростах. А Махонька любила людей и прощала им все слабости.

– Человек и так бьется всю жизнь, а тут я еще буду гнеть его – нет. Нет, я ему батожок в руки дам, легче идти.

– С этим батожком да со своими небывальщинами ты в ад заведешь.

– Пошто в ад-то? Пусть на земле поживет-покрасуется.

– Гости мы здесь, вечное житие – там...

– А зачем тогда Бог землю сотворил?

– Для испытания.

– Нет, нет. Божьему творению человек радоваться должен.

Да, все вечера в Копани, все встречи Махоньки с Марьюшкой кончаются диспутом, распрей. И ради этих-то диспутов да словесных потасовок Махонька и шла в Копани, в Лаю, в Верховье Ельчи, где окопались староверы. Позлить хулителей веселья, радости. Постоять за Христа. Далеконько. Тяжело. А шла, попадала. Люди в Копанях, и прежде всего Анисимова, рады были Махоньке. Веселье, радость в скудную жизнь приносила. Распрямялись. А Федосья особо рада была. Поддержка духовная.

Из всех людей Федосья выделяла как святых батюшку Аникия и Махоньку. Бог – это любовь. И они – одна любовь к человеку, ко всему сущему.

Махонька и Марьюшка – обе ветошки старые, внешне похожи. Обе маленькие, высохли. Одна от злости высохла, другая от доброты.

Махонька – глаза ходячие. Радость, озорство на ногах. Колобком покатилась. Огнейка:

– Ты пошто такая худая да маленькая?

– А пото, что ходить много надо. По людям. Толстая-то как бы я от деревни к деревне шлепала. В снегу бы застряла. А я как заюшко-горностаюшко. Меня каждый снежок держит. Я везде пройду.

Да, Махонька ходила по земле, излучала добро, не ела людям радость. Даже нищенствуя, Махонька не кусочки собирала, радость. Чтобы потом снова ее разнести людям. Ворохом вывалить.

И к ней особенно тянутся дети. Огнейка ощущала: от Махоньки особый аромат. Аромат веков, чистой и мудрой старости. Огнейка не отпускает Махоньку, Федосья успокаивает дочь:

– Не плачь. Тебе нужна Махонька, да и людям нужна.

Перед уходом из Копаней ее спрашивают:

– Не тоскливо одной-то?

– Пошто одной-то? Я одна-то не хаживала. Все ордой. Пойдет коровушка-белодонышко, сивко-бурко... Олешонко... Царевна-лягушка... Да Илья Муромец будет провожать со своей дружиной. А скучно будет, дак и ко князю Владимиру на двор заеду.

– К какому князю?

– Забыла, как пропевала старину-то?

– Дак ведь то в старине он...

– А я могу и в старину съездить. Для меня никакие дороги не заказаны. Ни в леса, ни в города, ни назад, ни вперед... А в лесу-то. Приглашение от медведя с детками повидаться...

– Да ведь он в берлоге.

– Мой не в берлоге. В храме лесном.

– Ну, Махонечка, опять ты заговариваться стала.

– Не скучаю, не скучаю я, девушка. Че скучать-то. Ворону увидела – с вороной поговорила. Я ведь все языки знаю...

Все для нее было живым. Лес, поля, щелья... Зайки, живые и сказочные, лисы, волки... Вороны, сороки... Со всеми разговаривала, ибо была убеждена, что все они по-своему умные, всё понимают.

– Махонька, ты глупая, что ли? Ведь зайцы-то да лисы не говорят, а ты все с ними разговариваешь?

– Как не говорят. В сказках-то все говорят. Они говорят. И люди с ними разговаривают. Да они-то с людьми не хотят разговаривать.

– Пошто?

– А пото что злые люди-то. Обидчиков много среди людей. А я чего? Я ни одного зайюшка не обидела, ни одного горностаюшка. Да и надоест всю дорогу молчать. Вот я и поговорю.

– И отвечают?

– А всяко. Иной зайко остановится. Ворона прокаркает, проверещит сорока. Святые-то отцы как в пустыне жили? Разговаривали с медведем. Люди чужие языки учат, и человеку надо знать языки птичьи да звериные.

В лесу зайкам да лискам хлебца оставляет. Воронам.

Муравьям.

– Ты как из сказки добрая падчерица. Всем помогаешь. А тебе-то помогают?

– Помогают. Всегда веселят душу.

Идет по дороге, любуется земной красотой. Разговаривает с деревьями, травой, рекой. Поднялся ветерок.

– Ну что, шалун, отдохнул за ночь, выспался в вершинах сосен?

Настоящее, быль у нее часто переплетается со сказкой.

Захотела рыбы – пошла с удилицем на реку. Разжилась удачей. Заловила ерша. Но вспомнила, как о нем рассказывается в сказке («Ерш Ершович»), – отпустила. Так ни с чем и вернулась домой.

Она может не только умом, сердцем ощутить вымышленное бывшим, но и плотскими чувствами.

Махонька о еде:

– Не капризь. Ешь знай, скусно.

– Паренки-то скусно?

– А ты не думай, что паренки ешь. Ты думай – изюм да семгу ешь.

– Да разве оттого, что подумает, паренка перестанет быть паренкой?

Махонька добиралась до дому целых две недели. А куда ей спешить? Киска – единственное животное, которое у нее было, жила у соседей, мыши тоже не замечали.

Нет, скучали дети... Каждый день посматривали на ее избушку. Не протоптана ли тропка...

Хорошо в людях, а у себя лучше. Махонька со всеми поздоровалась, всем приветливое слово сказала: печи (по ней-то больше всех соскучилась), окошкам (немного в них белого света высмотришь – но свои), мышке, которая подала свой голосок за печью (скреб-скреб, я не замерзла, я не замерзла), Марухе (кошке), которая откуда-то пришла.

А бесенят-домовых побранила.

– Расшалились, дурачки. По полу нельзя пройти – ото-всюду из подполья сучки-глазки вылупили, да такие охальные – под подол старухе заглядывают. Нашли с кем играть. Не молодница. Чего хорошего выглядишь.

Потом у порога натолкнулась глазами на большой старый сук и сделала выговор:

– Они-то бестолочь, а ты-то ведь старик. До ушей рожу раскатал. Чего их распустил? Угомони.

Воробейкам: живы, живы. А пошто не живы-то? Она затопила печь, чугунок воды поставила, подмыла пол... а затем и гости налетели...

– Бабушка, где была? Пошто, Махонечка, долго? Мы все глаза проглядели. Каждый день бегали – нет ли тропки к дому. А тебя все нет и нет.

Махонька начала рассказывать... Видела... Сосны летают... Медведко подвез. Поводилась немного с детками...

– Ты в берлоге жила?

– Нет, у моего... хоромы. Потом у лисы на родинах была... Баню топила да потом лисяткам сказки сказывала...

– Где еще была-то?

– Налим свадьбу справляет. Иду к берегу. На тройке прискакал. Давай к нам в воду.

– Нет, говорю, холодно.

Добрая, незлобивая, незлопамятная, но нравная. Может рассердиться. И не только на людей, а и на вещи.

На крынку осерчает, печь выбранит (плохо греет), табуретку выпорет (развалилась, не хочет служить)... А старый лапоть – больно капризен – и выбросит на улицу.

В хорошую минуту, наоборот, поощряет вещи.

А раз встретили Махоньку на дороге, недалеко от деревни, – дерево хлещет.

– За что, Махонька?

– А пусть не чепляется. Вон как я упала, ногу-то расщипала.

– Да что ты, глупая. Оно неживое...

Глупа ли, не глупа, а такие были взаимоотношения у Махоньки с миром...

Дома никогда не бывает скучно. Никогда не бывает одна. Другого человека надо? А разве с печью, со столом, ухватом нельзя разговаривать?

Для Махоньки не было мертвых вещей. Все живые. Только одни говорят, другие молчат.

А нет, пожалуй, и последние разговаривают. Только не вслух, а видом. Улыбкой, догадкой... Дома разговаривает с кошкой, с мышами. Соседка заходит как-то. Слышит: Марья Екимовна шумит.

– С кем ты это разоряешься?

– С мышью... Бесстыдница, уже в крынку с молоком залезла. Могла бы у кошки...

– Да ведь она не понимает.

– Как не понимает. Все понимает.

За скитания по чужим людям по дому соскучится, придет, всем в ноги кланяется: печи, ушату, столу... А кошку как увидела – расплакалась. В покаянном настроении – откуда только сила взялась – все перемыла, перечистила.

Рукомойник заблестел, печь тоже, стол... Любота.

Махонька, прежде чем сесть за стол, спрашивает разрешения, у печи тоже, из ушата без разрешения не пьет.

Но скоро приелась Махоньке изба. Скучно стало. И на вещи запокрикивала. А потом и ссориться начала. А потом и вовсе покинула.

Идет по чисту полю. Как вольно, как легко. Не медведица, чтобы свет белый на бережину менять, не мышь, чтобы в норке, в подпечке жить. Не таракан – в щель не залезет. И так всегда. Всегда после затворничества тамошнего мир кажется больше, шире, деревья краше. Все расцветчивается чудно... По контрасту.

И так всегда бывает у Махоньки. Кается-кается перед вещами, хочет-хочет угнездиться в доме, а подойдет время –

ничему не рада. Всплкнет... А вскоре очарованье возьмет верх. И такая радость...

Махонькины огорчения. Ведь есть же у нее горести, заботы, печали. Какие? Из-за чего плачет? По пустякам. Не-хорошее слово сказали. Взглянули косо. Не так приняли. Детские обиды.

По-своему относилась Махонька к религии, монастырям, иконам, священникам.

Махонька набожностью не отличалась, что верно, то верно. Но по церквям, по монастырям любила ходить. Люди. Красота. Все церкви, все монастыри на Ельче знала, не один раз бывала...

В Копани Махонька пришла исповедоваться. Много грехов о Масленую накопила – тяжело стало. Скинуть надо.

– А чего за двести-то верст идешь? Разве попов у вас нету?

– Есть. Где теперь нет попа. Да попы-то разные. Я к Оникеюшку хочу. У Оникеюшка побываешь, скажи, как в лето съездила. Хорошо, вольготно станет.

К Аникию сходила. Очистилась. Аникия любила и верила...

В монастыре новый настоятель. Отец Варсонофий. Интеллигентный, бледнолицый, с белыми руками, с аккуратно подстриженной черной бородкой. И от него пахло духами... Чем-то греховным, нецерковным. Махонька:

– Вынарядился и надушился духами...

Не всех святых любит. Миколу поклонилась, а Михаилу Архангелу – нет. С мечом стоит. Страшает. Больно строг. И так людям несладко. Кинула крест на грудь. Кинула руку на одно плечо, на другое. Помахала ручкой, размахисто, от души перед Богородицей. Кое-как перед Михаилом Архангелом. А кого-то и вовсе обошла.

Самый отзывчивый святой – Микола Чудотворец. Остальным надо Богу сказать, что думают делать, а этот сам хозяин. Ну а Божья Матерь. Та много натерпелась, настрадалась, понимает наше горе. Егорий Победоносец. Тоже хороший святой. Бедного в обиду не дает.

Махонька дома идет иконы мыть. На незамерзающий ручей.

– Махонька, – кричат ей ребяташки, – иконы-то когда чистят? О Пасху. А сейчас у людей-то Великий пост.

– Ничего. Хоть светлее в избе будет. Я в прошлом году не мыла...

Гордостью Махонька не отличалась, но цену себе знала, талант свой высоко ставила. Когда ей предложили подвезти ее на подводах за плату – вся взбрыкнула. За кого принимают?

– Я золотом плачу. Только мое-то золото не в кошеле лежит, а в голове да в сердце. Единственное золото.

Но в то же время она отдает должное другим талантливым людям.

...Махонька – куда уж, кажется, выше. А нет, и она склоняется перед Оленой, ее талантом. Раз послушала летом и с той поры не могла забыть. Когда ее хвалят – нету, дескать, такого человека, – она отвечает:

– Есть.

– Чего есть? Тебя выше?

– У вас в деревне.

– Кто такой?

– Олена Ивановна. Никто так по всей Пинеге не поет. Нарочно пришла слушать.

За Махонькой увязалась Огнейка. Входят в дом Копаневых.

– Я не за кусочками, девка, к вам. Не возьму сегодня. В другой раз. Я ведь, знаешь, за чем пришла-то? За песнями. Песни слушать пришла. Песни ты мастерица петь.

– Моя дочь не дошла еще до того, чтобы для нищенки песни петь. – Это Федотовна отрезала.

– Ну а ты что скажешь?

– А я против родительницы не привыкла поперек идти. Что матушка скажет, то и я скажу:

– Ну, ну. Вон какая ты... Да, видно, и вправду люди говорят о тебе. А я ведь за тебя заступаюсь. Все: гордена да гордена, а я говорю, нет, так девка поет. Не знаете вы, добрая. – Махонька вдруг села. – Ну, ладно, не ломайся. А то ославлю по всей Ельче. Со мной шутки плохи. – Федотовна запыхтела. – Не пыхти, не пыхти... Я у самих Щепоткиных запросто бываю. И ты потерпишь. Да ты не гордись. Не задирай больно голову. Я сама не последняя певунья. Тебя

просят, а ты ломаешься. Радоваться должна: Бог дал такой голос, а ты нос задираешь.

Олена запела...

Федор Абрамов хотел восстановить родословную Махоньки, объяснить, откуда пророс ее необыкновенный дар слова и перевоплощения.

Родители умерли рано: отец утонул в море (это был последний поход за зверем с берегов Лачи), мать засохла с тоски, а внучку вскормил дед. Как вскормил – чего спрашивать? Скоморох. Воды и той не всегда бывало досыта, а о молоке и говорить нечего. Вот и росла Махонька – ни росту, ни тела. Но бойкости хватило бы на троих. И еще смалу Махонька была бойка на язык. От старика переняла все старины.

Дед особой породы человек – честнейший, вскормленный и воспитанный морем. Жил по чести, по правилам поморов, а у поморов, имевших дело с морем, самые высокие правила. Солнечный дед. Все раздавал. Кто нуждается, тот и брал. Все открыто. Никогда не запиралось. Все нищие у деда.

Дед жил натянуто с земляками. В глазах их – он бездельник, балабол (сказками кормился), а в глазах деда опять земляки не бог весть что: скареды, кроты земляные. Без понятиев, без солнца в глазах.

На морской волне воспитан. Дед жил по морскому уставу, земляки, бывшие моряки, – по сухопутному.

Высокие навыки, простодушие, доверчивость у Махоньки от деда, от поморов. Это выделяло ее среди земляков.

Откуда мудрость у Махоньки, такой взгляд на жизнь, на мир? От деда... Веселый. Много знал... И на все у него был свой взгляд. Например, о богатстве:

– Чудаки. Думают, самый богатый тот, который всего напихал в сундуки. Да нет – они всю жизнь скупаются. И ничего не видят. Вот лес его, травы, луга, коровы... А разве они видят это? Самый-то богатый человек я... Я все в душе своей ношу.

Махонька о деде:

– Я что, я оскребышек, я веточка. А вот дедушко – так дерево. Тот былиной-то бури на море укрощал, лето зимой в избу приводил. Да, все студено, студено, да вдруг все

зацветет в избе. И птички запоют, и зной. Медведя отгонял. Бывало, в лес-то пойдет, станет в избушке ночевать: на версту не подходите, звери. И те не подойдут. Дедушко знатливый был. А я – нет. Меня мыши не слушаются, а не то что звери...

Махонькино замужество было плохое. Муж – пьяница, бил. Да и по заслугам бил: Махонька все в гостях. Все на плясах. Все сказки рассказывает (у них ребята избу на вечерянки откупали).

Но Махонька не любила стонать. Когда спрашивали о жизни о прошлой, все переводила в шутку:

– Я вед гуллива была смолоду. Страсть! Со всеми ребятами, бывало, пересплю. И из своей деревни, и из других. Да когда и городских прихватывала.

– Ты?

– Я.

– Да не слышали...

– Я тайно делала.

– Как?

– А я лягу на кровать со своим, а головой-то я... сегодня с одним, завтра с другим...

Смех.

– А как бы я выжила?

С дочерью Махонька тоже была не в ладах.

Махонька приходит домой из очередного странствия, и – не успела передохнуть – дочь.

Дочь вышла в неплохое житье и стыдится матери – попросайка. Пробирает. Зовет к себе: приходи.

– Приду, приду, – всплакнула Махонька.

На другой день идет. Черники внучкам несет. Но живет недолго. Упорядоченная, оседлая жизнь не по Махоньке. И, вероятно, вскоре впадает в скоморошье бесовство (кого-то забавляет). И зять и дочь с позором изгоняют из дому.

Во время болезни бывальщины не пела. И слово чародейное не говорила. Почему?

– Силы нету. То особое слово. На духу надо говорить.

Да и вообще в дни болезни она резко менялась. Старушонка старая. Вехоть. Ветошка.

А когда на взводе была – силу метала. Даром что кроха. И ничего не боялась. Чего бояться, когда с ней слово!

А в дни болезни дар чародейного слова теряла и теряла силу. Люди, у которых она останавливалась, не понимая существа дела, говорили:

– Ты хоть бы, Махонька, скорее поправлялась. Сил нет смотреть на тебя.

Всего, всего было напихано в Махоньке. От всех взято: от ребенка, от взрослого, от праведницы, от скомороха, от бродяги (странницы), от бабушки в избушке на курьих ножках и от вещей старушки было.

И по виду: реальная, живая, во плоти, а в то же время и сказочная. Такого замеса еще не было в человеческом мире.

Над Махонькой посмеивались, но и побаивались. Отбреет, отчитает – что с ней сделаешь? Не от мира сего. Да и не дорожит она тем, чем дорожат другие. Небывалый человек. Реальный и нереальный. Чудо в образе человеческом. Чудо, в котором теряются границы между плотью и духом. Где плоть переходит в дух. Где жизнь переливается в сказку, сказка – в жизнь. Впервые!

Немалое место в романе должны были занять отношения Махоньки и политических ссыльных.

Когда привезли ссыльных в Ельчу, Махонька первая явилась узнать, что это за народ. Так и сказала:

– Пришла узнать, что вы за народ. Что вы за люди? Божьи аль государевы?

– Ни те, ни другие.

– Дак что же – сатане служите?

– Антихристу.

Смех. Разговоры. Ссыльные показывают книги.

– Че в них?

– А это все человеческие мозги. Понимаешь, человек умирает и голова умирает. Вот и придумали: в книжке голову оставлять.

– Ну-ко, почитайте...

Сближается с ссыльными. Из любознательности природной. Что за люди? Как против царя?.. Всех видела. А врагов царя не видала. Самих царей видала, князя Владимира

Солнышко нетрудно представить. Захотела – и пошла на почетный пир к князю Владимиру. Или на пир к царю Ивану. И слуг, и бояр – всех там много. И рабочих рукодельных. А вот людей, которые против царя, – нет, в былинах, сказках таких нет. Поганое чудище? Но это не живой человек. А тут живые, видеть можно. Посмотреть, пощупать. Махонька так и делает. Цепким взглядом присматривается, думает, щупает рукой... И пытается, конечно.

Пытает по истории, по фольклору. Ссылные не знают.

– Дак чего вы знаете? Как народу-то хотите помочь? Народ-то песни, старины любит...

– Сын родителей не любит – что за сын? На Руси таких всегда осуждали!

Допрашивает: против кого?

– А против князя Владимира Солнышка тоже против?

– Против всех князей.

– А народ-то этого князя любит. В старинах славит. Как же?

Махоньке кто-то сказал: есть ссылный, который знает много языков. Любознательная Махонька идет посмотреть на это чудо. Ссылный говорит: да, знаю языки. Такие-то, такие-то...

– А я тоже знаю.

– Да ну? Какой?

– А сперва ты поговори на чужом языке. Ссылный произносит фразы по-французски, по-английски.

– Баско лопочешь. А теперь ты угадай, на каком я буду сказывать. – Тявкает.

– Не знаю такого.

– Я на заячьем языке говорила.

С Юрой сразу нашла общий язык, даже полюбила – за что мучается парень? Кого убил? Бедная мать. Где она?

Притерлась Махонька и к другим ссылным. Многие смотрели на нее как на чудо. Только Буров и его сподвижники невзлюбили.

– Вредная старушонка. Классовый мир проповедует. Отравляет мозги трудящимся не хуже попов.

– Ну что вы...

– Послушай, что она поет про старину... Киевская Русь, в ее представлении, идеальное царство... Единение всех...

Все за одним столом... Все обнимаются. Князь, первый угнетатель...

– Да это не она проповедует классовый мир, это народ так говорит о прошлом...

– Народ?

– Народ. Былины-то когда сложены? Сотни лет до этой старухи.

– Допустим – народ. А с чего вы решили, что все, что ни изрекает народ, надо обожествлять, приветствовать... Зачем же мы тогда вносим передовое, марксистское сознание в народ, если так все благополучно... Короче, старуха нам не попутчица – вот что надо раз навсегда запомнить. Мы должны вымести весь мусор, скопившийся в народном доме за столетия, и наполнить его новым содержанием...

– Былины, история народа – мусор?..

В один из приходов в Копани Махонька сама идет к главному ссыльному. Разговор. Не понравился Махоньке Буров.

– Холодно с тобой. Кашеевым духом несет. Мертвым царством пахнет. Скорее на Русь. Я для него как русский дух. Не принимает у него душа меня... Все мертвит вокруг себя. Хуже Марьюшки.

Очень высоко оценивал Махоньку Юра Сорокин. Она для него – образец человека. Она – человек в самом высшем смысле. В этой полуграмотной старухе наиболее полно реализовалась идея человека.

Она дает Юре Сорокину богатейший материал для размышлений о человеке, об истории, о путях развития человечества в опровержение классовых теорий. Но ему замечают:

– Ты не учитываешь маленького пустяка, того, что Махонька – гениальный человек и она сама строит свою жизнь, а не люди. Люди живут по другим законам, и они нуждаются в устройении своей жизни.

Особенно радовался Федор Абрамов, когда неожиданно для себя увидел внутренним взором поведение Махоньки в годы гражданской войны, ее особое состояние, желание помочь людям, остановить бойню, ее подвижническую гибель.

7 февраля 1982 года он записал в дневнике: «Махонька, дорогая моя Махонька! Как открылась, какой небывальщиной обернулась! Гражданская война, мрак над Россией, кровавая резня, и вот она ищет помощи у соседней (хочет подвигнуть их), а соседи парализованы страхом. И тогда Махонька за подмогой идет в прошлое, в прожитые века. Но там везде – и у князя Владимира, и у Ивана Грозного – везде русская беспечность, пьянство. И тоже междоусобицы. И народ беспечен.

На путях-дорогах встречает лишь попику (молитвенника народного, похожего на Аникия), который молит Господа Бога о просветлении россиян, о том, чтобы Господь не допустил гибели России.

И что делает Махонька?

Она отправляется на поле брани, чтобы примирить враждующих.

Ахнуть можно, как это здорово!..»

В тот же день писатель делает развернутый набросок.

Люди впали в безумие, а земля – в разорение. Род на род восстал, нет, брат на брата, сосед на соседа...

И кому пожаловаться? С кем отвести душу? У кого спросить совета?

Всеобщая боязнь, страх и подозрительность.

Пошла к бывалошным славным людям России – уж они-то вразумят.

А слава России что делает? Пьет, пьянствует. Пир у князя Владимира, а под стольным градом татарва кровожадная, и надежда и опора государства, Илья Муромец, в темнице.

Пошла к Ивану Грозному. То же пьянство, да еще казни...

Забрела к Сергию Радонежскому в келейку, а он плачет, убивается над Россией.

Молится... Хорошо молится и, как она же, оплакивает несогласие и распри на Руси. Хороша молитва, облегчает, радость дает душе, да только что она против оружия?

Так, несолоно хлебавши, и вернулась домой. Посмотрела: мышки охальничают по полу, а кот старый ухом не ведет, лежит на холодной печи... Везде неустройство, везде горе. Нет, надо самой что-то делать.

Выходит на поле боя. Хочет примирить стороны воюющие. Полна надежды. Уж ее-то послушают. Кто воюет? Да ребята, которым сказки сказывала. Она, она лишь способна остановить бойню. Самый слезный плач выбрала. Раньше вздыхали да плакали. А сейчас и головы не повернули к ней. Не чувствуют...

И тогда она своими обычными, сегодняшними словами хочет пронять враждующих. Вроде стихла стрельба... А потом, потом... Подстрелили те, кому голос ее был невнятен. Подстрелили.

Ну, это хорошо, если ее смертью будет поправа смерти... Она нажилась, с нее хватит...

27 марта 1980 года был другой вариант той же сцены.

Махонька ничего не понимает. Люди убивают друг друга. Вчера раскланивались, вчера играли друг с другом, сидели за столом, а сегодня – враги, сегодня живьем готовы сожрать друг друга. Что случилось? Те ли это люди? Не подменили ли их? А может, какая-то сила бесовская вселилась в них? Жизнь человеческая ничего не стоит.

Махонька подходит к знакомому парню: ты ли это, Петя? Может, поблазнило меня? Может, ты подмененный? Ну, скажи, как зовут того, этого... Может, всех нечистая сила подменила?

Махонька не может смириться с тем, что люди убивают друг друга. С ума посходили. Подняли руку на самое ценное. Что им надо? Неужели антихрист на землю пришел?

Неужели Марьюшка права? Марьюшка все страдала: вот придет антихрист! И неужели это она, Манечка, накликala беду на людей, на землю?

Махонька думает, как предотвратить беду, и однажды идет на передовую, чтобы призвать людей к миру... И покаяться. Я виновата, я виновата... Убьют ее – может, тогда одумаются люди.

Когда убивают себе подобных, не задумываются. А вот убьют ее, старушонку, – вздрогнут. Вздрогнут и одумаются.

В общем, Махонька хочет спасти людей. Победить болезнь, которой они заражены. Излечить их от болезни безумия. Да, безумия. А как иначе назвать это – убивать людей? Самое святое, самое дорогое на земле.

Вам убивать надо? Так убейте меня. Я отжила свое. Я ничего не стою. А зачем жизнь цветущую губить?

Вторую книгу Абрамов даже хотел назвать «Смертью смерть поправ» и объяснял смысл названия: это Махонька идет на смерть, чтобы прекратить братоубийственную бойню...

– Христос пожертвовал собою в расцвете лет. А мне-то сам Бог велел. Жизнь прожита, старуха старая... А вдруг да в озверевших людях проснется человек? Вдруг да люди задумаются...

АНИКИЙ

Самой светлой, чистой и праведной личностью представит в книге сельский священник Иоанникий, или, как зовут его верующие, Оникий, Аникий, Оникеюшка. Он исполнен благочестия, доброты и любви. И в какой-то мере противопоставлен обитателям монастыря, прежде всего – настоятелю Варсонофию. Облик Аникия дан главным образом в восприятии Махоньки и Федосьи.

Махонька к Варсонофию под благословение не пошла – больно барин. Пошла к Аникию – божьему барашку. Ангел, спустившийся на землю. Ангел, позабытый на земле. У Аникия не грешно и руку поцеловать.

Махонька не любит монастырскую службу. Скучно. Все черное, темное. Как вороны монахи. И то ли дело у Аникия. Все сверкает, все сияет. Любовь от всего. Травы цветут тут зимой. Ангельская доброта, ангельский голосок у Аникия... Великое очищение.

Копаневская церковь. Деревянная. Как хорошо! Уютно. А главное – Аникий. Как блаженный. Как ангел, сошедший на землю. Душой служит.

И Махонька со смирением искренне подошла к нему под благословение, и так ей хорошо стало на душе. Как из бани вышла.

Единственный человек, в котором находит опору Федосья, – отец Аникий.

Аникию она верила. Аникий верил ей, даже прихожан

пытался расположить в ее пользу (о вреде суеверий, о пережитках язычества).

К отцу Аникию Федосья всегда обращалась за советом.

Но прихожане косо смотрели на ее приход в церковь. Сторонились. Всегда пустота вокруг нее образовывалась.

От этого страдал Ваня, хотя и не говорил. Но еще теснее прижимался к матери. Толкал ее руку, и по этому толканью она понимала, что происходит в его душе.

Великодушие Аникия должно было раскрыться в эпизодах с молодой учительницей, которую унизил Иван, взяв ее силой.

Весной учительница идет к отцу Аникию. Рассказывает о своей беде. Трудно было чем-либо удивить Аникия, но тут и он удивился.

– Надо уезжать.

После исповеди учительницы Аникий всю ночь не спал. Затем идет к учительнице, утешает и предлагает деньги.

Перед отъездом отдает учительнице все свои сбережения.

– Я не должен выделять никого. Но мой грех – вас любил больше всех. И Ивана – первый ученик, ходил чай пить.

Учительница уезжает...

Весной возрождение природы вызывает потребность возрождения, обновления, чистоты помыслов, поступков в каждом.

Возрождение в природе, видимо, всегда звало к возрождению всего человеческого в человеке.

Это захватывает всех в деревне. И к исповеди – очереди. Да особенно к Аникию. Монастырские злятся. Монастырские выработали план пострижения Аникия в монахи. Тогда можно завести в монастыре что-то вроде старчества. А Аникий не хочет. Аникий любит жизнь.

– Да ведь от тебя жизнь-то и в монастыре не уйдет. Только чище будешь видеть. Больше чистоты в жизни будет.

– Людей меньше будет.

– Ну я не про то. Я ведь в деревне-то каждого знаю, с каждым могу поговорить. И зайти в избу... А то и на покос... А службу-то служить. Какая краса. Как посланец Господа Бога каждый раз выходишь.

Придут по обязанности. Ненависть в глазах... А потом, как словом-то Божьим прожжешь его, – в глазах-то у него лето проглянуло. И весь он обмяк, добром напитался. И это добро домой принесет – сколько там-то радости.

В одном из ранних набросков (3 июня 1960 года) Абрамов пишет о поведении Аникия в гражданскую войну, когда он стал настоятелем монастыря.

Обстреливать монастырь не рискнули и большевики... Собрались богачи в монастырь, хотят ответа, что делать. А что может сказать Аникий? Святая, голубиная душа. Летом плывут пароходы по реке, сидит на горе – благословляет крестом. И сейчас как дитя. Все упования на Артемия Праведного – не допустит...

А когда вскрыли мощи, Аникий страшно удивился – не карает. А потом, как увидел, что в раке вместо мощей кости, утешился, возликовал:

– Не допустил посрамления своих мощей. Ушел.

МОНАСТЫРЬ

Федор Абрамов хотел ввести в книгу главы о монастырях Севера, о их роли в освоении северных земель.

В архиве сохранилась объемная папка «О монастырях» с подборкой разных материалов по истории монастырей (Веркольского, Красногорского, Сурского, Сийского), об Иоанне Кронштадтском, о протопопе Аввакуме, о чудесах Артемия Праведного, о Сергии Радонежском, Андрее Рублеве, об иконах и иконописи.

Особенно интересовали писателя личности протопопы Аввакума и Иоанна Кронштадтского. «Эти две фигуры должны проходить через всю книгу, – записал он еще 19 ноября 1965 года. – Кто-то из Макаровых (первоначальная фамилия Дурыниных. – Л. К.) специально ездит на место сожжения Аввакума. Уголь приносит. Ищут власти.

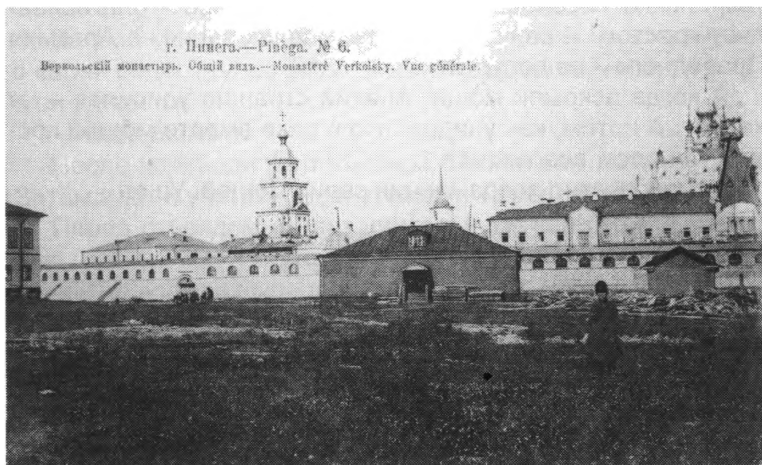
А в 30-е годы разговор о мощах Иоанна Кронштадтского.

Аввакум – против властей, а Иоанн Кронштадтский – за власти. Вот в чем дело. Две России».

По рассказам старожилов писатель воссоздает эпизод, происшедший в Веркольском монастыре.

г. Пинега.—Pinega. № 6.

Веркольский монастырь. Общий вид.—Monastère Verkolsky. Vue générale.

Веркольский монастырь

БЕРЕГИСЬ, АРТЮШКА, ОПАЛЮ!

Тимофеевичи были самыми богатыми в Верколе. Скота имели до 10–15 голов.

Николай Тимофеевич, когда, молодцуя, приходил в церковь или монастырь, покупал горсть свечей.

Однажды Иван Тимофеевич, продвигаясь с горстью свечей к иконе Артемия Праведного, закричал на весь собор:

– Берегись, Артюшка! Опалю! – И тут же упал замертво на пол. Упал от собственного страха.

Монахи прекратили службу, а когда богохульник пришел в себя, запели: чудо, чудо совершил Артемий Праведный.

В книжечке об Артемии Праведном сто с лишним чудес. Но это не попало.

Интересовала писателя и история староверов, их взаимоотношения с монастырем.

Почему преследовало староверов царское правительство? Ведь староверы – самая работоспособная, самая порядочная, самая предприимчивая часть русского народа. Не пьют, не курят. Не работать – грех...

Три центра в деревне: монастырь, старообрядчество, скоморошество. В праздник так: в монастырь – православные, к Алексичам (Дурыниным. – Л. К.) – староверы, на Ежемень (Лаю. – Л. К.) – скоморохи. У скоморохов своя служба, бесовская.

Старчество. В Веркольском монастыре вынашивалась идея старчества (на манер Оптиной пустыни). Уже был и подобран кандидат в старцы. Одни прочили Аникия, белого священника (но тот сам не хотел идти в монахи), а другие монаха Козлова, но тот вдруг впал в ересь и был сослан в скит.

Идея старчества стала вынашиваться при Варсонофии, который решил поднять престиж Веркольского монастыря.

Варсонофий. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию. Утонченный светский человек. Аристократ.

Абрамов хорошо понимал роль церкви, соборной молитвы в нравственном очищении людей:

Церковь. Многолюдье. Если верующие – духовный костер. И в этом костре выгорают все мерзости. Взаимодействии верующих людей.

Собор Успения Божией Матери и Рождества Христова, 1885 г.

В статье Игоря Долгополова «Всепобеждающая сила добра» об Андрее Рублеве («Огонек», 1980, № 35) писатель отмечает близкие ему размышления автора о древней иконописи, о духовном влиянии Сергия Радонежского на будущего иконописца, о великом искусстве Рублева. Привожу несколько отрывков из статьи, подчеркнутых в тексте рукой Абрамова.

«Истощенные постами апостолы словно вопрошали – что тебе надобно, инок? Живописец знал, что ему предстоит создать нечто свое, что не должно отгораживаться от жизни. Не пугать, не стращать верующих, а беседовать с ними сокровенно...

Как дивное эхо давным-давно ушедших времен, завораживают взор творения Андрея Рублева, открывшего людям прелесть неяркой красоты Руси... Редкой красотой любви нам творения Рублева, ибо угадываем в них душу пращуров наших...

Любовь к ближнему, простосердечие – вот сила, которая подвигла Андрея Рублева на сотворение немеркнувших шедевров... В его произведениях говорят не почерк, не мазок, удар кисти, а сердце художника...

В искусстве древнерусской иконописи сходились самые сокровенные, заветные мечты народа, его стремление к поэзии, правде, не потому ли русская икона потрясает своей напряженной духовностью...

Сергий Радонежский. Он дал художнику юное по чистоте восприятие мира (на полях Абрамов добавляет – мудрость. – Л. К.)... В ту пору, когда люди ожесточались ходом событий, междоусобица и распри одолевали Русь, Сергий находил тихие, задушевные слова... Не мечом, топором, дубиной, не криком оголтелым – словом заветным покорял Сергий. Уверял в надобности сплочения, веры и неотвратимости победы над злом. И вот эти слова Сергия Радонежского воплощены в пластические формы Андреем Рублевым, иконы которого и через шестьсот лет потрясают проникновением в суть явления, мудростью и гуманизмом...

«Троица»... Сергий Радонежский построил Троицкий собор для утверждения идеи «единожития» всех людей земли – дабы воззрением на Святую Троицу побеждался страх

ненавистой розни мира сего... Подвиг Рублева в том, что он еще раз подтвердил: идеи света бессмертны...

Суровые по письму лики старых икон, на первый взгляд, отражали историю Руси. Но они лишь замечали мрак окружающих человека событий. Где был выход? И этот ответ дали творения Рублева – светлые, полные радости жизни и веры в победу над силами мрака...

«„Троица“ – это заглавное русское творение. Рублев – не только отец нашей национальной живописи, он один из зачинателей философии Руси – всепобеждающего деяния добра» (стр. 24, 25, 26).

В материалах к «Чистой книге» сохранилось восторженное описание Абрамовым главного собора Веркольского монастыря.

Главный собор. Двухэтажный. Наверху – летний.

Особенно красив верхний храм. Очень высоко и очень светло. Громадный и уютный.

Иконостас новый, с большими, молодыми, но очень хорошо написанными иконами.

Стены расписаны хуже. Но расписаны не сплошь, как в старых храмах (Ростов Великий, Василий Блаженный), а с промежутками, по-картинному, по-современному.

Много цветастых бордюров, разных лент (роспись) вокруг окон.

Иной у храма и колорит: розово-малиновые и голубые краски. В окнах – витражи (цветные стекла).

Все удивительно жизнерадостно. В общем, храм настраивал не на отказ от жизни, а наоборот. Он заражал жизнь.

Любите жизнь! Она и есть рай настоящий – вот какой смысл, кажется, вкладывал художник в росписи. Ваш край суровый. Но жизнь хороша.

Да, удивительно радостные службы были в этом храме.

А хор? С огромным балконом. Краски. Благоухающий ладан. Веселые росписи (никакой строгости). Даже Иоанн Предтеча в косматой шкуре не внушает ужаса. Добрые, веселые люди... Прославляющие жизнь. Красиво. Чудно!

А раззолоченные одежды служителей! Лев Толстой не видит в них красоты. А это было красиво. Черная мантия

монаха здесь была неуместна. Выпадала из общего плана. И монахи редко вступали на второй этаж. Этот храм был целиком предназначен для мирских, для гостей. Радостью наполнялось сердце. Неожиданно.

Художник рассуждал: хватит суровости вокруг! А в храме надо красоты побольше. Чтобы верующие получали хороший заряд жизненной энергии. Чтобы им хотелось вернуться сюда.

Да, суровый север. И вдруг райские кущи. Выходить не хочется из храма.

И вход на второй этаж тоже радостный. Двускатное крыльцо.

КОПАНЕВЫ И ДУРЫНИНЫ

Копаневы и Дурынины не только разными нитями связаны с семьей Порохиных и монастырем. В их среде тоже вырастают сложные, разные по характеру и устремлениям люди, часто трагической судьбы. Одни – взыскивающие правды и истины, другие – настоящие земледельцы, влюбленные в крестьянский труд, третьи – либо гуляки, либо стяжатели, мечтающие лишь о приумножении богатства.

Копаневы зажили с расчисток. Дед великий специалист был по копке полей, он отыскал черное золото в навинах. Низину все обходили: сыро. А он канавы раскопал – за одно лето воду спустил. Сена навалило – некуда девать. А потом и хлеб стал рожаться. Завел коров, скот. И все под боком.

Затем выгодно женил сына на низовке... У них было четыре взрослых сына, и все четверо погибли. Старшего сына убили на русско-турецкой войне, одного сына задавило деревом на расчистке, а двое сыновей утонули вместе с лошастью при переправе за только что ставшую Ельчу – поехали молотить зерно за реку по первому льду, чтобы не стоять потом в очереди на мельнице. А зерно – чтобы в лес ехать задержки не было.

Родители не выдержали – оба умерли за один год. Осталась одна дочь Марья.

Женихов – куча. Вся Ельча бросилась – такое житье, такие расчистки.

Деревня замерла: кого-то выберет? Как распорядится житьем? А Марья богатых женихов побоку (хватит своего богатства). Мое богатство, да мной командовать? Нет. Не хочу. Нет, не захотела быть под каблуком, под пятой у мужа.

Выбрала своего, местного, не богатого, чтобы самой хозяйкой быть. Но работающего – чтобы не стояло дело. Таким оказался Иван Гаврилович.

Сперва все удивлялись. Бедный. Сколько женихов сваталось – отринула. И какие красавцы. А тут что? Росту нету. Ноги кривые. А потом как увидели в работе Ивана Гавриловича – все ахнули, все в один голос восхваляли Федорову: вот это девка. Вот как она выбрала: самый работающий, сила – лешего своротит, и сама большак, сама хозяйкой осталась. А Иван Гаврилович?

Он и не претендовал на то, чтобы быть единоличным хозяином. Где-то в душе понимал: родители нажили, ей и быть хозяйкой. А с него хватит и того, что он всласть, досыта работает, за конями, за скотиной ухаживает.

Дети, конечно, во всем шли за матерью. С первых лет. Некоторое исключение составляла Олена, но и она, когда стала выходить в девушки, пошла за матерью.

Кое-кто посмеивался над Иваном Гавриловичем – дворовик! Примак. В работниках. Батрак! А он был доволен. Он сам не придавал этому значения.

Иван Гаврилович – тихий, низкорослый, волосы в кружок, щеки красные. Самое красивое – глаза – добрые... Всегда ровное настроение. Всегда доволен, всегда жизнь в удовольствие. Пахота, посев, сенокос... Всегда праздник. Жалел тех, кто не видел красы. Не жил суетой человеческой. С природой жил. Люди работы страшатся – а он только на работе и отдыхает. Для него работа – праздник...

Снисходительно относился к жене. У той замашки купеческие – командовать. Ну и командуй. Давай прочистку горлу, если тебе это нравится.

Да, смысл жизни Иван Гаврилович находит в поэзии крестьянской жизни. Мудро подчинялся земле, ее требованиям. Как крестьяне Глеба Успенского. Сладко бремя земли. Сладка ее власть.

У Ивана Гавриловича две одежды рабочих: весенне-летняя (страдная) и зимняя.

За страду до того выморится, высыхает. От работы – все висит. Как пугало. И так каждую страду. Сперва начинает работу – ворот не сходится на шее. А к концу – в этот ворот обе руки сразу влезут. А за зиму опять справлялся.

А бедняк? Знает ли он это? Наоборот. Зимой худеет – жрать нечего. А за лето поправляется.

Отец Олены жалел гольтьбу не за то, что у них ничего нет, а за то, что они не ведают радости от работы. Встать рано, вдохнуть утренний воздух, росу, солнышко увидеть, как проклюнулось зерно – да с чем это сравнить?

А они, беднота, обокрали себя. Бедные. Нищие духом... Я весь мир беру, а они от мира-то что берут? Сотую часть. И какая бы власть ни была, так они с соткой в руке и останутся.

Иван Гаврилович дал обет: если выживет Олена, оставшуюся жизнь посвятить осушке болота. Олена умерла. Не выжила: тем более надо браться за болото. Нечем жить, и еще в мыслях имел то: назвать болото Олениным. В честь Олены. Память на земле оставить о своем любимом чаде. Так, так. Не сумел защитить, прикрыть своей грудью живую дочь, так хоть память по ней в людях оставить. До конца дней своих трудился.

Семья отворачивается. Возмущенные сыновья выгнали его из дома в боковую избу. И в ней он жил. И в ней пахло болотом.

Иван Гаврилович не бросил своей работы и в гражданскую войну. Гремят пушки, идет бой, а старик в белом халате каждый день с лопатой на плече идет на свое болото.

Еще более, чем семья Копаневых, разнородна семья Дурыниных: два брата – Федор и Максим, сыновья Федора – Артемий и Ефтя.

На примере Дурыниных Абрамов хотел поведать историю старообрядчества на Пинеге (Ельче – в романе. – Л. К.).

В семье Дурыниных, которые жили недалеко от монастыря, вблизи часовни Артемия Праведного, бытовало предание, что «белая грамота», «прощальное письмо» протопопа Аввакума было передано на Пинегу и Мезень.

Эту грамоту, по рассказам стариков, долгое время царские власти искали на Пинеге, пытали людей, а грамота объявлялась то в одной, то в другой деревне.

Максим уверял, что грамота была зарыта на Авой горе, он видел ее у деда. Дурынины гордились этим. От Лутохина досталась. Будто бы однажды вышел из тайги страшно обносившийся человек – то был Лутохин, один из сподвижников Аввакума. Он передал грамоту и тотчас умер.

У Дурыниных много рассказов о преследованиях. Дед не выходил из тюрьмы. Хаживал в Пустозерск, видел место казни Аввакума...

Легализовано старообрядчество в 1905 году. В 10-е годы бурный последний всплеск старообрядчества. Дурынины, считавшие себя мучениками, впервые подняли голову. Открыто – моления. Ефтя ходил по деревне, зазывал. Распри с монастырем...

Дурынины жили каждый сам по себе. У Максима свои увлечения, у Федора – свои, у Ефти – свои. Сходились только в неприязни, ненависти к монастырю – это из глубины веков шло. Овца паршивая – Артемий. Иоанном Кронштадтским в их стадо запущен...

Федор – молчун, женат дважды, от первой жены – Ефтя, от второй – Артемий.

Максим. Все перемешалось в нем: древнее язычество, христианство, блуд, звериное понимание природы и наделение ее нечистой силой. Весь, весь в метаниях. Блуд и желание чистоты. Матерщинник и праведность. Фантазер. Хочет разбогатеть, жениться на царевне. Ищет клады... Скоморох и влечение к святости, к добру. Скрытая мечта: возврат к раю. Неприятие этого мира – антихристова.

Максим – охотник, любил лес. Грешил, а очищался в лесу. Замаливал грехи еще дома – мылся в бане, просил прощения у всех, но срывался... Уходил в лес. Праведная жизнь отшельника. Лес для него – самый великий, самый святой храм. И вступал в него чистый телом и душой. Мылся в ручьях. Пел псалмы. А потом и там стала досаждать нечистая сила...

Максим совершает паломничество в Пустозерск, к месту, где был сожжен Аввакум. Все посмотрел. Ему показали пенек, будто бы от сруба, в котором сожгли Аввакума. А еще больше ему понравились люди. Крепко держатся старой веры. Иконы хорошего письма.

Вернулся Максим изменившимся человеком. Лая никакого. Все только о вере, о святых, Аввакуме.

Все мечтал о том, чтобы спалить себя. Очиститься в огне. Когда началась гражданская война, он сжег себя. Все думают – несчастье, сгорел. Но Огнейка знает: это сознательно. Так очищается от скверны Максим.

Ефтя Дурынин – воплощение всего дурного в роду, он – эгоист, циник, лицемер. Ефтя – прежде всего – игрок, хотя внутри него клокочет извечный гнев народа против бар. Для него и Литвинов (учитель) – барин. Он и его презирает. И даже с Домахой сводит – чтобы того посадить в лужу, чтобы устроить Литвинову баню мужицкого осуждения.

Ненависть к барам, идущая от предков-раскольников, вот это искренне. Единственное искреннее.

Ефтя со всеми вяжется, вокруг всех трется, кто против властей. Он ко всем вхож. В том числе к ссыльным. Ссыльные считают его своим. Но это – видимость.

Ефтя – эгоист, предельный эгоцентрик. Он презирает всех – и либералов, и ссыльных, и начальство. Да, он и к начальству вхож. И начальство на него рассчитывает.

Кое с кем приbedняется. Одни смотрят на него как на жертву, другие – как на представителя пробуждающегося народа, третьи – как на шпиона. А он ни с кем. Он гнет свое.

Именно Ефтя испоганил жизнь Огнейки.

Особняком в семье Дурыниных держался только Артемий, целиком поглощенный поисками чистой, праведной жизни. Он просил отца отпустить его в монастырь. Но отец и дядя ругали его – «отступник от старой веры».

Артемий – чужой человек в своей семье. Дома жил мало, больше в Суре. И душа другая. И одет лучше, интеллигентен. Голос объявился. Ездил по монастырям. Молельник коровинский.

Побывал на Соловках и там по совету одного из монахов решил собирать материалы об Иоанне Кронштадтском на его родине...

Едет с Иваном в Суру... Сидит в скиту у часовенки. Монашка или настоятельница рассказывает, как тут сидел Иоанн Кронштадтский и поучал их, своих учениц, лицом к заходящему солнцу. Артемий решает увековечить батюшку.

Добрые деяния, чудеса... Собирает и разочаровывается в монастырской жизни, видит греховность монашек...

Жизнь Артемия кончается трагически. Его соблазняет Огнейка. Ей смешно над Артемием. Святость. Она заигрывает с ним. Тот стыдится как девушка. Потом Огнейка соблазняет его. Он в ужасе. Но сладок грех. Свекор избивает Огнейку. Она в конце концов отталкивает его. Артемий, может быть, не найдя выхода, повесился или застрелился, перед этим ополоснувшись чистой водой в ручье.

КУПЦЫ ВОЛОДИНЫ И КЫРКАЛОВЫ

Пинежское купечество, пинежские богачи должны были занять большое место в книге. О них был собран писателем большой материал, который хранится в папке «Лесное дело. Богачи. Володины, Кыркалевы и др.». Абрамова интересовали и способы их обогащения и ведение торговли, лесозаготовок, их судьбы и характеры.

Большей частью купцы фигурируют в заметках под реальными фамилиями. Лишь в последние годы Володины именовались в романе Щепоткиными, Кыркаловы – Рыкаловыми.

Писатель отталкивался от реальных судеб и характеров, от реальных ситуаций, о которых ему рассказывали старожилы Пинежья, или от архивных документов, которые он изучал в Архангельске и Карпогорах.

Привожу лишь некоторые, наиболее интересные, заметки.

В родословной Володиных, Кыркаловых и мелких хищников – купцов и лавочников – на Пинеге нет ничего оригинального. Как и на Урале, в Сибири, первые шаги связаны с преступлением («Трудом праведным не наживешь палат каменных»).

Особенно лютовали по деревням мелкие хищники (Усынины, Ставровы, Грива и другие). Покупали у Володиных залежалый товар, сбывали, спаивали покупателей водкой.

– С водкой-то оно лучше пойдет.

Потом появилось Никитское кооперативное общество (пароход «Мужики»), возникшее под влиянием агитации ссыльных и революции 1905 года. Для Володиных – бло-

шины́й укол. А вот для деревенских хищников – серьезный конкурент.

ВОЛОДИНЫ

Как-то до революции старший Володин приехал в московскую ярмарку в шапке-ушанке, невзрачной шубенке, в валенках – в общем, мужик мужиком. И како во же было у всех удивление, когда этот мужик скупил пол-ярмарки. Володин, по существу, был удельным князем Пинеги. Говорят, что со своим добром расстался спокойно: такие времена...

Как разбогатели? Слухи разные. Один из них – старик Володин ограбил и убил в тайболе богатого зырянина – торговца пушниной.

Братья Володины не отличались большой грамотностью, но в уме могли скалькулировать не хуже всякого экономиста. Рассказывают, например, такой случай. На Мезени был купец с хохлацкой фамилией. Крепкий купец. Алексей Иванович подсчитал: если мезенцам продавать дешевле хлеб на полкопейки, на копейку, то можно захватить Мезень. Он так и сделал. Купец разорился. Мужики перестали покупать у него хлеб.

ТЯЖЕЛЫ ВОЛОДИНСКИЕ МИЛЛИОНЫ

Говорят, что Пинега (Ельча) раньше стояла на земле ровно как на подносе. А это она уже выгнулась дугой под тяжестью каменных домов братьев Володиных – под тяжестью миллионов.

Так ли, нет ли это, но володинские дома – приземистые, толстой кладки, похожи на каменные склады, в которых прорезаны прямые, без всяких украшений окна, действительно стоят в седловине. Да и дома эти были наполовину складом. В верхних этажах жили, а в нижних с улицы – магазины, а сзади – склады, хозяйственные помещения.

Всех выше из трех домов дом Михаила. Он и веселее – деревянный. В этом доме останавливался проездом Великий князь...

Володин, купец первой гильдии, был награжден золотой императорской медалью...

Володины закупали мануфактуру на нижегородской ярмарке. Лазарь – приказчик – везде бывал: в Нижнем Новгороде, на Печоре, в Лешуконье.

КАК ТОРГОВАЛИ ВОЛОДИНЫ

Однажды мужичонко, допущенный к рыбе, положил себе больше, чем следовало. Приказчик доглядел – к Володину вместе с мужичонкой. Так и так, перебрал.

– Понравилась ли, Иван Максимович, рыбка-то? Мужичонка ахнул: по имени и отчеству зовет. Откуда знает? А потом Володин поучает приказчика или своих компаньонов, которые обвиняют его, что торговля ведется патриархально.

– Эх вы, милые. Да ведь надо знать нашего мужика. Вот этот трещинку лишнюю замотал, а не думаете – на сколько трещинок он славы принесет. Знать, знать надо пинежского мужика. Этот перебрал, а другие не переберут. Меньше возьмут.

И приказчик, и компаньоны еще раз подивились мудрости Алесея Ивановича. Все видит. Обо всем думает.

Был пароход «Посыльный» – развозил посылки, товар по деревням. Мужик мог заказать *10 фунтов, и пароход подходил к деревне, вызывал свистком заказчика. Отсюда слухи о Володиных как благодетелях. Потом был «Курьер». Мелководный.

«Северное речное пароходство» – акционерное общество – имело с Володинами неписанный договор: на Пинегу не соваться. А Володину разрешалось иметь пароходы на Двине для провоза своих грузов.

Лесозавод. Между братьями возникла размолвка. Зачем строить? Для досок в Архангельске надо иметь специальную баржу. Но затем согласились с доводами одного из братьев: во-первых, мужику работу дадим, второе – главное – деньги-то, которые заработает мужик, у нас останутся.

Володин, внешне патриархальный, следил за новыми веяниями в торговле. Он – первый из купцов – основал компанию и включил в нее своих служащих.

До 1906–1907-го – торговый дом «Братья Володины».

Потом – Торгово-промышленное товарищество. В ногу со временем. Демократизация, служащие – не слуги, товарищи. Это – чтобы отнять приказчиков от ссыльных, чтобы надежные тылы. Среди приказчиков это разорванная бомба. Надежды. Новое рвение по службе...

Характерна также и эволюция Володиных.

Первое поколение – с мужицкой хваткой и в быту не отделили себя от мужиков.

Второе поколение уже вело дело широко, не по старинке.

А последнее поколение даже чуралось жить в Пинеге (Ельче). Ездили по заграницам, а в революцию удрали с капиталами в Англию.

КЫРКАЛОВЫ

Люди, наделенные лешьей силой. Говорят, эта лешья сила от болота – вместе с туманом входит в дом. Потому-то так держатся за родное гнездо. Замшелые лешаки.

От чего пошли Кыркаловы? Разное говорили. Многие на Пинеге еще помнят, как братья Кыркаловы вместе с мужиками заготавливали лес. В каботах.

А потом будто бы один из братьев стал десятником у иностранцев-лесозаготовителей, затем приказчиком, затем доверенным.

Кыркаловы, вероятно, были самыми могущественными лесопромышленниками на Севере. Торговлю вели с иностранцами.

У Мартына – лесозаводчика – размах. А Северьян – мелкий грабитель. Приехал на завод да увидел: люди в бараках на постелях спят – возмутился. Этак они будут валяться до семи часов. А надо, чтобы доска в ребра. Тогда не проспийшь.

Дом старый, неказистый. Почему? А чтобы поплакаться на бедность, чтобы легче было мужиков при подрядах грабить.

– Говорят, богачи Кыркаловы. А дом-то смотри какой. А пошто? А денег нету.

Отравили брата Артемия. Пусть примет долги на себя. Больной. Все равно не жилец на свете. Сами устроим жизнь племяннику.

Сын Артемия – человек грамотный, только что вернувшийся из Англии, где он учился и практиковался в лесном деле, произносит речь. На обеде у Щепоткиных или на другом торжестве, куда съезжаются многие знатные люди Севера.

– Мы живем в крутое, поворотное время. Вздыблена вся Россия, вся Россия на перекрестке дорог, как былинный богатырь: куда идти? По какой дороге?

Не перечислить всех русских теорий. Но если отбросить оттенки, их можно свести к двум: революционному и эволюционному.

Социалисты – враги нации, враги народа. Они помешаны на ревоюции. А промышленность? Технический прогресс – веление времени? Существует все это для них? Жизнь? Время?

Сперва революцию сделаем, а потом возьмемся за промышленность. Так? Но ведь революция – это разрушение всех материальных основ жизни. Это самоистребление. Это пугачевщина. Это всероссийская резня. Вырежем, разрушим, истребим, что есть, а потом начнем строить? А как строить? Кто будет строить? Революция отбросит нас. Мы отстанем от Америки, от Европы. Они снова заработают на нас.

Нам, русским, не хватает любви к делу. Нет ни одного героя в литературе, где бы воспевалась любовь к делу. Да что это такое?

Я люблю машины. Люблю строить. Я инженер. И открыто об этом заявляю. Я не могу позволить такую бесшабашную роскошь, как братоубийственная война...

В годы гражданской войны на Пинеге оставался только старик Володин, который по привычке торговал чем угодно и ради кого угодно.

Кыркаловы оказались более жизнеспособными. Один из них ездил по Пинеге и вербовал мужиков в Белую.

Но тем не менее для умного человека было видно, что энергия Володиных иссякает, да и Кыркаловы выдохлись. Огромное дело рушилось. Кто же приберет их к рукам. Хищник нашелся.

И вот этой мыслью загорелся сын Попова, состоящего в

родстве с Кыркаловыми и Володинами. Офицер с хищническими страстями. Сообразил: он может прибрать капиталы Володиных и Кыркаловых к своим рукам. Потому-то он так и лютовал в годы гражданской войны.

Такой же породы и устремлений был и дьячок Попов в Нюхче. Тоже появилась возможность в этой заварухе выбиться в люди. Разве дьячок для него место в жизни?

– Надо в свои руки брать. А нет, американцы все захватят.

Попов издевался:

– Дядюшка – богомolec, ему бы только торговать. А те, сыновья, подались в свет. Стыдятся дела отцов. Володины сами же и вскормили эту сволочь красную. Больно цацкались с этими ссыльными. Надо было всех сволочей до революции уморить. А они Алешку Щенникова пригрели. И того Кулакова тоже в котле надо было, змееныша, потопить, поваренок, судомойщик...

Итак, Володины дряхлеют. Кыркаловы тоже начали заплывать жиром.

Появляются новые хищники (Попов и другие). Они-то и сбивают контрреволюционные элементы перед приходом красных, привлекают на свою сторону монастырь, церковников.

ССЫЛЬНЫЕ

Федор Абрамов стремился показать в книге не только разнообразие народной жизни, но и разные умонастроения среди интеллигенции, представители которой прибыли на Север в основном после революции 1905 года отбывать ссылку. Споры и разногласия среди ссыльных особенно привлекали писателя. Еще 14 ноября 1964 года он записал в дневнике:

«Видимо, под влиянием споров с В. (мы орали, а не спорили) явилась дерзкая мысль – перенести сегодняшние споры в дореволюционное время. Там начало начал. И не выдумывать ссыльных. Буров, Вехов, Сорокин, Макин (Фамилии изменены. – Л. К.). И как только так подумалось, все встало на свое место. Наконец-то появилась общая идея.

*Группа ссыльных. Пинега, 1910.
В 1-м ряду – рабочий Новороссийского
порта Базаров с женой.
Во 2-м ряду – аптекарь Фуке, Юлия Павловна Сергеева
с мужем Василием Сергеевичем*

Роман о прошлом, не теряя своей исторической достоверности, становится остро современным. История, не переставая быть историей, станет работать на современность.

Давно я не был таким счастливым, как в эти дни... Целая серия книг: две до революции, гражданская война и 30-е годы. Путь России. Ключи к тому, что произошло... Роман о прошлом будет романом о настоящем и будущем...»

Такая связь прошлого с современностью была возможна, ибо те проблемы, споры, взгляды и убеждения, которые разделяли ссыльных и вообще русскую интеллигенцию начала XX века, были характерны и для более позднего времени вплоть до сегодняшнего дня; эти вопросы о судьбе России, о назначении человека, поиски новых путей устройства жизни. В записной книжке 12 августа 1968 года Абрамов записал:

«Да, вся первая книга – раздумья над будущим, над путем, которым пойдет Россия. Путем любви, единения людей друг с другом? Или путем ненависти, войны?»

А 6 мая 1979 года он так определил пафос книги: «Порохины рвутся к новой жизни, все жаждут нового. Россия ищет новые пути...»

РАСПРИ СРЕДИ ССЫЛЬНЫХ

Среди ссыльных нет единства. Социал-демократы. Но два крыла: большевики и меньшевики. Социал-революционеры: правые и левые. И т. д. Все разные. А цель одна: свалить самодержавие. Распри эти – залог будущих распрей.

О спорах среди ссыльных кто-то замечает: все как при боярах. Кто выше, кто больше. О себе печетесь, а надо – о России.

Как же вы будете объединять народ, когда вы друг с другом договориться не можете? Куда же вы поведете народ? К чему зовете?

Три типа, три направления мысли выделяет Абрамов среди политических ссыльных.

Буров – во имя народа вообще. А живого, конкретного на-

рода не любит. Чудовишно. Истории России, русского народа не знает и знать не хочет... Русский народ существует постольку, поскольку он подтверждает писания Карла Маркса.

Юра Сорокин. Нельзя без истории. У русского народа своя история, свои обычаи и марксистская доктрина должна получить национальное воплощение. Марксизм, но с учетом национальных особенностей. А потому – изучай народ. Вот случай изучить народ, которого мы не знаем. И второе: нельзя отбрасывать русский социализм. Не глупые же люди – Чаадаев, Герцен и другие.

Вехов – деловое направление в русском народе. Играл в революцию, а природа-то его тянется к делу, к земле. Устроить землю, устроить дом – разве это плохо?

Социализм. Но что такое социализм? Разве это не устройство своей земли? Все будут хорошо жить. Плохо? Диктатура... А почему диктатура? Была диктатура буржуазии, а теперь диктатура пролетариата? И почему пролетариат лучше других классов? В частности, лучше крестьянства? Выхолощенное крестьянство. Работяга... Лимон, из которого выдавили сок...

Малые дела... Пусть малые... Но если я устрою дела в уезде, если другой в другом... Плохо? Несовершенно?.. Пускай. Но я думаю о живых людях, о тех, которые живут сегодня... И в этом мое оправдание. А вы о ком думаете, для кого стараетесь? Для абстрактного человека?

Научить сегодняшних крестьян выращивать огурцы – плохо? Помочь живому, сегодняшнему человеку, а не абстрактному.

Наконец, работать мне интересно.

Были и более развернутые характеристики.

Буров. Не очень сильный физически. Телохранители. Чем покори́л?

Решимостью, бесстрашием, тем, что все брал на себя. И фанатизмом.

Ребята эти, не сложные по своей натуре, терпеть не могли всяких мудрствований, сомнений, колебаний. А у Булова (сталинского типа) все просто. Все понятно. Поэтому служили ему верой и правдой.

Да, телохранители – это, может быть, отмычка ко всему,

ко всей нашей революции. Тут, может быть, зародыш всех наших последующих репрессий.

Фанатическая преданность революции, желание отдать ей все вплоть до жизни. И малограмотность, требующая все упростить. Ну и, конечно, обаяние сильной личности, какой был Буров.

В Бурова поверили единожды, поверили раз и навсегда. Просто эти два человека нуждались в приказе, в команде, в личности, которая руководила ими. И все, что он ни приказывал, делали. Его приказ – приказ революции. отождествление Бурова с революцией...

В народе не любили и даже не терпели Бурова. Непонятен. Замкнут. Презирает всех. До конкретных людей, до конкретной жизни ему дела нет, потому что конкретный человек для него не существует. Он мыслит категориями – сословие, класс, партия. Всегда в себе, всегда одинок. Властная, деспотическая натура. И хотя все помыслы о революции, но по существу не революцию любит, а себя в революции.

Да, он говорит о народе, о его исторической роли, он марксист на словах, но народ в его представлении постольку историческая сила, поскольку он будет руководить им. А без него и народ – стихия, неорганизованная масса.

И еще – классовый подход к человеку, узкоклассовый. В деревне, если его и интересовал кто (относительно), то бедняк. Потому что бедняк принадлежит к тому классу, на который он обопрется. Средняк уже неполноценная личность, несет в себе заразу собственности.

Но, позвольте, говорят ему, ведь и среди бедняков бывают всякие люди. Разве нет негодяев, бездельников? И неужели потому, что этот скот, только потому что он принадлежит к бедняцкому классу, должен быть амнистирован, ему принадлежит будущее?

– Ты отдаешь предпочтение бедняку Афоньке перед средняком Иваном. Почему? Ведь Афонька мозгляк, бездельник. А Иван – порядочный работающий человек. Он – как никак – строитель жизни. И что же! Установим трудовую власть. И этот Афонька будет руководить Иваном, давать ему указания. Но ведь Афонька ничего не умеет делать. Он

мозгяк, пьяница. Его бедняцкое положение не только патент ему на будущее. Но ведь это бедняцкое положение и развратило его, убило в нем многие качества.

– Это барский взгляд на бедняка.

– Да откуда же у меня барский взгляд на бедняка, когда я сам бедняк.

– Ты заражен предрассудками господствующих классов. Пережитки.

– А, я заражен. А вот твой Афонька не заражен. Но почему же ты допускаешь, что я могу быть зараженным, а Афонька нет?

С другой стороны, вот сын дворянина. Честный человек. Но ведь по твоей схеме и ему не будет места в будущем.

– Болтовня. Вздохи перетрусившего интеллигента. Главное сейчас – свергнуть царизм. А не расплыться по пустыкам.

– Согласен. Главное – свергнуть царизм. Но перспективу надо иметь.

– Это все мелочи. Разберемся потом.

– А не поздно ли будет разбираться потом? А ну как Афонька, вняв своему божественному происхождению, начнет костылять и Ивана, и честного дворянина-интеллигента? Не лучше ли сейчас классовый подход к человеку дополнить еще и другим – нравственным.

Да, хорошо, если бедняк хороший человек. А если нет – так и сказать: извини, но ты не можешь претендовать на особое руководящее положение.

У революции одна мерка – ценность данного человека. А то как бы не вышла пугачевщина из нашей революции. А то и хуже чего. Придут Афоньки к власти (есть Афоньки и не в бедняцком классе) – так ведь они, чтобы удержаться у власти, начнут костылять других.

То же о партии. Не выльется ли это в диктатуру кучки людей? Бесконтрольность и т. д.

Буров не интересуется жизнью деревни. Не она поведет страну к будущему. Для него жизнь в деревне – наказание. «Идиотизм деревенской жизни». Да, в лучшем случае его интересует бедняк, его ненависть к имущим, его взрывная сила. И поэзия деревни, песни, радости людей не трогают

его холодное сердце. В них нет взрывной силы революции. Это муравейник, бестолковый муравейник, извечно топчущийся на одном месте, живущий по законам биологии. И этот муравейник надо взорвать, осветить великим заревом революции. В холодном сердце Бурова давно уже подписан приговор этому муравейнику.

И проходя по деревне, он потухшими, равнодушными глазами смотрел на этот муравейник. Он был нелюдим. Выходил на гору и, скрестив руки, смотрел на потухающий запад. И тут глаза его иногда загорались, ибо там были города – его опора.

Буров не работал, не доставал продукты у крестьян. Но он охотно ел то, что доставали Вехов и Юра. И при этом у него не возникало никаких укоров совести. Так должно быть. Он теоретик. Он особая личность. Он имеет на это право.

Если бы ему сказали, что его духовный отец – Ницше, он бы вознегодовал. Но в сущности это было так. Ницше в марксистских одеждах!

Все ссыльные, даже уголовники, так или иначе проникаются интересами деревни. Он вне этих интересов.

Он не живет деревенской жизнью. Он как бы в безвоздушном пространстве. Он не видит красок жизни. Мир сер и бесцветен в его глазах.

– Красота, – кто-то говорит. – Смотрите сколько красок...

– Для меня существует один цвет – красный. Он не умел и песен петь.

Какова дальнейшая судьба Бурова? В революцию он выдвинулся. Затем его покорила железная воля Сталина, ибо он всегда презирал и ненавидел слюнтяев-интеллигентов. Либерал, либералишка, интеллигент – с какой ненавистью он произносил эти слова. Где-то в душе он даже Ленина презирал за это. Слишком мягок. Слишком окружил себя лопухими евреями.

Во времена Сталина он сделал большую карьеру. Сталин оценил его. И вот финал. В 30-е годы – то ли после смерти Кирова, то ли в 37-м году – он предал смерти Вехова и Юру, тех людей, с которыми он был в ссылке, тех людей,

которые когда-то кормили его, кормили хлебом, заработанным своими руками. И напрасно его умоляла Огnea – ведь и она его знала по Копаням.

И кончается эпопея: арестованы, на пытках Юра, Вехов, а Агния, оторванная от своих детей, едет под стражей на Север. Долго она не могла попасть на Север – но вот увиделись...

А на горизонте тучи. Перебиты лучшие люди, цвет нации. И стране предстоит новое страшное испытание – война.

Вехов – волосатый народник, Микула Селянинович, так называет его Буров. По-видимому, в те годы он еще не был большевиком, стал им позднее, в годы революции. Он из Белоруссии, из крестьян. Учился на филологическом факультете, исключили. Страстно влюблен в народ, во всенародное. Но любовь его слепая, экзальтированная. Все, что народ – хорошо. Он на коленях перед народом.

А, как говорит Юра, незрячая любовь к народу вредна. Народ нуждается не в песнопениях – довольно их. А в трезвом взгляде на него. Народу надо объяснять не только его силу, но главным образом – недостатки...

Вехов сочетает в себе страстную любовь к народу с деловитостью. Он починяет обувь, он шьет, он делает то и это. Устраивает помаленьку быт, жилье по приезду. Негде спать. Пошел к хозяину, взял топор, доски, смастерил топчаны. (А Буров занял единственную кровать...)

Затем весной Вехов заводит огород, учит крестьян выращивать морковь, огурцы – поражается безалаберности местных крестьян.

Буров говорит: это типичное народничество, теория малых дел.

– Почему же? – с хитровой наивностью спрашивает Юра.

– Потому что такие, как Вехов, отвлекают народ от революции. Это выгодно существующему режиму.

– А может быть, крестьянину еще более выгодно?

– Нет, чем ужаснее будет положение народа, тем лучше для революции.

– Но позволь, позволь. А если революция не придет еще лет двадцать?

– Это безверие. Россия беременна революцией.

– Но если все же роды затянутся. Ведь Россия все-таки страна, а не баба, которая рождает в определенный срок, ровно через девять месяцев после зачатия? Тогда как? Значит, народ должен жить скотской и голодной жизнью?

– Так рассуждают нытики и малoverы.

– Нет, нет. Это сложнее. У людей-то одна жизнь. И кто дал нам право подвергать голоду целый народ? А детей как же?

– Издержки окупятся. Зато будущие поколения будут хорошо жить.

– Но, во-первых, как же от хилых людей вырастут прекрасные будущие поколения? Я биологию немного знаю. А во-вторых, имеем ли мы право приносить в жертву целое поколение? Надо спросить это поколение, хочет ли оно быть навозом для будущего? По-моему, революцию надо торопить. Но заботы о революции надо сочетать с повседневной заботой о людях.

– Я повторяю исходный тезис: чтобы наступила революция, надо, чтобы народу жилось как можно хуже. Революция все окупит.

– Не знаю. Это ведь что же – цель оправдывает средства?

– Если хочешь – да.

– Но ведь тогда можно оправдать любое преступление?

– Преступление, совершенное во имя революции, не преступление.

– Да все это оттого, что ты не любишь живых людей. Они для тебя не существуют. Для тебя существуют только классы. Твоя революция исключает гуманизм. Твоя революция исключает литературу XIX века.

И споры между Буровым и Юрой – все в таком же роде.

Равнодушный к живой жизни Буров, с холодными зимними глазами, и влюбленный в жизнь Юра...

Вехов – силач. Помогает крестьянам косить, по хозяйству. И делает это с увлечением, с радостью.

– Из тебя бы вышел хороший кулак. Революция не твое призвание, – замечает Буров.

Спорят они и по поводу карпогорского врача Полон-

ского, тоже ссыльного, из либералов или эсеров, который своими настояниями построил больницу и навсегда осел в деревне, в захолустье. Буров относится к нему с презрением:

– Вот типичный образчик перерожденца. Вот интеллигент на службе капиталистов.

– А по-моему, это подвиг, на службе народа, – говорит Вехов. – Да, подвиг. Добровольно отказаться от города, поехать в деревню. Это не всякий может. Вспыхнуть под знаменами – это каждый сумеет. А вот работать на ниве народной каждый день...

– Это агент буржуазии по отвлечению народа от революции.

– Не согласен. Он не революционер. Но разве это мало, что он работает для народа. Спасает ему жизнь, мотается по деревням, вступает в борьбу со знахарями, с легионом нечистой силы. Сколько ребят он выходил, сколько живут благодаря ему людей! Здоровье – это капитал страны, основа ее будущего.

– Сложите гимн во славу либеральной интеллигенции.

– А как вы смотрите на учителя Калинцева? Люди кланяются ему. Просвещение – это не входит в революцию? Сначала все разрушить, а потом заново создавать?

Вехов записывает песни, фольклор. На всех обрядах бывает. Приводит как-то старуху-сказительницу. Рад безмерно, нашел находку.

– Нет, вы поглядите, послушайте. Сморщенная, беззубая старушонка. И она поет небывальщину.

– Голос феодального прошлого, – так говорит Буров. – В следующий раз уволь меня. Деревенский люмпен-пролетариат меня не интересует.

Вехов собирает лапти, культурой народной интересуется. И возможно, в будущем он станет профессором-фольклористом. Войдет в группу правых. Приверженец Рыкова.

Юра Сорокин во многом сходится с Веховым. Но он более трезво смотрит на народ.

Юра одинаково не приемлет и Вехова и Бурова. Буров – догматик, антигуманист. Вехов – славянофил, русофил, тоже по-своему реакционен, ибо все, что касается народа, в том

числе отсталое, приемлет бездумно, обожествляет. А перед народом надо не на колени становиться, а просвещать его.

Юра стоит на точке зрения просветителей. В марксизме выпал человек.

Юра – городской житель. Сын учительницы. Интеллигент. Из Петрограда. Очень привязан к матери. Трогательные письма матери. Читает друзьям.

Он некрепкий, слабый даже, но смелый. Когда начинается избиение ссыльных, он не дрожит в отличие от Бурова.

В последующие годы Абрамов не раз еще возвращался к спорам ссыльных, особенно по тем трудным проблемам, которые всю жизнь волновали и интересовали самого писателя. Особенно тревожил его вопрос об отношении к русской истории и к народу.

Обязательно крупные споры об основных вопросах русской истории.

Один взгляд: Россия – дерьмо и народ – дерьмо. Даже управлять собственной страной не смог (варяги). Где это слышано? А история России? Сплошная грызня, предательство или уродство. Как ползали перед татарами. Кто сжигал себя? Надо взорвать все, и жалеть нечего. Нет ни одного народа, который бы так не ценил себя, собственную жизнь. Никакой цены человеческой личности.

Другой взгляд: Россия – заслон. Россия спасла Европу. Европа в поклоне должна стоять у России. В вечном. А народ? Нет другого народа, так жаждущего высшего идеала и братства всех народов.

Народ – дерьмо... А государство-то он создал? И какое государство... А Наполеона разбил кто? А литература наша.. А философия...

СПОРЫ ССЫЛЬНЫХ

Вы оперируете абстрактными классами, абстрактным народом. А как вы к России относитесь? Грязь, мерзость... А может, что-то было и хорошее? Хорошее у вас – декабристы, разночинцы, революционеры... Ну а кроме них было что-нибудь?

Ну а народ. Вот вся эта крестьянская Русь... дворяне, которые живут сотни лет? Они что-нибудь представляют?

Они у нас лишь буржуазия, что-то неполноценное... Да как можно так о народе своем говорить?

В истории России вы ничего не видите хорошего. Все предыстория... Вы хотите изменить крестьян, перевоспитать, иначе говоря, всю народную культуру на свалку. Но что хорошего из этого выйдет?

Вы отказываетесь от своей матери – России. Худа, хороша она – но мать...

Спор среди политических ссыльных о готовности России к революции.

– Россия не готова к революции. Вы представляете – вчерашний раб у власти. Мы знаем, что из этого выходило в прошлом. Разинщина. Пугачевщина. Спалят всю Россию. В огне погибнет все, что сделано предшествующими поколениями. У мужика одно чувство – ненависть и зависть. Правы были древние римляне, они давали гражданство вольноотпущенникам в пятом поколении.

– Так вы хотите, чтобы еще два-три поколения России коснели в рабстве?

– Нет, я не хочу этого. Но я не хочу и того – мне страшно об этом подумать, – что в России снова станет тирания.

Где у нас личность? Нужны партии, свобода. А большевики за насилие, за диктатуру одной партии.

Федора Абрамова всегда возмущало отношение большевиков к крестьянству как второсортному человеку по сравнению с рабочими. И в романе он всячески защищал крестьян как полноценных людей, и даже более одаренных, ибо они связаны с землей, природой.

Почему рабочий – более полноценная и передовая личность, чем крестьянин? Организован? Да. Но во всем другом – беднее. Утратил поэзию, чувство природы и т. д. Крестьянин – собственник. А почему собственник – синоним какой-то пакости и мерзости? Не наоборот? Не собственник ли питает поэзию?..

Для революционеров современный человек лишь навоз для будущего, из которого должен вырасти прекрасный человек. Особенно ненавистно им коренное население – крестьянство. Сплошь пороки! Переделать! перевоспитать!

Ну хорошо, перевоспитаем. А будет ли тогда это Россия?

Отказ от России? Что же вы хотите сделать из России? Ликвидировать ее? Дескать, не имеет права на существование, одна грязь. А я вот поездил по миру – лучше русского человека нигде не видал.

Все-таки у этой страны тысяча лет истории и те же крестьяне кое-что сделали. Вон какой фольклор, вон какая литература вымахала на этом крестьянском черноземе. А если мы заменим его другим – будет ли литература? Что получится?

– Еще вопрос. А кто будет переделывать и воспитывать этого крестьянина?

– Мы, революционеры.

– А вы уверены, что мы, революционеры, – лучше крестьян?

– Еще чего...

– А вот Толстой был не уверен. И вся русская литература видела идеалом... Неужели все они дураки? Да ведь мы с вами сморчки. Поганки, гнилушки, которые на минуту вспыхнули, а они гении...

А вот вы, еврей, из местечка. Пролетарий в чистом, так сказать, виде. А мне кажется, еврей – торгошник. Это как?

Писатель много внимания хотел уделить поведению ссыльных в быту. Бытовые сцены помогали выяснить роль каждого и к тому же служили доказательством невозможности осуществления идеального общества в будущем.

Ссылные, чтобы легче жить, сбиваются в коммуны. Но была у организаторов и высшая цель – доказать, так сказать, жизнеспособность коммунальной формы жизни, той формы, которая должна стать основной формой жизни для народа в будущем.

И что же? Ничего не получилось. Переругались, перессорились. Во-первых, вклад в дело коммуны со стороны разных лиц оказался разным. Одни работали как дьяволы, другие руководили... Тунеядцы, трудяги и пр. Как в муравьином царстве. Но люди ведь не муравьи.

Во-вторых, выявилось еще нечто большее, чем неравенство в труде. Выявилась несовместимость характеров людей.

В-третьих, природа человека оказалась куда более сложной, чем они полагали.

Некоторые не очень задумывались над экспериментом: отмахивались. Мол, ерунда, какая коммуна может быть в недрах чуждого общества. Для того и революцию делаем, чтобы разрушить его, это общество, и дать простор, ветер для настоящей коммуны.

А некоторые задумывались. Раз они, революционеры, люди, мнящие себя передовыми, не ужились вместе, то как уживутся крестьяне, рабочие...

Словом, споры, споры, споры. Некоторые из этого неудавшегося опыта делают радикальные выводы.

Глядя на них, крестьяне говорят: хотят революцию делать, хотят новую Россию строить, а сами друг с другом ужиться не могут. Так какие же они поводыри нации? Да они всю Россию рассорят...

СПОРЫ О БУДУЩЕМ

Возможна ли идеальная форма общества? Возможен ли хрустальный дворец Чернышевского?

– Нет, – говорит один из ссыльных. – Все известные утопии будущего всегда остаются утопиями, потому что они основаны на песке. Без учета человеческой природы.

Утопии исходят из того, что человек – коллективное существо. А он – особь, индивидуалист по своей природе. Да, революцию осуществить можно. А дальше что? Что, когда пройдет всеобщий подъем? Революция – вспышка, зарница в человеческой жизни, а затем начинается обыденная проза. В права вступит человеческая природа. И вот тут-то и наступит осечка.

Какие производительные стимулы у утопистов? Сознательность, коллективизм. А у противников – частная собственность. Природный инстинкт («Мое» – говорит ребенок). Собственность – проклятие. Согласен. Она разделяет людей. Но ведь она и все созидает. Самый могучий стимул созидания. Итак, производительные силы исходят из самой природы человека. Инстинкт.

А у вас что? Благие упования на переделку человече-

ской природы. Стимулы, выводимые из ваших воспитательных принципов, – коллективизм, сознательность и т. д. А если этого не будет?

Кто же оказывается более сильным в единоборстве? Те, которые учитывают человеческую природу, или те, которые исходят из идеалистических представлений о человеке?

Да, революцию можно сделать. Не в этом вопрос. Вопрос в том, как создать новые стимулы производительности. Как индивидуалистический, собственнический инстинкт заменить новым стимулом? А если не будет этого нового стимула, все вернется на круги своя.

Все оптимистические (утопические) прогнозы революционных демократов на будущее основаны на их одностороннем понимании человеческой природы (можно перевоспитать).

Им возражает Достоевский: Ошибаетесь. Человека нельзя переделать. А потому будущее – не рай, а крушение мира, человека и человечества...

– Прежде чем строить социализм, нужно подготовить сознание людей. Нужно построить социализм в душах людей.

– Значит, по церковному? Еще тысячу лет строить Бога в душе?

– Социализм исходит из того, что человек добр и прекрасен и по своей природе, которая искажается лишь внешними условиями... Но так ли это? Добр ли человек по своей природе?... Где принципы, на которых будет строиться будущая жизнь?

Какого этического кодекса придерживаться? Пригоден ли нравственный кодекс Рахметова для широких масс?

Буров за горение, за самосжигание. А тление, половичатость – удел мещанства.

– Но все ли могут быть Рахметовыми? Да и надо ли?

– А, ты свой гнилой либерализм оправдываешь.

– Я-то могу быть Рахметовым. Не во мне дело. А другие не могут. Так что же – на них крест поставить? А почему? Почему они должны жить по кодексу Рахметова? Я думаю, жизнь перестала бы быть жизнью, если бы все стали придерживаться его.

Реальный кодекс будущего социалистического общества должен быть достаточно широким, чтобы в нем было место и для максималистов и для обычных людей, которые, скажем, живут роевой жизнью...

– Понятно. Дай десять заповедей Христа.

– А почему бы и нет? Требовать, чтобы моралью Рахметова руководствовались все – значит не уважать, ненавидеть людей.

В этическом кодексе максималистов, в требовании всеобщего житейского аскетизма заложен антидемократизм, презрительное отношение к массам.

В книге звучал вопрос и об опасности тирании, неограниченной диктатуры личности.

– Хорошо. Революция победит. Вы станете у власти. Но где гарантия, что какой-нибудь подлец не попытается свернуть шею революции, захочет стать диктатором?

– А на что партия? И разве можно допустить, что к руководству пробьется такой человек? Да и где он среди революционеров? Страной будут править люди, которые прошли великую школу страданий.

– А если все-таки найдется такой человек? И скрутит своих товарищей в бараний рог. Где гарантии?

– Так может рассуждать только ренегат. Это в духе «Вех». Моднo сейчас.

– Нет, ты постой. Возможно это теоретически? Единственным заслоном против этого мог бы быть народ. Но ведь для этого народ должен быть политически воспитанным. А он неграмотный. Страна рабов.

– Давай об этом говорить, когда победит революция.

– Но, отправляясь в великий поход, я думаю, надо хорошо знать дорогу... Теория нужна.

Ему не дали договорить. Это казалось предательством, отступничеством, а тут были люди, для которых революция – святыня. Ею они жили и дышали.

Юра Сорокин Бурову:

– А если то, что вы хотите осуществить, осуществит другая партия? Вы бы согласились помогать ей, а не править?

– Нет такой партии.

-
- А если есть? Я это как гипотезу высказываю.
 - Мы мыслим не гипотезами, а реальными категориями.
 - Мне кажется, вас интересует прежде всего власть. Захват власти. Любой ценой. Вы у власти. А на благо, на интересы народа наплевать. Все средства хороши. Цель оправдывает средства.

В спорах ссыльных Абрамов хотел использовать письмо читательницы, которая приводила слова из газеты военного времени:

«Перед современными людьми встает задача огромных размеров, задача эта – духовная.

Каждый из нас, жаждущих светлого будущего, должен признать себя творцом этого будущего и должен взять на себя перевоспитание своей собственной души.

Светлые страницы истории создаются душой народа, а она складывается из всех нас, из наших помыслов и воледействий, из наших верований, надежд и стремлений.

Первым шагом к такому перевоспитанию будет перенесение ответственности за все совершающееся с внешних причин на внутренние.

Вторым – яркое сознание своей ответственности, своего непрерывного участия в создании этих причин. Мы должны помнить постоянно, что нашими помыслами и стремлениями, если они мелки, нечисты и себялюбивы, мы заражаем внутреннее настроение нашего народа, и никакие учреждения, если бы даже они были совершенными, не сделают нас счастливыми, если Душа Народа отравлена внутренней нечистотой.

Мы должны постоянно помнить, что наша невидимая связь со всеми другими до того тесна и неразрывна, что, очищая себя, мы тем самым очищаем и других, поднимаясь, мы поднимаем всех. Размер влияния зависит от размера наших сил, но все равно велики они или малы – влияние наше несомненно».

Фанатикам революционерам в книге противостоит местная интеллигенция народнического толка.

В наброске «К сюжету» 24 декабря 1979 года Абрамов писал:

А. Ф. Калининцев, 1937

«У меня пока жизнь ссыльных и борьба в их стане носит абстрактный характер.

Надо во весь рост выписать их противников. А кто главные противники революционеров-разрушителей? Интеллигенция народнического толка. Просветители-культурники. Четыре фигуры:

1. Врач Полонский (из бывших ссыльных).
2. Учителя (Литвинов, Калининцев)*.
3. Батюшка Аникий.

Каждый из них врачует особую область в народной жизни. Врач собирает средства и строит больницу в Ельче. На сборы денег, на строительство больницы он кладет всего себя. Претерпевает унижения от богачей, когда собирает средства, льстит... А как он живет, как работает? Ревматизм получил... И вот благодарность. Революцио-

* Учителя Литвинов и Калининцев – реальные личности.

Григорий Иванович Литвинов – учитель в Веркольской сельской школе с 1890 года. Не только хороший учитель, но и мастеровой, сам делал шкафы и стулья, выполнял инкрустации по дереву. Погиб в гражданскую войну, убит белыми.

Алексей Федорович Калининцев – учитель в Карпогорской школе в 1910-е годы. Позднее, в 30-е годы, у него учился Федор Абрамов и не раз восторженно вспоминал о нем (см.: Собр. соч. Т. 5. Стр. 337–341).

неры-профессионалы нападают на него как на первого врага своего, а значит, и народа. Потому что он отвлекает народ от революции, он – главное препятствие на пути революции...

Врача приглашают на собрание революционеров, где идет разговор о задачах революции. И тут врач, который в тот день был особенно счастлив (больница близка к завершению), получает зубодробительный удар.

Не вызывает сочувствия у ссыльных докладчиков и деятельность учителя, а тем более попа. Они все трое вместе – приспешники богатеев, выкормыши, лакеи...

Главная схватка между ссыльными и либеральной интеллигенцией – за молодежь. Ссылным удастся перетянуть молодежь на свою сторону. Разрушительные идеи, романтически-утопические идеалы революционеров оказываются ближе, заманчивее для молодежи, нежели идеи культурничества и просветительства. Равенство, свобода, братство – какие блистательные лозунги. А что предлагают народники? Работа, работа...

Местная интеллигенция (учителя, врачи)... Вопрос старый. Роковой для России – страшная отсталость деревни от города. И в XIX – начале XX века этот вопрос стоял перед русской интеллигенцией. Интеллигенция считала своим долгом идти в села, деревни, сеять доброе, вечное. И эту интеллигенцию немногие тогда ценили. Во всяком случае, большевики не воздали ей должное, потому что, помышляя только о революции, они не придавали должного значения культурно-просветительской работе в народе. Малые дела. Отвлекают от революции... А на самом деле революция потом кровью расплачивается за бескультурие.

Спор интеллигентов с большевиками. Теоретически разбиты. Действительно – что же выше революции?

А потом – помощь народу (спас жизнь человеку) – и нет, стойте: жизнь шире революции. Жизнь не сводится к революции. Есть польза и от меня.

– Помогите каждому, устройте каждого – и на земле наступит царство красоты и справедливости.

ПОЛОНСКИЙ

Врач, который «забросил» революцию ради помощи бедным и сирым.

Почему стал сторонником малых дел, народником?

Сослан на Пинегу как революционер. Приверженец революции, решительный противник малых дел... Но вот приехал в Ельчу. Нет больницы. Невежество. Люди умирают... Отвернуться от них? Но почему этих людей приносить в жертву будущему? Чем они хуже? Человек живет один раз. А потом – гуманизм. Без сердца нет революции... Это же так понятно... Революция – это любовь. Любовь не к человеку вообще, не к тому, который придет в будущем, не к будущему человеку, а к живому, который сейчас живет.

Полонский решил: не имеет права смотреть на горе народное со стороны. Должен помочь людям сейчас, сию минуту, не откладывая на завтра. Революционность победила христианская любовь к ближнему. ..

Он стал лечить людей, стал строить больницу, стал просить денег у богатых. Да, да, ради больницы пошел на все...

В деревне происходит бойня. И все кончается тем, что больницу сжигают. Врач на пепелище. И к какой мысли он приходит? Все надо начинать сызнова. Ничего другого нет. Бесчинство, разбой, учиненные в деревне, лишний раз убеждают врача в том, что единственный путь для России – путь культурного развития. И избави боже от революции в масштабах страны. Может быть, он создает и потребительское общество... А в гражданскую войну, может быть, этого Полонского судят те же самые ссыльные. Судят за то, что задерживал революцию, отвлекал людей от революции. Чем? Своими больницами, своими потребиловками.

Да, этот тип должен пройти через всю эпопею. От начала до конца.

Трагическая фигура! Извечная трагедия русского интеллигента, желающего служить народу. Его ненавидят левые экстремисты, да и сам народ не больно ценит... Не окажется ли он в конечном счете в стане белых? Может быть, те обманом заманили его? Обещали – мы осуществим твои идеи.

Мы против террора, за народ. А потом выясняется – они кро-
вопийцы еще больше. И их опалает одна страсть – стремле-
ние к власти. Полонский отходит от них.

Трагедия... Ему говорят: третьего пути нет. А третий путь
есть: не разрушать, а созидать, работать.

Рядом с Полонским – учитель Калининцев.

Оба из народа, оба за народ. Полонского сослали за ка-
кой-то антиправительственный поступок. Калининцев пошел
в народ сам, по убеждению. Запоздалый народник... После
революции, в годы реакции... разброд в среде интеллиген-
ции... Народная интеллигенция не стонала. Строила... И де-
виз был один: что бы ни произошло, какая бы революция ни
была, а без больниц, без школ – никуда.

ИТОГИ ПРЕБЫВАНИЯ ССЫЛЬНЫХ НА ПИНЕГЕ

Взбудоражили, всколыхнули людей и ушли. А жизнь с ее
неразрешенными задачами осталась. Остался народ и зем-
ская интеллигенция.

По этому поводу кто-то из интеллигентов-земцев (По-
лонский, учитель) говорит:

– Взыграли, как весенние ручьи: опьянили, взбудоражи-
ли, возбудили мечты, а потом схлынули в реку, в море, и
осталась нива народной жизни. И ее надо пахать, возделы-
вать, засеивать, пропалывать, освободить от сорняков.
И так не год, не два, не десять лет, а всю жизнь.

И это наше с вами дело. Нас – жуков и червей навозных,
как нас окрестили ссыльные.

ЮРА СОРОКИН

*Юра Сорокин – самый молодой, самый непосредствен-
ный и искренний среди ссыльных.*

*Абрамова интересовала его биография, эволюция его
взглядов и меняющееся мироотношение. Он один из свет-
лых, праведных людей: он стремится жить по совести, по
правде, ищет истину, хочет понять, как должно жить.*

*Путь Юры многозначителен, как путь прозрения идеали-
ста, революционера-романтика в столкновении с реальной
жизнью народа.*

Поначалу, в юности, еще в Петербурге Юра был примерным гимназистом, к политическим кружкам не примыкал: некогда. Надо деньги зарабатывать. Одна мать, сельская учительница. В гимназии на казенный счет учился и всяких вольностей сторонился.

Родители – народники. Из тех семидесятников-восьмидесятников, которые пошли в народ. В терроре разочаровались, на революцию крестьянина не поднять. Что делать? Идти в народ, учить мужика.

Отец – фельдшер (ушел из университета). Юра отца почти не помнит, сгорел от чахотки, но у людей оставил по себе хорошую память. Заложил строительство сельской больницы.

Но затем Юру увлекла революционная романтика подпольных кружков. Первые революционные листовки... новые, неведомые слова, такие необычные, духоподъемные.

Абрамов хотел использовать в биографии Юры юношеские увлечения Соколова-Микитова, А. Грина, который тоже был в ссылке на Пинеге.

О своем преступлении, за которое он был сослан, Юра рассказывает Огнейке:

– Портрет царя сорвал со стены в классе.

– Царя? Да ты что, с ума сошел?

– Он сошел. Царь... Год назад 9 января питерские рабочие, доведенные до отчаяния нищетой, отправились к царскому дворцу, чтобы вручить ему петицию, бумагу, в которой были описаны все их беды... Царь приказал расстрелять народ. И вот тысяча человек были убиты.

– И ты за это сорвал царя со стены?

– Да, во время утренней молитвы, когда нас выстроили в актовом зале гимназии и батюшка возгласил многие лета царю нашему, я выскочил из рядов, подбежал к портрету, выхватил нож и хотел в знак своего протеста пырнуть в портрет ножом. Но меня схватили учителя... А потом увели в жандармерию...

В ссылке Юра всему учился заново. Политический младенец. А потому все воспринималось обостренно и свежо.

Вначале была только беспредельная романтика – высокие слова о революции, о ненависти к тиранам, о любви к угнетенному брату (огромный подъем! Счастливейшие дни!), а потом уже живые революционеры, реальный мир революции.

На Пинеге, в Архангельске или раньше Юра встретился с реальными революционерами.

И что же? Все за революцию, все за народ, все за свободу, за справедливость – но какая разница в революционерах, какая вражда между ними! Вражда не на жизнь, а на смерть. И это поначалу его просто оглушило. Этого он не понимал. А потом наступило самое трудное: надо было выбирать между революционерами. Надо было определиться. Все спрашивают, с кем ты, кто ты, что исповедуешь? А что он мог сказать?

Говорил эсер – он воспламенялся, говорил большевик – он тоже увлекался, говорил запоздалый народник, «апологет кулака», как расценивали его иные ссыльные, он и в его словах находил правду. Впечатление было такое: все за народ, все против угнетателей. Но народ в их устах был разный. Они по-разному говорили о конкретном мужике. И однажды Юра плюнул на все политические платформы и пришел, как ему казалось, к единственно правильному выводу: начать с изучения этого самого народа, этого самого мужика, из-за которого весь сыр-бор.

Юра, несмотря на проклятия товарищей, входит в обычную крестьянскую жизнь. Изучает весь крестьянский мир: нравы, обычаи, ремесла – до всего ему дело! И затем – этнографию, фольклор.

Между прочим, читает «Калевалу» и русские сказки. И приходит, как ему кажется, к потрясающему выводу: особенности национального характера уже там, в истоках эпоса. Финн – все своими руками, а русский: расчет на чудо... А от этого наблюдения он приходит к другому очень важному выводу: теория марксизма не может быть приемлема для всех народов... о национальном своеобразии социализма.

ЖИЗНЬ И ТЕОРИЯ

Только что до хрипоты, до одури спорили ссыльные. Что такое Россия? Куда идет? Как перестроить? А вот Юра вышел на волю – и к чертям все теории. Красота жизни захватила его. Да и что все эти придумки, называемые теориями? Они же вторичны. Разве могут равняться с жизнью, с древом жизни, вечно зеленым и шумящим?

И человек... Что они говорили только что о человеке? Разве то реальный человек. А вот он, реальный человек. Идет крестьянин... девчонка... И может, не мудрствовать, а помогать им? Может, они не хуже нас, а лучше? От них жизнью пахнет, они сами жизнь... С чего мы решили, что мы выше, имеем право учить их? А если нам поучиться у них? И почему насилие? Силой учить? Два потока жизни... Не лучше ли слить?

Пролетариат... Выше, сильнее. Более организованная личность? А так ли это? Личность, мир которой каждый день железная гайка, – богаче, чем человек, мир которого вся вселенная?

Все, все встало с головы на ноги у Юры. Было страшно, но и радостно. Великое освобождение испытывает Юра... Рождается новый человек... Путь избран. С народом. С жизнью...

Кто кого должен учить? А те и другие.

Интеллигенция – у крестьян, у народа, у рабочих, крестьяне, народ – у интеллигенции.

Юра отказался принадлежать к левым и правым. Он объявил себя вне партий, просто человеком.

Спор. Можно ли быть вне партий? Можно ли быть просто человеком?

Из всех ссыльных больше всего пришелся по душе Анисимовым Юра. Предельно искренний, открытый человек. Рыжий, глаза голубые, детские. Рыжие, почти белые, брови, взгляд серьезный. Но глаза-то голубые, какая-то бесхитростная голубизна. И пухлый большой детский рот. Очки вечно сползают.

Огнейка впервые увидела человека в очках, да еще такого молоденького. И она выпытывает у него:

– А ты без очков видишь?

– Плохо.

– Ну как плохо? – Отходит от него. – Ну вот так меня видишь? А мне можно взглянуть?

– А почему же нет? Огнейка надевает очки, всех смешит.

Юру она часто встречает смехом. Он смущается, мигает из-под очков.

– Неужели я такой смешной? Ну хочешь, я сниму их?

– Но ты же ничего не увидишь.

– Но я не буду тогда смешным.

Он снял очки. Огнейка засмеялась еще больше:

– Ой, ой! Он еще смешнее. Надень их скорее. Действительно, вид Юры был смешон, вернее, детски трогателен.

У Юры, казалось бы, наивные глаза. Но взгляд глубокий, пронизательный, сосредоточенный... Немножко сутуловат – от привычки думать на ходу.

Огнейка при первой встрече спрашивает:

– А почему у тебя морщины на лбу? А у нашего Саввы нет?

– Он много думает...

Огнейка приносит с передызья прялку. Садится, прядет. Прялка маленькая, игрушечная. Юра поражен: такая маленькая – и прядет...

– И не маленькая, а десять лет. У нас все такие-то прядут...

Юра первый раз увидел прясло.

– Что это за заборы?

– Прясло.

– Что такое прясло?

– Снопы вешать.

– Зачем?

– Чтобы сохли.

– А зачем сохли?

Это Огнейка передразнивает:

– Какие-то глупые люди приехали. Ничего не знают. С разрешения начальства (молодой, внушающий симпатию с первого взгляда) или самовольно идет в Чаколу для знакомства с Махонькой, с которой впервые встретился в Копанях. Записи ее былин, сказок.

Одновременно Юра встречается с Иваном Порохиным, с ссыльными Ельчи.

Вырывается на просторы жизни. Очарован жизнью.

Раздвоенность. Надо было бы везде видеть признаки угнетения, невежества, эксплуатации, невыносимого гнета. А он в упоении от жизни. А потому постоянные самоупреки: плохой революционер. Где ему до Бурова? Где классовое чутье?

Весь образ Юры на противоречии между жизнью живой и веригами мертвой теории...

Юра усвоил: ко всему надо подходить с позиции классовости. Кулак – враг, лавочник – враг, крестьянин – неполноценный человек. А на практике нередко все бывает наоборот. Надо бы ненавидеть Ставрова, а он любит его удалю. Надо бы любить бедняка – Антоху Чаусова, а он его ненавидит. И т. д. и т. п. ...Все время сползает с классовых позиций на общечеловеческие. Отсюда постоянное самомучение, зависть и преклонение перед Буровым (живой Рахметов!), сознание своей неполноценности. Случайный он человек. Слишком он любит жизнь.

Да, жизнь постоянно берет в нем верх над теоретическими выкладками. Временами он сам отдается ее радостям. Так бывает, когда он заходит к Порохиным. Бедняцкая семья и влюбленность в Огнейку, Федосью.

И так было, когда он отправился в Ельчу. Пешком. На паромах. Пинега. Речные луга. Леса. Люди. Травы... Уха... Огонек...

А Махонька чему учит? Он спрашивает ее: нравятся ли ей городские, то есть политические ссыльные?

– Нет.

– Почему?

– А жизни они не любят. Гордыни много. Нос больно задирают.

– А Буров?

– Он-то вот и не нравится. Холодный. При солнышке душа мерзнет. Летом от него холодно.

Юра потрясающие открытия делает, когда встречается с Махонькой. О природе человека. Нищенка. Можно любить ее. Но вот что открылось ему: Махоньку не тяготит

нищенство. Она самый счастливый человек и в нищенстве. И что ей даст революция?.. Благодаря Махоньке он взрослеет, становится другим человеком, преодолевает теоретический инфантилизм. Благодаря Махоньке ему открывается русская история, русский человек... Махонька не любит бедняков. Лодыри. Духом нищие, ничего не знают.

Посещает Юра и монастырь, знакомится с настоятелем Варсонофием. Решил отбросить все предвзятости на пути познания жизни. Все надо знать, в том числе и мир религии.

Зашел в монастырь на службу. Поражен. Вот образец духовности и бескорыстия. Разве сравнишь с ним его товарищей? Кто он? Что он? Откуда? Духовный пастырь в наши дни – это что такое? Неужели можно верить? Идет к нему на беседу. Добивается.

Говорят о вере.

– Вера в природе человека. Нет человека неверующего.

– Большевики не верят.

– Они не верят в Бога, но верят в человека. Это еще хуже. А обожествление пролетариата?..

Разочарование. Живет в роскоши. Слово расходится с делом...

Рассуждения о церкви. Почему церковь утратила первоначальную чистоту и суровость? Почему в нее проникло золото? (И в ней стали поклоняться золоту.) Потому что развратились пастыри? Церковь должна была приспособиться к времени (цивилизация), к богатым, к тому, что чтят в миру, если она хочет быть массовой. Иначе она вырождается в секту.

Почему появилась роскошь в церкви? Только ли в этом виноваты сами князья церкви? Или – всякое большое движение, как и революция: сперва – чистота идей, огонь идей, потом – «озолочение» идей.

Юра ведет дневник. Тут и раздумья над тем, чем питается северный крестьянин. Почему у него нет цинги (капуста, ягоды, грибы...). Об интеллигенции – о революционерах, о народниках. Может быть, о встрече с Калинцевым.

Что такое Полонский? Правильно ли освещает наша литература земскую интеллигенцию?

Юра записывает: научиться косить, нельзя помогать народу, не зная, чем он живет.

ИЗ ДНЕВНИКА ЮРЫ

Белые ночи. Что такое? Хозяйственное значение. Как разумно устроено. Открытие поразило. Справиться в литературе. Известно ли это. На другой день. Плохой из меня открыватель. Оказывается, про значение белых ночей знают даже крестьяне.

О Севере. Раньше представлял себе Север диким, темным, а на самом деле это наиболее развитый край России. Крестьянские библиотеки.

О северянах. Страшные обстоятельства жизни, но какие люди! Темно, а светло. Потому что люди, человеческие характеры – здешнее солнце. Нет долго солнца – от людей свет.

В людях спрессовано солнце, тепло. Доброта. И она греет. Так и должно быть. Иначе бы люди не выжили в этих условиях.

Хорошие качества северян: 1. Нет замков. 2. Честность – отношения на слове, а не на бумаге. 3. Здороваются с каждым. 4. Всегда накормят, напоят. Не это ли живая вода человеческой жизни?

Почему северяне очень чутки к запахам и часто равнодушны к цвету? Практическая необходимость – охота.

Почему киевские былины нашли себе пристанище на Севере? Почему не в Средней России? 1. Не было крепостного права. 2. Сродни героизм былинных богатырей северянину, помору, который в непрерывных битвах с природой.

Юра не верил своим глазам. Он думал: в былинах, в песнях только о таких домах поется, а тут наяву. Хоромы. Дворцы. Сени. Горницы... По-иному открылась история народа.

Дома старинные – деревянные поэмы. А как назвать деревянные церкви и соборы? Торжественный хорал, пламенная песнь из дерева, молитва красоте...

Северное гостеприимство

Гостеприимство радушное – отличительная черта первобытных народов. Северное гостеприимство – от патриархальной старины. Ему удивляются ссыльные. Но кто-то доискивается до объяснения.

«Кто сидел на печи, – говорит русский простолюдin, – тот уже не гость, а свой».

На Севере странников принимают с благоговейным уважением, ибо Бог посылает урожай. Брать с проезжих и путников деньги за обед или ужин – грех. «Хлеб-соль не попустит на зло». «Хлеб-соль не бранятся».

Воля

Север поражает просторами, масштабами. Все большое, безразмерное. И это не могло не отразиться на характере северянина. У него, так сказать, свобода неотделима от просторов. Он даже слово особое придумал: воля.

А противоположность ему – смирение, терпение, сознание своей безграничной малости перед силами морской стихии.

Отсюда в характере северянина, как нигде в России, сочетаются эти два взаимоисключающие начала. С одной стороны – размах, широта, стремление к просторам, к воле. А с другой стороны – тихость, смирение, особое ощущение братства, соборности, артельности...

Третий день слушаю Махоньку. Три дня читает стихи... Какая память! Гомер... С изумлением всматриваюсь. В ней вся наша история. Народ сам, с пеленок творит свою историю. И прежде чем что-либо делать, надо изучить эту написанную историю.

А что знают наши революционеры? Махонька была в Ельче. Как смотрели ссыльные на нее? Как на дурочку. Как на блаженную, как на юродивую.

Спали шоры с глаз. Гляжу на мир, на людей, как заново рожденный. Раньше все подгонял к теории, теперь – широкий, самостоятельный взгляд. Э, нет, самостоятельного взгляда не может быть. Человек – всегда классовые взгляды в индивидуальной упаковке. А вот и есть...

Итак, выбор сделан. Иду в народ. Как можно заниматься революцией, не зная народа, ради которого она делается?

Всякий ли может быть революционером?

Революционер самое высокое звание. Он не только разрушитель, он прежде всего учитель.

А отвечают ли этому требованию наши революционеры? Они хотят вести за собой народ. А как вести, если они ниже в нравственном отношении народа?

Революция, не освещенная великим нравственным светом, может кончиться только небывалым хаосом, разрушением.

Сперва усовершенствуй себя, а потом помогай другим. Как можно служить кому-либо другому, не постигнув своего внутреннего я! Возлюби себя! Только если будет гореть ваш внутренний огонь, вы сможете помогать другим – иначе служение ваше будет злом. А в мире и так достаточно зла из-за большого количества революционеров, социальных реформаторов, самозванных служителей. Они порождают зло, они порождают хаос, и это естественно, потому что они начали помогать другим, не достигнув своей собственной правды. Когда вы имеете внутри свет, вы можете поделиться своим светом с кем-то другим, но если вы не обладаете светом, как вы можете с ним поделиться? Как можно поделиться тем, чего не имеешь?

Однажды к Будде пришел человек. Это был великий революционер, и он спросил Будду: «Скажи мне, как я могу служить другим? Во мне живет глубокое сострадание, и я хотел бы всех осчастливить». Будда посмотрел на него и опечалился. Человек спросил его: «Почему ты стал таким печальным?» Будда ответил: «Это трудно, ты сам не выглядишь счастливым, а намереваешься сделать всех счастливыми. Как ты можешь поделиться тем, чего сам не имеешь?»

Этот дневник он оставляет Огнейке. Потом она вручает ему. Он просматривает его. Удивлен наивности. Но вместе с тем и дорого, много важного...

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА. ЩЕННИКОВ. КУДРИН. КУЛАКОВ

Предметом изображения во второй книге трилогии должна была быть гражданская война на Пинеге. Материалы о ней Федор Абрамов собирал в конце 1950–начале 1960-х годов, когда он намеревался писать роман только о гражданской войне. Тогда он сам побывал на местах сражений, беседовал со старожилами, совместно с земляком Г. Щербаковым проплыл на плотике тем путем, которым двигался отряд красных под руководством Щенникова и Кулакова. Много заметок было сделано о боях гражданской войны, о наступлении и отступлении красных, об отношении к ним сельского населения, о столкновениях с белогвардейцами и английскими интервентами.

Заметки и документальный материал собраны в объемной папке «Гражданская война на Пинеге».

Весь этот обширный материал может стать предметом специальных публикаций. А пока уместно остановить внимание только на главных фигурах второй книги, которые были реальными участниками гражданской войны на Пинеге и представляют собой три разных социально-психологических типа. Это командир Щенников, комиссар Кулаков и комбриг Кудрин, которые командовали в те годы Пинежским фронтом.

Кудрин – офицер царской армии, с высшим образованием, умный и думающий интеллигент.

Щенников и Кулаков – выходцы из народной среды. Два человека, вышедшие из народа. Но как они различны! Кулаков – воплощение томящегося русского духа. Щенников – грубая сила революции, решительная, все ломающая.

Один – воплощение мятежных анархических сил русской души, русской революции. Безбрежная стихия! Она способна затопить все. Но и этот тип деятеля оказывается нужен, как нужна сама анархическая стихия.

Кудрин часто замечал, что слово Щенникова, по крайней мере на первых порах, более доходчиво до сердец крестьян и красноармейцев, чем слово Кулакова. Хотя он говорил са-

мые примитивные вещи. Но потом положение изменилось. Это было отражение роста самой революции, самих крестьян.

У Кулакова была опасность: мала культура. А при сосредоточии власти в его руках это было опасно. Так оно и случилось.

А кто же сам Кудрин? Он умнее того и другого. Но он в стороне. Он не может найти контакта с людьми.

Биография Щенникова (со слов жены Щенникова Матрены Илларионовны).

Родился в крестьянской семье (Саратовская область?), 16-ти лет отправился в Баку искать работу. Шел долго – дорогой пас свиней, жил в работниках и тем кормился.

В Баку познакомился с революционерами – по-видимому, анархистами-террористами. Участвовал в покушении на губернатора. Бомбу бросил чистильщик-армянин. Был осужден и сослан на Север в 1907 году на 5 лет. Было тогда Щенникову 18 лет.

В 1912 году, после отбытия срока, был призван в армию. Потом оказался в Красном селе(?), познакомился с Кулаковым и большевиками. Но анархист, характер прорвались. Как-то с товарищем возвращались в казарму. Наткнулись на жандарма, который выслеживал их.

– Давай окрестим его в новую веру, – сказал Щенников. И окрестили. Выкупали жандарма в бочке.

После революции Щенникова направили (по-видимому, по решению Северного бюро) в Архангельск, а оттуда на Пинегу.

Как и в изображении ссыльных, так и в книге о гражданской войне Абрамов воспроизводит споры главных героев, их разное отношение к человеку, народу, боевым сражениям.

Щенников упрекает Кудрина в отрыве от жизни, от реальности:

– Все паришь. На звезды смотришь. А надо к земле поближе.

– Нет, человека надо подтягивать к звездам. В этом смысл революции. Нам звездности не хватает.

– Что?

– Я говорю, что люди слишком приросли к земле.

– Ты эти офицерские штучки выбрось из головы, Благородие. Мы этих офицеров, знаешь, куда...

– Между прочим в Красной армии командуют офицеры. И я офицер – командующий Пинежским фронтом.

Кудрин на оранье Щенникова не обращает внимания.

– В следующий раз, если вы будете орать, выведу. Щенникову дико, что Кудрин ест только белый хлеб.

– Белый хлеб ем, потому что другого не могу.

Но самое страшное, по мнению Щенникова, другое: не комиссар влияет на Кудрина, а Кудрин на комиссара. Небывалый случай! Зачем тогда комиссар?

– А если он умнее меня? Тогда как?

Кулаков, по крайней мере, так для себя решил: нечему учиться у него Кудрину, а он, Кулаков, у Кудрина должен учиться.

КУЛАКОВ И КУДРИН

Однажды Кулаков вбежал к Кудрину – радостный, в руках газета.

– Смотри, наши-то, наши-то!

Кудрин посмотрел, но радости не выразил.

– Ты что? – удивился Кулаков. – Не рад?

– Нет, отчего же. Все ближе к концу.

– А я радуюсь, что вот мы расколотили сорок тысяч...

– Н-да... А ты знаешь, во сколько обходится государству подготовка одного офицера?

– Какому государству?

Короче, разговор заходит серьезный. Кудрин рассматривает гражданскую войну как истребление лучших сил нации (с той и с другой стороны).

– Четыре года... А другие страны куда за это время уйдут? Да потом восстановление. Я думаю, что люди не будут решать этим способом проблемы. Слишком дорого.

– Ты что же, против диктатуры пролетариата? Давай говори...

Разговор об офицерах. И Кудрин вспоминает одного офицера, который учился с ним. Этот офицер ушел в белую армию. Расстреляли. А какой это математик...

– Математиков мы своих вырастим. Кудрин покачал головой.

– Гении неповторимы. Может быть, такого и не будет. Может быть, смерть его на десятилетие задержит человечество. По крайней мере, Россию.

– Как это?

– Как? А вот представь себе открытие. Мы вступаем в век, когда наука становится самым главным помощником человечества, руководящей силой. Радий. Атомная энергия... Самолеты. Ракеты.

Вот есть чудак Циолковский. Со временем человечество полетит на планеты.

А потом вот самое страшное: мы интеллигенцию уничтожим.

Кулаков вышел. Все было для него ново. Наука... А потом стал мучить вопрос: кто же такой этот Кудрин. И как комиссар должен поступить с ним? Может быть, доложить: непригоден.

Идет снова объясняться с Кудриным.

Потом докладная Кудрина о ликвидации Пинежского фронта. Кулаков взбешен. Такой энтузиазм у народа...

– А зачем жертвы? Нас сейчас расколотят. А Архангельск и так будет взят.

КУДРИН

Надо сделать сложным человеком.

Очень внутренне собран, воспитан, сдержан в чувствах, всегда ровен в обращении – оттого кажется сухарем.

Он слишком уважал людей, чтобы подыгрывать к ним, быть за панибрата.

Масса требовала эмоций. У нее работало пока только сердце, чувство. Она вся была во власти страстей, которые распирала ее (и в сердцах людей поднялись не только их собственные страсти, но страсти их отцов, дедов, не нашедшие выхода в свое время и передавшиеся сыновьям).

А Кудрин боялся страстей. Он боялся их с детства (в деревне убили мужика безвинного – самосуд). Надо было не накалять страсти (солдаты и так накалены – раскален воздух, казалось), а, наоборот, гасить, усмирять страсти.

И здесь был главный водораздел между ним и Кулаковым. И на этой почве они сталкивались не раз.

То, что восхищало в Кулакове других, не восхищало Кудрина.

– Ты не любишь людей! – порицал его Кулаков.

– А что значит любить человека? Я хочу, чтобы он не только глотку рвал, но и думал.

Особенно жестокая схватка между ними произошла в связи с планами наступления на Пинегу и выход на Двину.

– Это провокация, – говорил Кудрин. – Кто-то посеял слух.

– Сами рвутся.

– Тем хуже. Во-первых, нам нечем взять Пинегу. Нас расхлещет. А во-вторых, даже если бы мы и взяли. Что это меняет, что это дает? Вот ты меня упрекаешь – я не люблю людей. А ты, который любишь, сколько их положат головы? На что мне такая любовь. И нужна ли она им? Они назлектризованы. Они не думают. Но мы-то с тобой должны думать. Зачем тогда мы?

– Это паника. Неверие в народ. А потом – ни революция, ни одно сражение без жертв не бывает.

– Верно. Но вся задача состоит в том, чтобы сделать эти жертвы как можно меньше. Архангельск и так будет взят. Зачем же наше лихачество? Кому оно нужно?.. Революция, гражданская война и так дорого обошлись нации, стране...

Кудрин помолчал.

– Вот для тебя интеллигенция – враг.

– Я не Щенников.

– Хорошо. Но во всяком случае офицер, воюющий на стороне белых, только враг.

– А как же иначе? Для тебя нет?

– И для меня враг. И я убиваю их. Но это все не так просто. Мы сейчас убиваем не только врагов. Мы убиваем мозг нации. Как с той, так и с другой стороны.

Как бы мы ни смотрели на интеллигенцию (пусть она враг сегодня). Но она и духовное богатство страны. Интеллигенция – это лучшее, что есть в нации. А русская интеллигенция – выстрадаана. Она слишком дорого обошлась народу. И революция – трагедия для нации. И так когда-нибудь и с этой стороны посмотрят на нашу современность.

– Значит, щадить беляков. Так?

– Жаль, что ты не понимаешь. Хорошо, подойдем с другой стороны. Во имя чего идет борьба?

– Чтобы людям лучше жилось. Во имя нового и свободного человека.

– Так. А ты уверен, что в будущем появится человек лучше и беззаветнее, чем сейчас?

– Уверен.

– А если нет? А что если герои революции – это лучшие люди? По крайней мере, всегда так было... История французской революции. Отсюда вывод: надо дорожить людьми.

И, может быть, Кудрин едет в штаб на Северную Двину и, вопреки мнению Кулакова, требует отмены наступления.

И Кудрин, быть может, знает: он обречен. Ему враг теперь Кулаков, благодаря которому только и поддерживался авторитет его в войсках. Армейская масса его не терпит.

Пойдет на это. Ценой собственной жизни спасти людей. Вот действительная его любовь.

Так оно и вышло.

Когда в Карпогорах вспыхнул бунт, его из красноармейцев никто не защищает. Убежать? Он мог бы убежать. Но он не делает этого. Раньше всем казалось, что он дорожит собою, мало бывает на позициях. А сейчас он остается, хотя возможность бежать была. И когда пришел к нему красноармеец («побежим, товарищ комбриг»), Кудрин обругал его. И красноармеец лишний раз убедился: правильно говорят, сухарь он, безнадежный. Стоит ли спасать такого человека.

Мятежники убивают Кудрина. Это ненужное геройство – он сам знает. Но, может быть, хоть с опозданием поймет Кулаков? Ведь все зависит от Кулакова.

И Кулаков понял. Понял, что Кудрин настоящий человек. Что он прав. Что он мальчишка по сравнению с ним. И вот почему так угнетен Кулаков (он понял, что за человек был Кудрин). Вот почему все замечают, как на их глазах меняется Кулаков: нерешительность, подавленность.

И он не разыскивает Кудрина. Нет больше мальчишеского задора. Он думает только о том, чтобы как можно меньше погибло людей. И устремляется вверх по Пинеге.

Кудрин любил народ, но любил не так, как Кулаков. Кулаков восхищался народом, любовался им. И народ восхищался им.

Недостатки в людях? Ерунда. Потом разберемся, потом будем воспитывать себя.

– А не поздно ли будет? – говорит Кудрин.

Кудрин любил народ требовательной любовью, зрячей. Он видел недостатки. И прежде всего боролся с этими недостатками («Придира»), и это не нравилось людям.

Кудрин – трагедия интеллигента, человека, много понявшего, но ничего не могущего сделать. Ибо ход истории, движение масс, взвихренных и поднятых революцией, нельзя остановить.

ОТСТУПЛЕНИЕ

Страшная драма комиссара Кулакова.

Мужики, которые еще вчера шли под знаменем революции, сегодня отвернулись от нее. Поддались на уговоры каким-то тупицам? Что случилось? Как это могло произойти? Ведь еще вчера положение казалось прочным, незыблемым. А сегодня все развалилось. Как игрушечный домик.

Таков закон отступления? Или он прохлопал, как кто-то вел работу против советской власти, дрался за мужика? Сегодня мятежники козыряют: хватит, походил Щенников с плеткой.

И почему он не остановил вовремя Щенникова, не пресек его замашки? Ведь видел же, понимал, что это несовместимо с действиями представителя советской власти. И вот сегодня воспользовались мятежники этим. Ах, черт побери, сама советская власть била себя нагайкой. Он думал, контрреволюцию из мужика выбивает, а на самом деле советскую власть из него выбивал.

Ему хотелось бы найти сейчас виновника помимо себя и свалить на него всю вину за мятеж. Но мысль его неизменно возвращалась к себе. Он комиссар. И он что-то прохлопал важное.

Думая о причинах мятежа, он иногда склонен был видеть причину всего в извечной крестьянской природе – по-

дай ему все зараз. Царство свободы. Реки молочные с кисельными берегами. А кто их сделает? Ведь их можно было сделать только руками того же мужика. И потребовалось, чтобы проложить эту тропу к кисельным молочным рекам с кисельными берегами, новое, еще большее, чем раньше, напряжение, жертвы, самоотречение. А к этому-то он и не подготовлен. Мужику доступен только язык чувств. Но и это объяснение его не устраивало.

А сам он все сделал? Не виноват ли он сам? Собственно, с чего все началось? С приказа об отступлении.

Еще вчера говорили: «Даешь Архангельск. Ни шагу назад». А завтра – отойти на сотни километров, без боя... И что самое главное – делается это скрытно.

Раньше с мужиком открытый разговор, а сегодня хитрим. В этом все дело.

И мужик начинает хитрить.

Да, он, Кулаков, понимал, что нельзя отступать, не объяснив массам.

Но почему он не настаивал на этом перед командиром дивизии? Почему согласился? Струсил? Боялся осложнений? Службистом стал.

Да, у командования дивизии могла возникнуть такая мысль – отступать без подготовки населения.

В конце концов, оно подходит к делу чисто по-военному. Но он, как он мог не учитывать массы, народ?

Говорят, что внезапность и сохранение в тайне отступления важно, чтобы не знал противник. Возможно, в военном отношении это и даст выигрыш, хотя трудно предположить, что от противника осталось это в тайне. Ведь разведка работает.

Но почему мы не хотим думать о народе? О конкретном, реальном народе? Ведь когда сам народ с нами – никакой противник не страшен. Та же война на Пинеге показала.

Почему надо хитрить с народом? С кем хитрить? С революцией. Ведь наша сила была в прямоте. В самые трудные периоды революции Ленин говорил правду: страшное положение, смертельная опасность. И это удваивало силы народа, утраивало его энергию. А почему нельзя было сознаться в этом сейчас? Народ бы понял.

Да, вот что главное – утрачено доверие к народу. И между нами и народом стал тотчас же кто-то другой.

Думы эти иссушили Кулакова. Он постарел за несколько дней.

Мы, поднятые народом, привыкли думать, что народ всегда с нами. И эта привычка так вкоренилась, что мы уже перестали, решая тот или иной вопрос, принимать во внимание сам народ.

Мы привыкли думать: мы, выразители народа, мы – это сам народ. И вот оказалось, что это не так.

И еще одно: отступление это ведется в интересах революции, народа. Но что такое народ?

Ведь пинежане, которых мы оставили на растерзание врагу, тоже народ. Как сделать, чтобы малое согласовалось с большим?

Страшная вещь: два года назад он вступил в этот край с горсточкой людей и народ всюду встречал восторженно эту горсточку, которая обрастала как снежный ком.

А сегодня, через два года тот же народ выступил против него. Он отступает с большим отрядом, но сила этого отряда меньше горсточки тех людей. Что произошло?

КРАСНЫЙ ТЕРРОР

Сколько было убито на Пинеге? А по всей России?

Сверху предписание – беспощадно, но осмотрительно. Но кто способен разбираться в тонкостях на местах?

Недовольные были устранены, убиты. Оппозиция обезглавлена. Но какие это жертвы! Чем это обернется для будущего?

Не были ли при этом уничтожены наиболее действенные, граждански активные элементы? Вот где нужна была осмотрительность и политическая мудрость!

А урок якобинцев? Террор, развязанный революционерами, обратился против них самих.

Поднявший меч от меча и погибнет.

Да, кто-то должен думать об этом.

А Щенников? Одна разрушительная сила. Сила мести и гнева.

КОНЦОВКА

Едет герой по пинежским деревням – и в каждой кладбище жертв войны.

Мысленный взор его раздвинул стены леса, и перед ним предстала вся страна. И в каждой деревне, в каждом городе – могилы, могилы...

Много полегло народу. Какова-то на их крови всколосится жизнь?

К ФИЛОСОФИИ РОМАНА

В архиве сохранилась еще одна объемная папка под названием «Общие мысли. К философии романа». Часть записей из нее приведена в предшествующих главах. Но осталось еще много заметок более широкого социально-нравственного содержания. Эти заметки требуют от нас дальнейшего соразмышления, ибо касаются многих насущных проблем, по которым и сегодня ведутся споры. Заметки расположены не в хронологическом порядке, а по проблемно-тематическому содержанию. Исключение – первые, самые ранние наброски, где Абрамов осмысляет первоначальный замысел романа только о гражданской войне.

17.X.1958

ВОЙНА НА ПИНЕГЕ

Современное произведение о гражданской войне должно отвечать нескольким требованиям:

1. Оно не должно повторять по своему материалу и концепции предыдущих.

2. Гражданская война в нем должна быть осмыслена с учетом сорокалетнего опыта советской власти. Следовательно, произведение должно отличаться своей концептуальностью, широкими философскими обобщениями и раздумьями. Роман о гражданской войне должен быть романом об эпохе, а не только исторической картиной.

3. Пинежская эпопея должна быть показана в связи с наи-

более характерными процессами, происходящими на Севере и в стране.

История и современность.

Пинежская эпопея, вероятно, богата возможностями.

Во-первых, она может быть необычной по своему материалу. Большого произведения о гражданской войне на Севере еще нет. Северный колорит. Быт, обычаи.

Во-вторых, очень выигрышен материал, связанный с Веркольским монастырем, с его основанием.

Вот наглядно: с одной стороны, создание нового мира, с другой, разрушение старого, олицетворяемого монастырем.

Широко и эпично дать историю монастыря, освоение русскими Севера.

20.X.1958

Вдохновенно, ярко показать, за что боролись люди, как представляли себе будущее. Широким планом – мечты, идеалы партизан. Тогда можно судить, как воплотились эти идеалы в жизнь.

Прошлым, революцией проверить настоящее!

31.X.1958

Сейчас в связи с появлением романа Пастернака «Доктор Живаго» – снова жгучий интерес к революции.

Поэтому мне нельзя ограничиваться изображением еще одного участка гражданской войны.

Роман «Война на Пинеге» должен быть такой книгой, в которой представлены народ и интеллигенция. Такого романа у нас еще не было. И мало того – революция должна рассматриваться на фоне русской истории.

Надо широко ввести интеллигенцию разных направлений. Север позволяет это. Не искусственная натяжка. Место ссылки.

Философские споры интеллигентов о разных путях развития России. Революция и эволюция. Подготовленность народа и... Словом, все теории переустройства общества.

4.XII.1972

Трагедия Шолохова – не стал интеллигентом.

Главная задача русской литературы – слияние интеллигенции с народом. Это сделаю я в романе о гражданской войне.

22.VI.1960

Где истоки беззакония и кровавых злодеяний сталинского режима? Их надо искать, по-видимому, в революции. В годы гражданской войны были посеяны страшные семена (насилие), и эти семена не могли не дать страшные всходы. Жестокости сталинского режима – это жатва того, что было посеяно в революцию.

Одна из бед нашей революции (в широком плане) – упрощенно-классовый подход к человеку.

Человеческие качества как таковые были отброшены. Все решала классовая принадлежность. Раз ты принадлежишь к имущему классу, ты уже враг, ты обречен. Такое отношение к офицерам (Кудрин). С другой стороны, сама принадлежность к бедняцким классам как бы служила мандатом на твою святость, давала ход тебе в жизнь. И разве мало хамов и скотов во главе движения? Это просчет, за который расплачивались те, которые выдвинули этот принцип.

18.X.1962

Однопартийность приводит к вождизму. Судьба страны, народа становится в зависимость от качеств одного человека.

Под знаменем революции можно творить самые чудовищные дела.

Плоха система, которая все надежды возлагает на гуманную личность вождя. А если вождь окажется коварной личностью?

8.III.1976

О ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА

Споры: почему пролетариат должен подавлять всех? Почему диктатура? На смену одной ненависти вы провоз-

глашаете новую ненависть. А задача – всякую ненависть заменить любовью... Это сделало христианство. И в этом его сила.

16.VI.1979

Страшнейшая штука – диктатура. Всякая. И, быть может, всех страшнее диктатура плебей, диктатура пролетариата, которая на деле всегда будет означать диктатуру демагога. Недаром мудрейший Пушкин сказал: «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный».

24.III.1969

Деспотизм правый или деспотизм левый – не все ли равно?

1.IV.1978

Пафос вещи – что делать? Как помочь России? Людям? Сейчас, сегодняшним, живым или будущим, которых еще нет?

Здесь сердцевина конфликта Полонского с марксистами, Юры Сорокина, Вехова и других.

Это вопрос для России вечный. Он и сегодня вопрос номер один. Да и только ли для России?

Соединять то и другое. Помогать и думать о будущем.

30.V.1980

РОССИЯ ИЩЕТ СЕБЯ

Разные поиски, разные пути:

1. Поиски в народной гуще (мечты о Беловодье, миграция в Сибирь, на тучные земли). Жил-жил, и неплохо, да вдруг снялся – не удержать. Не такова ли и Россия? Странничество, бродяжничество – в крови у русских. Набожность (староверы), общинная жизнь.

2. Церковь. Аникий. В области духа христианство – самая великая революция.

3. Революционеры, экстремисты разных мастей.

4. Культурничество и просветительство.

5. Деловая жизнь. Болтовня все эти рассказы о новой жизни. Новую жизнь надо строить. Дороги, города, фабрики, заводы (Иван Порохин).

11.IV.1978

ЧИТАЯ РЕНАНА

История нашей революции и история христианства (от идеализма к практицизму).

Ни в одной стране дух первоначального христианства (утопического коммунизма) не пустил так глубоко корни в душах людей, как в России. И что же удивительного, что революция, воскресившая этот дух в новое время, увлекла Россию (идея утопической справедливости, всеобщего равенства, которое потом вызвало у его истолкователей столько оговорок и поправок).

Нравственный максимализм – изначальное свойство русской души? Самые несбыточные идеи оказались (и всегда оказывались) самыми плодотворными.

Несбыточность, утопии обладают большей взрывчатой силой, чем реальное. Отсюда роль искусства.

2.IX.1979

Величайшее преступление марксизма-ленинизма перед русским народом и всем человечеством, что он убил в людях веру в Бога.

Человек начался не с труда. Человек начался с того момента, когда он узнал Бога.

22.VIII.1972

Русская революция (разночинцы-демократы) началась с отрицания искусства. Очень знаменательно!

Но что значит отрицать искусство? Красоту? Это значит отрицать саму жизнь, ибо красота, искусство есть высшее выражение жизни...

Как можно бороться за будущее, за новую жизнь, не любя самой жизни?

18.VII.1978

Природа человеческая. Злая? Добрая? Меняется? Мож-

но ли переделать общество, игнорируя человеческую природу?

С другой стороны, может ли дать какие-то результаты принцип нравственного самосовершенствования отдельного человека без изменения общественной структуры?

Просвещение. Теория малых дел... Не это ли самое надежное?

18.XII.1978

Маркс изучил товары, производственные отношения, экономику капитализма, классы, формации... Все изучил. Только человека не изучил. Человек выпал из стройной системы Маркса.

А между тем, все дело в человеке. Можно ли, опираясь на реальную природу человека, построить новое общество?

Еще Спенсер говорил: нельзя. Противовес новому обществу (социализму) заложен в самом человеке, в его природе. Там фугас.

Так и случилось: незнание человека дорого обошлось народам, ставшим на путь социализма. Человек, который был в пренебрежении у Маркса и Ленина, отомстил за себя.

На эту тему должен быть спор.

Очень логичны построения, очень. Только одно неизвестное в этих построениях. Одна неизвестная величина – человек. И вот он-то, реальный человек, возьмет да все и порушит.

О, человек – это штука за семью замками. Мало того, что он по природе своей вообще сложен, – всего напихано. Так есть еще момент национальный, культурный и т. д.

Марксизм исходит из идеального человека, из конструктивного – и в этом главный просчет его.

В отношении человека марксисты – идеалисты. Грядет революция, и человек превращается в революционера. В крови-то, в резне-то перевоспитывается? Нет, нет.

А ведь революция, гражданские войны – это резня, это борьба не на жизнь, а на смерть. И вы хотите на крови, на убийствах родить нового человека? Сомневаюсь!

14.VI.1968

Можно ли народу преподнести свободу сверху? Или он сперва должен дорасти до свободы... Иначе, пойдет ли на пользу ему эта свобода? Да, не всякая и не всегда нужна народу свобода.

12.VIII.1968

Веротерпимость как решающее условие нормального человеческого общежития.

Кто этой идеи придерживается? Земские интеллигенты. И их клюют, презирают за это.

Две концепции:

1. Уважение взглядов и убеждений другого. Объединение людей не по идеологическому признаку, а по человеческому. Абстрактный гуманизм. Любовь к человеку как таковому.

2. Нетерпимость к убеждениям и взглядам другого, вплоть до его уничтожения.

Да, еще задолго до революции подготавливалась великая война ненависти. Сначала в области идеологии, а потом – физическое истребление друг друга, война. И неужели за этой концепцией будущее?

Кто сторонник веротерпимости, человечности? Земские интеллигенты. И крестьяне, так называемые добрые люди...

Ненависть даст когда-нибудь железные всходы...

Люди, несущие в себе любовь к людям, красивы, благородны. С ними праздник. С ними Пасха.

И, наоборот, с теми – низменные чувства.

Первую книгу можно было бы назвать «Железные семена», а вторую – «Всходы».

Да, вся первая книга – раздумья над будущим, над путем, которым пойдет Россия. Путем любви, единения людей друг с другом? Или путем ненависти, войны?

Через гражданскую войну Россия должна пройти. Это неизбежно. Это подготовлено всем ее развитием, тем антагонизмом, который разделял общество. Но можно ли радоваться этому? Ведь война – это ужасно. А потом, где гарантия, что жертвы, неисчислимые жертвы будут напрасны...

Люди различаются не по классу. Люди различаются по доброте, по человечности. И добрые везде есть, во всех классах.

31.V.1975

В этом романе – синтез интеллигенции и народа, неба и земли.

Споры интеллигенции не отвлеченные, а в живой атмосфере крестьянской жизни. И тут-то и обнаруживается, кто чего стоит. Кто схоласт, политик-карьерист или истинный гуманист.

Должна быть фигура марксиста, порывающего с марксистами. Возможно, это человек типа Бердяева – ведь он был в молодости легальным марксистом. Несостоятельность теории.

О религии. Двоякая роль церкви: прогрессивная (Русь объединили) и отрицательная: научила русского человека умирать, но не научила жить (воин, но не личность).

Партия или союзы? Партии деспотичны.

Как обеспечить реальную свободу личности? Возможна ли свобода личности, не опирающаяся на экономическую независимость? А отсюда – необходимость частной собственности. В каких формах – это другой вопрос.

Конечная цель – нравственное развитие человека. Но возможно ли нравственное развитие человека вне создания четко продуманных демократических инструментов, вне выработки нужной общественно-государственной системы?

7.XII.1971

Равенство невозможно. Разве он и ты будут когда-либо равны, когда это предопределено самой природой? Демагогия. Можно говорить лишь о гуманизме, о гуманных законах.

22.XII.1975

Равенство – мечта бездельников и лодырей. Талантливому человеку эта мысль противопоказана в силу его личной особенности.

ТРИ НАПРАВЛЕНИЯ РУССКОЙ МЫСЛИ

1. Морально-нравственная. Через совершенствование человека. Религиозно-нравственная (славянофилы, Гоголь, Толстой, Достоевский).

2. Культурно-просветительная деятельность. Теория малых дел.

3. Революция. Разрушительная – грабь награбленное.

Трагедия России в прошлом – неграмотность. Трагедия наших дней – малограмотность.

18.III.1974

Вся история России XIX века – это искание путей справедливого устройства народной жизни.

Одни (славянофилы, Достоевский, Толстой) все упования свои возлагали на духовное, нравственное обновление человека.

Другие (разночинцы, марксисты) – на социальное возрождение.

Задача: воссоединить эти пути в единое целое. Ибо, игнорируя человека, его нравственную природу, нельзя что-либо сделать путное, как нельзя достигнуть результатов и противоположным путем. Одно дополнить другим. То и другое решать одновременно.

17.VI.1978

Вера в народе в книгу, в печатное слово. Все, что напечатано, – правда.

«Чистая книга» дается только чистому. Она доступна, открывается только тому, кто достигает определенной нравственной чистоты. И, значит, путь к «Чистой книге» – честная жизнь, добрые поступки, самовоспитание, самосовершенствование.

Из этого напрашивается и другой вывод: нет на свете вождя, учителя, который бы сказал, что надо делать, который бы решил за тебя «проклятые» вопросы бытия, смысла человеческой жизни. Все это должен сделать ты сам, сообразно своему душевному складу, внутреннему «я».

Вожди – лишь катализаторы, толкачи, ускорители этого процесса.

И поэтому все сказки о царстве свободы – бред. Дикарь в самом фешенебельном дворце останется дикарем, тосковать будет. Истинная свобода в нас самих.

Самая великая демократия на Земле – философия нравственного самосовершенствования, самовоспитания. Но она должна быть дополнена наукой домостроительства, то есть учением о постройке такого дома, такого общежития, где бы возможно было совершенствование человека.

22.I.1974

Прогресс страны определяется тем, насколько втянута в работу голова массового человека. В отсталой стране у подавляющего большинства используются только руки, а голова в бессрочном отпуску.

Это положение, между прочим, до сих пор сохраняется в России.

8.V.1979

У нас испокон веку отделены руки от головы. У нас одни мечтатели, другие – деятели. Поэтому нашим дельцам не хватает мечты, а мечтателям – деловитости.

Исключение – гении, в которых это воссоединялось.

29.V.1978

ТАЛАНТ И ГЕНИЙ

На Западе больше талантов, в России – гениев.

Условия жизни в России (народные) были таковы, что только гении могли подыматься, преодолевать все трудности.

О КРЕСТЬЯНСТВЕ

По марксизму, крестьянин – мелкий буржуа. Его главный интерес – накопление. И в области культуры он бесплоден. Это общее мнение историков.

Россия – крестьянская страна. А раз так, то о какой русской национальной культуре (народной) можно говорить?

Блеф, миф, все эти рассказы о русской народной культуре, созданной крестьянством.

Но дело в том, что русский крестьянин и западный фермер, русский крестьянин и мелкий сельский буржуа – это не одно и то же.

Русский крестьянин – человек с убеждением, с верой, с идеалом, способный бороться за них насмерть, взойти за них на костер. И на такой почве не могла не взойти могучая культура, которая питала в последующем «дворянскую». Это волнует Д. С. Лихачева. Вчера он об этом говорил со мной и, вероятно, об этом будет писать книгу.

Русская крестьянская культура... Это понятие очень широкое. Из многих слагаемых, участвовавших в ее создании. Русская община. Жизнь общины. Это тоже немаловажно. Общий интерес всегда довлел над частным. Община – это республиканская ячейка в условиях феодализма. И не отсюда ли все прочее?

23.XI.1980

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Разговорились с друзьями о России, о русских.

– Нет, мы нация никудышная, ничего не помним, все прощаем. Вот поляки – другое дело. Были мы в Польше, и там же немцы оказались. Так поляки с немцами за один стол не захотели садиться. Не забыли, не простили им зверств последней войны. «Нет, они наших отцов убивали, не будем с ними бражничать...»

И вообще поляки все помнят, всех своих предков чтят, всю свою историю знают... Ходили мы по Кракову.

И вот на нескольких улицах – в низких нишах стоят скульптуры знаменитых людей – и никто их не трогает, все в чистоте и порядке... А в Варшаве? Там везде, где были убиты хоть пять поляков, висят таблички: здесь были расстреляны... здесь были убиты... здесь были казнены поляки... – и либо вечный огонь горит, либо вечная свеча – сменяют свечи сами люди.

Они все помнят. А мы – мы никого не чтим, никого не помним и все прощаем. Потому мы и погибнем.

– Да, но это две крайности. Поляки погибают из-за своей непомерной гордыни. Разве можно нынешним немцам мстить за прошлое? Немцы тоже шли под пулями фашистов. Всякие немцы были. Так можно и до фашизма докатиться – и Бетховена, и Гете уничтожить...

– Да и в русском человеке не все так просто. Он не злопамятен, потому все и прощает...

– Но от этой крайности всепрощения он тоже погибает. Можно прощать, но нужно знать, и помнить, и уроки из прошлого извлекать. А наш народ только прощать да умирать и научился... А этим и пользуется всякая нечисть...

V.1975

Историческая беда России – мы раньше научились умирать, чем жить.

Сила и трагедия России: мы научились умирать, но не научились жить.

22.IX.1972

О КОРНЯХ РУССКОГО БЫТИЯ

Русский характер, русский характер... Не он ли все объясняет? Все странности и причуды нашей истории, величие и необъятность страны и ту неразбериху, сумятицу, порой полную неуживчивость и бездарность, которой отмечена наша обыденная жизнь?

Полет духа, ширь души, тяга все к новым и новым далям – и отсюда невероятные размеры русской империи, отсюда идея всечеловеческого братства и всей неудовлетворенности, неуспокоенности сущим – словом, все то, чем поразила мир русская литература XIX века.

И не отсюда ли те вопиющие контрасты и несообразности, которыми отмечена наша повседневная жизнь?

Все лучшие умы, таланты, гении – в высших сферах, в поисках и отгадках сугубо отвлеченных, философских вопросов: что такое человек, зачем он на земле, в чем смысл жизни и т. д.

А кто же делает, творит повседневную жизнь? Кто подвизается в роли государственных мужей, кто занимает ключевые позиции? Серые, бескрылые люди.

Все, все в русском характере: и наши беды, и наша красота.

Полное бескорыстие и непрактичность, странничество и бродяжничество, извечные мечты о Царстве Божием на земле и поиски его – отдельными лицами и целыми деревнями (переселение в Сибирь, поиски Беловодья и т. п.).

И в русском характере надо искать отгадку 1917 года.

23.III.1978

О полярности русского характера давно сказано (Бердяев), но откуда эта полярность? Что породило ее?

Думается, сочетание в русском человеке, в русском быту язычества и христианства.

На Западе католицизм переварил, выжег язычество, у нас оно осталось (жестокость, буйство и смирение).

И, наконец, полярность русского характера определяется полуазиатским, полуевропейским положением России.

7.IX.1978

Россия во всем полярна. Полярна в своей географии, природе, полярна в истории (невероятные взлеты и падения), полярна в характере русского человека.

ДУШЕСТРОИТЕЛЬ И РАБОТНИК (О ГЕРОЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Русская литература воспитывала читателя в презрении к практицизму, к делячеству, которое обычно переходило в неприязнь ко всему практическому, деловому.

Все любимые герои русской литературы – душестроители. Единственный Штольц (положительный) все-таки лишен того душевного ореола, которым освещен Обломов.

Почему так?

Причин много. Тут и беззаботность существования дворянства (зачем думать об этом, когда есть поместье), давшего лучшее в нашей литературе, тут и вообще душестроительство, свойственное русскому человеку.

Странники, богомольцы, Иванушка-дурачок – вот кто опоэтизирован в народе.

Необходимость практической деятельности хорошо поняли так называемые земцы, сторонники «малых дел». Но на них навалилась русская литература – житья не было.

В общем, подумать в этом русле.

Революция с ее мессианством, с идеей всемирного братства очень отвечала настрою русской души.

V.1975

Тунеядство, халтура, презрение к работе, к труду где-то всегда жили в душе русского человека. И вот сейчас они получили поддержку во всем общественном механизме.

Работа дураков любит – поговорка на Руси.

Отвращение к труду. Сложные причины: труд на барина, непосильный труд.

Но и невоспитанность, отсутствие культурных традиций, воспитание с детства – привлекали к труду не красотой, а палкой или куском хлеба.

А те, кто работал ради красоты, почитались чудаками. В общем, вековая отсталость народа, рабство и барство, невежество, избалованность просторами, природными богатствами, пренебрежение к быту, к мелочам.

13.XI.1978

К СПОРАМ ССЫЛЬНЫХ

– России всегда не хватало деловитости.

– И слава Богу... делячество.

– Деловитость.

– Ну деловитость. Деловитость рационалистична. А Россия – это сердце, это доброта, всечеловечность. Это главное богатство, которым одарила Россия мир.

– Так что же ты хочешь, чтобы Россия шла особым путем?

– Именно.

– Бред. Против этого выступал еще Петр I. Он, между прочим, доказал, что русский человек может быть деловитым. Да еще каким...

– Но Петр умер, и все вернулось вспять, так почему?

– Во-первых, не все. В XVIII веке – да будет тебе известно – мы лучшее железо производили в Европе. И вывозили его... И вся беда, что мы вовремя не отменили крепостное право. Эх, отменили бы крепостное право в начале XIX века – куда бы шагнула Россия. Даже вообразить трудно, что бы мы сейчас делали.

– И слава Богу. Пусть отсталые, пусть какие угодно. Зато не деяги. Зато сердце сохранилось. Вот почему вся русская литература восстала против делячества.

– Опять ты путаешь делячество с деловитостью.

– Ладно, против деловитости. Почему против восстали Гончаров, Тургенев, Толстой, Горький?.. Деловитость всегда связана с потерей сердечности. Она рационалистична в основе своей.

– Ну и черт с ней, с сердечностью. Можем мы поступить-ся ею немножко? Ради того, чтобы на разумных началах устроить Россию?

– Не хочу. Не хочу, чтобы исчезла Россия.

– Болван. Я сам не хочу. Я за осердеченный разум. Потому что чистый разум черт знает куда может завести (...к атомной бомбе).

6.IX. 1978

О СОЦИАЛИЗМЕ

Социализм – хорошо. Это будущее человечества. Но годится ли одна модель для всех стран?

Социализм должен быть национальный, то есть с учетом исторического и духовного опыта своего народа, особенностей его национального характера. Для немцев подходит русская жизнь? А почему для русских – немецкая?

Русский социализм есть. Основы его – в общине, в соборной жизни на Руси.

10.II.1972

Россия нуждается в теории, которая бы учитывала особенности России – исторические и национальные.

24.X. 1976

Революция не спасет Россию. Не установит Царство

Божие на земле. Единственный путь – путь, сформулированный Гоголем в «Ревизоре», – бери метлу и мети свою улицу.

X.1974

Русская литература в наиболее цельном и первозданном виде явила миру идеалы христианства, истинной человечности, которые на Западе давно уже были размыты и изуродованы индивидуализмом.

4.IV.1979

ЦЕЛЬ И СРЕДСТВА

Чистая цель – чистые средства. Цель не оправдывает, а определяет средства.

«Цель, для которой требуются неправые средства, не есть правая цель» (К. Маркс).

«Бесчестные средства, с помощью которых многие в наши дни возвышаются, ясно говорят о том, что и цели также не стоят доброго слова» (Монтень).

3. IV. 1983

РОЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ В ПОДГОТОВКЕ РЕВОЛЮЦИИ

Одна из причин революции, народного мятежа – слишком много было выброшено в народ слов, начиненных взрывчаткой, динамитом.

Церковь призывала – худо-бедно – к умиротворению страстей человеческих, а революционеры и литераторы взорвали вулканы, которые таил в себе человек.

Слово небезобидно. Слово – дело.

Революция – это результат великого выброса в народ слов, начиненных динамитом. Слово может погубить.

О нарушении равновесия между словами хорошими и плохими. Слово – энергия, добрая и злая, вызывающая в человеке разрушительные силы или силы созидания.

С некоторых пор поток злых слов взял верх.

VII.1976

Человек, как корабль в море, обрастает ракушками, водорослями, тиной. И ему надо время от времени очищаться. Самое надежное и самое действенное очищение – религия, искусство, простое человеческое слово.

24.XII.1979

Сперва надо на русской земле культурный слой нарастить, а потом браться за коренные, в том числе революционные, преобразования. А у нас этот культурный слой не наращивают, а то и дело сдирают.

17.X.1978

ПОЧЕМУ РУССКАЯ ЗЕМЛЯ НИКОГДА НЕ БУДЕТ УСТРОЕНА

Беды наши связаны не только с социальным устройством. Они коренятся в самом характере русского человека.

Русскому человеку никогда не хватало деловитости, об этом твердит вся русская литература XIX века. Русский человек по своей натуре бродяга, странник. Его всегда манят дали, то, что за пределами его повседневного окоема.

Это позволило нам создать великое, от океана до океана, государство, но устроить, обжить его так и не удалось.

Вторая черта русского характера, которая не способствует устройству нашей земли, – это наш нравственный максимализм, наш коллективизм.

Нам мало, чтобы были решены наши русские вопросы. Нам непременно надо, чтобы у соседа было хорошо. Мы поборники и носители идеи всемирного братства.

На этом духовном накале мы можем создать великие духовные ценности, но мы не научимся делать товары, которыми торгуют на мировом рынке.

Статья нашего экспорта другая – духовный хлеб, который всем нужен как воздух, как кислород, но за который не платят денег.

Вооружать другие народы. Светить человечеству. Вносить вечное беспокойство и неудовлетворенность в души

других народов. А это невозможно без страдания, без постоянного самообновления.

29.X.1973

Мы перемололи Азию, тем самым спасли Европу. Но мы сами в какой-то мере стали азиатами. Ибо не может человек съесть мясо и при этом остаться вегетарианцем.

Нет, Азия бродит в наших жилах (с ленью, с косностью). Но ведь известно и другое: все великое рождается на стыке. Гибрид обладает наибольшей устойчивостью.

И от кого, как не от России, ждать чуда решающего слова для человечества.

1978

Судьба России – давать свет миру, человечеству. Главная статья ее экспорта – духовный хлеб, духовные ценности. Россия никогда не устроит жизнь на своей земле. Но она даст негасимый свет миру. В этом ее назначение. Назначение в том, чтобы отрывать, поднимать человечество от земли к небу. И не потому ли такое отвращение в русском мире к делячеству, к деловым людям?

Благополучные народы, народы, пребывающие в материальном достатке и сытости, великого искусства не создают. И не потому ли именно в России воссиял новый свет?

Русские, может быть, самая светоносная нация.

29.X.1973

Россия нуждается в утверждающем слове. В положительном идеале.

Солженицын не дает этого. Идеалы славянофилов тоже непригодны. А официальная идеология давно уже скомпрометировала себя (к тому же вне России – так называемый интернационализм).

Нужно новое знамя. Новое знамя.

8.X.1981

Извечная русская беда – отсутствие правосознания в обществе (да и общества-то у нас не было).

Но был, был в русском народе свод законов – неписанный свод, свод души во главе с матушкой совестью.

Да, да, все судилось законами совести. И еще в деревне – законами общины.

Русская литература, как известно, восстала против буржуазного порядка, основанного на законах права, правах, которые не сделали жизнь людей более человеческой, а людей более близкими друг к другу.

А именно братство всех людей было заветной русской идеей.

Русская литература подняла знамя совести, милосердия, сострадания. И этот свет привел в восторг весь Запад. Так увидели Россию.

Без правопорядка нельзя. И нам, русским, никогда не хватало его. Не хватает его и сейчас. Но сам по себе – и не это ли одна из причин кризиса европейской цивилизации – правопорядок еще мертв. Его надо дополнить, осветить светом совести (в западных языках даже термина этого нет), неписаными, даже если хотите, не поддающимися формулировке, но вечно живыми законами души.

20.IV. 1979

НЕ КРАСОТА, А ЧИСТОТА

Истоки жизни сами по себе чистые. И земля, и лес, и реки – все хорошо.

Чистый человек, который помогает жизни, природе.

Не красота, а чистота спасет мир. Красота бывает страшной, опасной, а чистота всегда благодетельна, всегда красива.

К чистоте надо вернуться.

РОДНИЧКИ

Пока есть искусство, пока есть Махоньки, Лизы, которые несут в себе всю историю, Россия не пропадет.

Она пустит свои корни заново. Как зерно, которое пролежало в сосудах глиняных три тысячи лет.

Лучшие люди должны управлять страной, стоять во главе жизни.

ПРИЛОЖЕНИЯ

САВВА И ОЛЕНА

ТИПЫ ДЕВУШЕК

1. «Ставровка» – Мария Александровна. Толстомясая, неприглядная, лицо – как будто век не сыпала.

Но к чему «Ставровке» красота, стать, выходка? Кони, да лошади, да новый дом – что может быть их краше?

Да по земле-то ступает толстощекая, с воротами в передних зубах девка, а люди-то видят коней, да лошадей, да новый дом.

2. Олена Копанева. Ее тоже подпирает сзади скотина (две лошади, да две коровы у Копаневых, да хлев овец). А поля-то?

И, однако, люди не думали о тылах Олены. Они любовались ею самой. Красота над всем возвышалась, над всем верх брала.

Второй ходила в хороводе Олена (первой «Ставровка»), а всем казалось – она хоровод ведет. Стать, выходка, взгляд, речь – глаз отвести нельзя.

А сама Олена? Понимала власть своей красоты над всеми? Понимала. Но она превыше всего блюла честь своего рода. И потом – гордость. Не хотела быть второй. Пущай, пущай впереди вышагивает «Ставровка». Пускай тешится своим богатством. А на самом-то деле она впереди, на нее все смотрят.

И такой гордыней от нее несло, что парни и заглядываться на нее не смели. А о том, чтобы посватать... Один ставровский сын отважился на это. Богач. Но с изъясном. И потому Олена спокойно ждала осени, когда будет свадьба. Любви не было. Но такова воля матери. Да и великая честь войти в дом Ставровых.

«На нашем этаже про любовь не думают», – говаривала мать, хотя сама-то по любви во двор Ивана привела.

Любовь к Савве-икотнику пошатнула все устои, которыми держалась Олена.

3. Огнейка. Сама жизнь...

САВВА И ИВАН ПОРОХИНЫ

Савва – сила и прямота, смелость и бесстрашие. Все разрешал силой. Во всем полагался только на себя.

Иван – ум, хитрость, изворотливость и вместе с тем обаяние. Из тех, мимо кого нельзя пройти.

Любил и восхищался старшим братом, но рано понял, что не физическая сила правит миром. Иная сила, сила, основанная на богатстве, на деньгах.

Отношение к революционерам отрицательное – брата увлекли. А кроме того, был убежден, что жизнь делают не революционеры, большинство которых голодранцы, а люди дела – культурные, умелые. Отсюда интерес к земцам, к народнической интеллигенции. Рано понял, что ничего не добьешься, поставив к власти Антоху Чаусова и иже с ним.

Иван, как и брат, за преобразование жизни, но мирным путем.

Рассказы ссыльных о первой революции. Жестокость, разрушение. Влияние на Ивана какого-то ссыльного, разuverившегося в революции.

– Люди останутся те же, а значит, и жизнь та же.

Иван стыдится бедности, своего происхождения. Может быть, к матери является ночью, когда никто не видит.

Присматривается к сестре. Огнейка неловко чувствует себя под пристальным, оценивающим взглядом брата.

Иван очень похож на Савву. Утонченный вариант Саввы. Оба русоволосые, белокурые (с пепельным отливом).

Огнейка – в мать. Черноволосая, черноглазая. Бесхитростная. Несчастливая.

Мать хоть именем хотела оградить. Упросила отца Аникия.

САВВА С ИВАНОМ ЕДУТ В ЕЛЬЧУ

Подъезжает к Карпогорам. Чистое утро. Воскресенье. Перезвон колоколов. Семь или восемь церквей в долине, и каждая наяривает по-своему.

БРАТЬЯ ПОРОХИНЫ

Савва сразу определил свой путь: революция! Ближе и дороже матери и братьев стали революционеры, причем революционеры крайнего толка – столько ненависти и злобы было в нем! И любовь тоже коту под хвост.

Иван, в отличие от Саввы, человек более скрытный, замкнутый. У него – все внутри. Но путь крови его отталкивает. Не по нему – разрушать. Он – созидатель, делатель. И он очень любит жизнь, женщин. Кроме того, на него оказывают огромное влияние земцы.

Да, да, он тоже хочет общего блага. Ему мало набить карман. Но он рано понимает: без денег ничего не сделать. Деньги – это его орудия, рубанки, фуганки. А потому – разбогатеть.

Соревнование с братом. Кто больше сделает?

Царизм он тоже люто ненавидит. Но он хочет совместить путь общего обновления с собственными удовольствиями. (Человек живет один раз. Имеет ли он право на радости, на счастье?)

Иван терпит крушение.

Иван первый раз в Пинеге в церкви. Видит за свечным ящиком крепкого старика.

– Тише!

– Кто это?

– Это и есть сам Володин.

Володин торгует копеечными свечами. Богач, а копеечки, грошики считает. Почему? Ну, Божье дело справляет. Он староста. В церкви все равны. А из копеечки рубли складываются. Как из песчинок горы.

ПОБЕГ ССЫЛЬНЫХ

Везде выставлены заставы. Но Савва – он взялся за организацию побега – перехитрил.

Главного политического ссыльного он замаскировал под большого священника, второго – под служку его, а сам – за седока.

А может, даже главу политссыльных замаскировал под настоятеля монастыря. Такой же черный.

(См. заметку в «Правде Севера» о Кобелеве, который помогал бежать из Пинеги Ворошилову.)

Помогает и Ефтя. Любит риск.

Вызревание плана: как провезти? Не 50 верст. 300. Везде заставы. Кто-то увидел – идет поп.

– Под попа замаскировать.

– Хорошо!

– Нет, догадаются. А потом, у нас всех попов знают.

– Идея! Под настоятеля.

– Настоятель на тройке ездит. А где она? Нашли тройку.

ИВАН ПОРОХИН

У Володиных Неоходим собирался определить его по счетной части. Кто-то другой – в мануфактурный магазин. Володин – в керосиновку и к рыбе. Пусть понюхает задворки дела. А сразу в красный ряд – голова закружится... Нет, нет, попытаем сперва на керосинке... В подвале.

Неоходим стал подсчитывать выручку лавки с керосином: прибыль. За вторую неделю – снова прибыль. Секрет: мальчик красивый заявился. Одна барыня таки сказала: покажите ваше приобретение... Посмотрела и поручила принести керосин домой.

Сперва весь под влиянием Неоходима. Сама покорность. Живет в общежитии.

Потом подвернулся на глаза жене Неоходима (в лавке керосин брала). Посоветовала Неоходиму взять к себе. Сирота. У нас детей нет – все повеселее будет.

Иван спасает жизнь хозяина во время ограбления и – в гору. Тут он показывает свой характер. И отворачивается от жены Неоходима. Учительница, медсестра... Самый красивый продавец... Все валом... Полное доверие.

Как испытывал Володин Ивана? Подбрасывал в лавку пяточки, гривенники. Иван неизменно возвращал.

ВОЗРОДИТЬ СЕВЕР

Иван тяжело переживает арест Саввы. Все рушится. Где ссыльные? Возможно, даже погонят со службы.

Во время встречи братьев Савва интересуется, чем жи-

вет младший брат. Хватит, дескать, на Володиных работать, пока холуем не сделался. А может, ты уже не человек? И тут начинается спор.

Иван осторожно высказывается против революционного пути, против ссыльных.

– Так значит, тебя перековали Володины? Тяжелой, тяжелой ценой мы заплатили за твой выход в люди.

– А вы чего хотите добиться? Ваш путь – разрушение. А мы – за жизнь. За возрождение.

– Кто это мы?

– Кто-кто? Люди, которые желают работать.

– Так революционеры – бездельники? Знакомая песенка.

– Надо возродить Север. Земство. Савва смеется.

– Возродить Север, чтобы богатеи еще больше раздулись? Нет, Иван, я за революцию. Ссыльные – по мне. Я всегда был за драку. С детства, как отец. А теперь у меня появились союзники. Я пойду с ними куда угодно. На торгу. На плаху. Понял?.. Мы и Володины – враги на всю жизнь.

Иван робеет перед старшим братом. Раньше было все так ясно. А тут брат смял. И на время померкла мечта о возрождении Севера. Но затем она берет верх над всем.

– Мы докажем Савве.

Опять вырастают крылья, которые было подрезал Савва.

Опять парение...

ОГНЕЙКА

Огнейка чернявкой росла. Некрасивой. Укоряла мать: почто все красивые, а я нет. А потом развернулась в один год. Все ребята за ней.

Молва: мать наколдовала.

Во всем обвиняла мать, братьев, пожертвовавших ею ради своих «интересов». И мстила им. Как? Развратом.

КАК АГНИЯ БРАТА ИВАНА ВСТРЕТИЛА

Приехал Иван с войны. Мать наказывает Огнее: приходи. Огnea не пришла. Тогда Иван идет сам.

Агния его встречает. Ругает. Это он загубил ейную жизнь и т. д.

– Нет врага у меня большего, чем ты. Хоть ты и брат родной. Сестру за деньги продал. Иуда и тот сестру свою не продал. Будь ты проклят.

А ведь брат был для нее превыше всего. Сказочный принц.

АГНИЯ И ЮРА

Встречаются они совершенно случайно.

Юра, посланный начальством, идет на Ежемень (Лаю. – Л. К.). Идет по собственному почину. Посмотреть часовенку.

Огнейка увидела – кто там ходит? Что за чудак? Выходит.

– Юрий Александрович.

– По-моему, Агния. Агния зовет к себе.

– А, новый блядун? – говорит дядя или свекор.

– Заткнись, рожа! – по привычке крикнула Огнейка и вдруг с испугом посмотрела на Юру, побледнела.

Юра начал протирать очки.

А, может, Огнейка приводит к себе, угощает Юру, несет на стол всякой еды.

– Ешь. Худой ты.

И в это время заходит свекор.

– Опять блядуна привела.

– Заткнись, харя, – отвечает по привычке Огнейка и бледнеет.

Юра с испугом смотрит на нее: неужели это она? Та девочка? Потом берет ложку, начинает поспешно есть.

– Вкусно.

Лицо у Агнии мрачнеет. Бледное как маска... Прекрасное. Юра хвалит еду, потом встает, мнетя, преодолевая себя, улыбается.

– Ну, мне пора. До свидания.

Подумав, он подает руку. Агния не берет. Она неподвижна.

– До свидания, – говорит еще раз Юра и уходит. Агния слышит шаги – дверь, вторая. Видит, как он удаляется в монастырь.

Свекор напоминает о коровах. Удаться? Утопиться? Ну нет. Ах ты, очкарь проклятый. Чистенький! Барышню свою завел. А кабы твою барышню да на мое место? Посмотрела бы я на твою барышню.

Назавтра Агния идет в монастырь. Кривляется, заигрывает с мужиками – назло Юре. Он избегает ее, уходит в контору. Агнию увлекают красноармейцы. Она идет с ними. Но потом вдруг вспоминает, как Юра прошмыгнул мимо, будто не заметил. Это заело. Ах, не заметил. Постой. Агния заходит в канцелярию...

– Агния, зачем ты это?

И тут Агнию прорывает. Она его отчитывает.

– Вы революцию с братцем делали, за народ воевали, народные права отстаивали, а меня в то время пропивали. Меня в грязи волочили. Ногами топтали. Не любо, да? Чистенький! С барышнями спознался? В панталонах ходят. А брось, не рассказывай – те же суки. Ну, ну, закривился. Нелюбо? А мне любо было, как меня, глупую девчонку, под мужика бросили?

Кто-то из красноармейцев говорит:

– Брось ты эту стерву. Контрреволюционерка.

– Нет, ты постой, гад липучий. Не боюсь. Расстреляй. Хлопни. Думаешь, мне жизнь ваша нужна?

Кто-то другой:

– В тебе кулацкая натура заговорила. Брата позоришь.

– Какого брата?

– Да что вы, ей богу, с ней связываетесь. У них все потаскухи.

– Агния, выйдем.

– А мне и здесь хорошо.

Юра дал знак остальным: мол, выйдите. Те выходят.

– Извините меня, Агния. Агния плюнула.

– Дурак посолоный. Ничему ты не научился за свою жизнь. Все такой же блаженный. Ладно, оставайся со своими барышнями.

И уходит.

Потом Юра уезжает, снова приезжает. Может быть, принимает участие в обороне Земцова. Там его ранят.

Агния в это время в монастыре, в госпитале. И вот они снова встречаются. Юра тяжелобольной. Приходит в себя – ви-

дит Агнию. Смущенно улыбается. Остриженный. Очков нет, безоружен.

– Ну вот, барышня счастливая, – говорит Агния и уходит.

Юра подзывает няню.

– Какое число?

– Такое-то. Две недели лежал без сознания.

– А кто же (он хотел сказать, кто же из-под меня всю грязь выгребал). Кто за мной все это время ухаживал?

– Огня тебя, парень, выпестовала. Она никого не подпускала. Тут у тебя на полу и спала.

Агнию он не видел день. Или два. Потом пришла Агния. Строгая.

– Агния, подсядь ко мне.

Потом как-то спрашивает о муже. Агния рассказывает. Потом они постепенно – товарищи. Вспоминают прошлое. Счастливые дни. Потом Юра уезжает на фронт. Или в монастыре остается. И, может быть, Агния помогает ему бежать. Или возвращается он с фронта во время отступления. Идет к Агнии. Через реку. Куда?

Кокнут.

– Агния, мы отступаем. Бледность покрыла лицо Агнии.

– Прощай, Юрий Александрович.

– Я не хочу с тобой прощаться. – Он замигал глазами. Волновался. – Геля, я. В общем... Будь моей женой...

– Женой... Я? – мучительно улыбнулась. – А как же та барышня?

– У меня нет барышни.

– Нету? – Да...

– Охо-хо... Нет. Насовсем? На всю жизнь?

– Да...

А потом прощаются с матерью.

– Ну, дорогой зятелко... Одна у меня (смерть брата сблизила их). Все... А на дороге дочери не стану.

Едут.

– Геля, это преступно сейчас. Но я очень счастлив.

– И ты меня любишь?

– Мне кажется, я тебя любил всю жизнь.

– А как же барышня?..

– Прощай, Пинега! Увидимся ли?

КОНЦОВКА

...Красные вышли на Выю. Шли трудно. Бои. Население не давало подвод... Но наконец-то прорвались.

И в тот день, когда падал на них снег (на Агнию и Юру), с того же неба падал снег на Анисимову. Ее в толпе гнали в Архангельск. Белые вступили. На плечи Анисимовой лег самый тяжелый груз.

20 февраля освободили Архангельск. Может быть, там сын Анисимовой старший... Идет на братскую могилу...

МАХОНЬКА

МАХОНЬКА И МИР

Как увидела первый раз да удивилась красоте его, так с этим чувством удивления и жила до глубокой старости. Поэтому-то и всерьез иные не принимают, потому и Махонькой зовут (не за один рост).

Ладно, Бог с ним с пересудами. А она, выйдя на луг и оставшись одна, идет, как ребенок. И видит то, чего нет кругом. Нет зайца, нет птиц – это в ненастный день – она и своим воображением сделает их, родит. А то из сказки «вызовет».

От Махоньки пахло летними травами, солнцем, сказками, Русью, стариной.

Идет полем или лесом. Метель. Радуница чертей.

И вот Махонька вступает в борьбу с ними. Крестит. Словом своим их укрощает, отгоняет.

Для Махоньки все живое, для нее нет разницы между пнем и вороной. Поэтому она со всеми разговаривает, бранит их, поощряет, шутит, ласкает.

Нарочно? Вполне серьезно. А может, и играет? Что за жизнь без игры. Да и вообще, разве жизнь это не сплошная игра?

МАХОНЬКА-ЯЗЫЧНИЦА

Никого не боится. Со всеми в дружбе. А домового, лешего задабривает. Заходит по дороге в нежилой дом, если ночевать придется, в первую очередь задабривает домового.

– Полюби, дедушко, не изобидь.

Уходя из своего дома, оставляет еду домовому. Возвращаясь, допрашивает мышь, кота – как жили.

ОГНЕЙКА И МАХОНЬКА

Огнейка удивляется: где хранит все сказки и былины Махонька. Осматривает ее. И голова не больша.

– Дед рассказывал – сами липли. Я и не запоминала.

Самая характерная черта – любознательность. Одно и то же быстро приедалось. Поэтому в попрошайничестве, в хождении по людям, в скитаниях по деревням находила даже усладу.

Раз заболела – две недели на своей печи лежала – извелась от тоски. Только и спасалась, когда старины пела.

Была дочь, но к дочери не чаще, чем к другим заглядывала. Не лежало сердце. Да и муж был пьяница. Свою замужнюю жизнь вспоминала как тяжкий и нелепый сон. А когда умер муж – возрадовалась.

Нет, нет, не тяготилась она своей долей. Весело, любо было ей ходить по домам, просить кусочки. А будь она богатой, да ведь она и людей бы не видала. Все одно и то же – с тоски умрешь.

Махонька не кляла свою бедность, нищету. Нищета ей давала доступ к разным людям, к самым главнымкладам на земле.

Когда муж умер, обрадовалась. А когда дочь замуж выдала – просто крылья выросли.

МАХОНЬКА. К ДНЕВНИКУ ЮРЫ

Человек, который жил и сейчас и в прошлом. Единственный в своем роде человек.

Маленькая, с вехоть сама, старушонка несла в себе историю со времен Киевской Руси. И как несла! Темрюковна, Илья Муромец, Китай-город – все это было для нее живым. И все это она узнала впоследствии, приехав в Москву, в Белокаменную. Соединение в одном человеке прошлого (в живых лицах) и настоящего делало ее, конечно, особенной, во всем оригинальной.

За нормального человека ее не принимали. Над ней посмеивались. Не принимали всерьез, но и побаивались.

Она не дорожила тем, над чем тряслись другие. Золото, деньги. Нет, все это имело цену для нее. Не пренебрегала этим. Но в то же время мотала направо и налево. Привезла из Москвы много кое-чего – промотала за день. – Эх, умному бы человеку эти деньги, – говорили люди.

Махонька (недаром ее звали Махонькой), она была и во взрослом измерении, и в детском. С детьми чуть ли не в куклы играла. Всерьез. Да, с детьми всерьез. Обижалась, спорила и т. д. Но и дети ее полностью не принимали. Взрослый человек все-таки проглядывал в ней, брал свое. Вот так и болталась между двумя берегами, ни к одному не прибившись, – ни к взрослому, ни к детскому. И между двумя берегами жизни. С одной стороны, жила преданиями старины, с другой стороны, здорово судила (хотя и со смешинкой) о современности, о нынешней жизни.

По образу жизни. Бескорыстна. Всю жизнь побирается. Святая. Праведница. А в то же время и нет: попов ни во что не ставит. С бесами знает. Доживший до наших дней скоморох... В общем – ни то ни се. Ни взрослый, ни ребенок – ни по телу, ни по уму, ни праведница, ни слуга сатаны, ни умная, ни глупая, ни бездельница, но и не работница. (Самое-то любимое занятие – песня да сказка, да скоморошина, да хаханьки). И церковь не отталкивала. Как пчела мед собирала.

Лишь в житиях святых святым удается постигнуть язык тварей и зверей, трав.

Чистому надо быть, как младшие братья, ребенком быть, чтобы постигнуть язык трав и бессловесной твари.

В искусстве кто это постиг? Коненков (мир нежити, леших, кикимор), Врубель (Пан), Нестеров.

А в слове?

МАХОНЬКА В ЕЛЬЧЕ

У Щепоткиных заболела любимая дочка. Вызывали врача – не помогло. Из Архангельска выписывали.

Ваня или кто-то подает совет: позовите Махоньку, Махонька словом своим вылечит.

Махонька приходит. Со Щепоткиными натянутые отношения – не почитали. И, может быть, не сразу идет. Не такой человек – свистнули, и, как собачонка, побежала. Сама с рукавицу, а гордости воз.

Была прирожденная артистка. Начнет с чинности, со строгости (напустит на себя строгость), а потом смешинка в рот попала – и заведется. Всех рассмешит. Начинает нехотя. Махонька расскажи, Махонька расскажи. Слово надо тянуть щипцами. А потом и заведется. А раз завелась – чуру не знает.

Дети обожали ее. Все у нее необычно, все... Вещи... Самовар – да и он живой, с душой. Лохань сердится. Рукомойник. Печь тоже с норовом. Ничто не сидит на месте, все двигается. У всех свой норов.

Образ мышления, восприятие мира, людей – от скоморохов (см. сказки Писахова).

В Махоньке всегда жила истовая хозяйка, которая хотела быть как все, и скоморох, поэт.

Возвратится домой из странствий – до слез обрадуется всему. С чугуном (самовара не было), с лоханкой, с печью здороваается и разговаривает со слезой, и дня два-три никуда из дому. А потом вдруг заскучает, потянет на люди. И вот уж забыла про дом Махонька. Праздники вещам устроит, помоеет их, начистит и вдрало.

В Махоньке, говорили, всегда уживалась правоверная крестьянка и странница, бродяга (цыганка). Бродягой она по своему духу была, не могла долго засиживаться на одном месте, как бы это было ни выгодно, как ни упрашивали.

Ангел и бес... Ангел по доброте, по справедливости, по сердцу и бес по языку, по слову, часто срамному и даже злому. Ангел по сердцу. Бессребреница, все отдает людям. Но на языке бесы...

– Душа да сердце у тебя Богом деланы, а язык-то Сатаной. Бог отвернулся, Сатана-то и всунул в тебя язык.

Махонька самая богатая натура. Она и язычница, и христианка (любит духовные стихи). Но она не чурается и ссыльных. Ей и ссыльные нравятся. Потому что в них немало хо-

рошего: вежливость, взаимовыручка, культура (хотя она и слова-то этого не знает). Да, она охотно ходит к ссыльным. Она, как пчела, отовсюду собирает хорошее, красивое... В Махоньке объединяются три начала: языческое, христианское, революционное.

Махоньке нравятся песни ссыльных (заучивает, может быть), чистота, учтивость. Не пьют. Культура нравится.

Махонька очень, очень интересуется интеллигентным человеком. Всех хочет вызнать, у всех выведать, кто чем дышит. Вот так она и ходит от интеллигента к интеллигенту. И про себя отмечает, кто чем дышит...

А как с Порохиными? У Порохиных бывала раз или два. Но Огнейка запомнила ее приход на всю жизнь. И вообще нисколько не стесняется. Махонька у всех вызывала доверие. Но если не понравится кто, могла и поиздеваться.

Можно было бы не ходить в Копани, много дел, много завелось на Пинеге интересного, да подумала, как Марьюшка будет всех стращать да запугивать, – пошла. Счеты с Марьюшкой не кончены. Разговор не кончен. За людей постоять надо. А еще зачем идет в Копани? Новый дом у Ставрова посмотреть. (Огнейка удивляется: из-за нового дома двести верст шлепать.) Послушать нового певца в монастыре... Еще по Огнейке соскучилась. Больно девчушка ласкова. А в семье родилась худой – заклюют. Надо поддерживать...

Из Копаней Махонька уходит раньше обычного. Может, потому, что стало известно: ссыльных пригоняют в Ельчу...

Легка на ногу Махонька. Собиралась до Выи, а обратно барыней, с доверенным Володиных, часто так делала. А тут вдруг поворачивает из Копаней. Ссыльные появились в Ельче. Так как же идти на Выю? Терпенья нет месяц целый ждать. Выя никуда не уйдет. Выю видала. А ссыльных – впервые. В общем, скорехонько повернула на низ. А перед этим подробно-подробно рассказывала, где побывает. Всю Пинегу обойдет. Монашенок давно не видала – в Сурском монастыре не была. Дом у Ширяевых больно красивый построили (Поганец) – такого по всей Пинеге, говорят, нет...

И она ходит от одного кружка интеллигентов к другому, интересуется, кто чем живет, и жалеет людишек.

Вознесся, возомнил о себе – думает, дерево, выше его нет, а травинка. Первый ветер сомнет.

Самый великий грех – печаль.

Махонька – язычница? Нет, она и язычница, и христианка, все хорошее приемлет. От церкви – красоту. Пенье. Высоту. Чистоту. А еще ей нравилось в церкви – люди красивые. Такие все благостные. Еще на работе такие. Да во сне. Но она не любила самоистязания Марьюшки и прочих.

Красоту природы любила еще больше. Огнейке с ней радостно: все-то видит, всем любит. Неравнодушна. В четыре ала в шесть глаз смотришь, когда с ней бываешь.

Вне обычных человеческих измерений. В ней соединилось настоящее с прошлым, жизнь с вымыслом, земное с духовным.

У нее нет какой-то одной привязанности. Она принадлежит всем. И недаром Федосья говорит Огнейке: – Зачем ушла? Тебе она нужна, да нужна она и людям.

Махонька возвышается над всеми благодаря слову. Сила ее – в слове. Убежденный убеждает.

Люди обычно ходят дорогами земными (у людей одна дорога – земная), а Махонька ходила еще дорогами времен.

Она знала дороги, ведущие на двор к князю Владимиру Красну Солнышку.

В гражданскую войну Махонька пытается словом своим просветить людей, уговорить их не воевать. Может быть, обращается к соседям. И впервые убеждается: слово ее бессильно. Впервые люди не принимают ее слова, даже больше: отвергают. Слово отцов и дедов, на котором стоял весь мир.

Людьми овладел Кащей. Люди попали под власть Касцея, который не терпел новой жизни.

Кончился мир, созданный словом былины, скоморошины. Наступило на земле другое царство – царство Касцея, Змея Горыныча.

ДУРЫНИНЫ И МОНАСТЫРЬ

ПОЧЕМУ ДУРЫНИНЫ ОТВЕРГАЮТ МОНАСТЫРЬ

1. Землю отобрал. По воспоминаниям стариков, вся лощина, богатая сеном, принадлежала лаям.

Сейчас, со строительством часовенки, монастырь отберет новые земли. Монастырь уже залез в земли лаев: место для часовенки завещала одна выжившая из ума старуха.

Но у них не было дороги к часовенке.

2. Жители Лаи не любили монахов за несправедное житье. В монастыре не Бог главный хозяин, а деньги.

Поминование покойников за деньги (вклады).

Отправление треб – за деньги.

Никакой помощи беднякам. Наоборот, ты дай. Ты нам дай, мы тебе – ничего.

Молитвами купленными можно отмолить любой грех. А потому грешим, грабим без зазрения совести. Все равно потом отмолим.

Все святые великие – первые грешники. Значит, обязательно жить свято. Вору, убивай, грабь, но только плати церкви.

3. Потому лаи стали староверами.

Ежемень (Лая. – Л. К.) – как короста, как чирей, для монастыря. Гнездо еретиков-раскольников. Пускали огонек, не раз сжигали. Главное – подрыв жития Артемия Праведного.

Как, каким образом мог выйти из этого гнезда мерзости (осиное гнездо) святой отрок? Ну ладно, вышел. Но почему же они переметнулись в старую веру? Вот вопрос вопросов. И на этот вопрос пытались ответить многие из ученых монахов (легенды).

В свою очередь ежемена ненавидели монахов. Люто, непримиримо. Ефтя стал заигрывать. Да и Максим всю жизнь грозился перейти к никонианам. Награда – архиерейский чин...

МОНАСТЫРЬ И ЕЖЕМЕНА

Распри у ежемен с монастырем давнишние. В старину Ежемень была гнездом староверов. Ежемень издавна, с легкой руки монахов, окрестили жидами, Иудеей.

Подоснова тут такая: жида предали Господа Бога, Христа, а разве у ежемен менее тяжкий грех – преступление совершили? Они же отреклись от Артемия Праведного, имя которого носит монастырь.

Но вековая распря между ежеменами и монастырем имела не только религиозную основу. Точнее, не из-за веры, не из-за Артемия Праведного цапались ежемена и монастырь. А из-за земель.

Монастырь оттяпал у ежемен ложбину – сколько полей, какой луг! Затем Валмас на Усть-Сямженьге. Затем луг под Николой – в старые время сена были. Да и теперь огради – сено бы было... А сколько рыбы, сига под Николой ловят монахи по веснам.

Но и на этом не остановился монастырь: залез в поля ежемен под самым носом – построил часовенку Артемию Праведному. А сейчас требует прилегающие поля – чтобы дорога была (широкая межа) крестному ходу богомольцев во время празднования Артемьева дня.

И вот тут ежемена восстали. Буквально восстали. Тем более что их положение как раскольников изменилось: раньше преследовали, а теперь нет.

Началась многолетняя тяжба. Уж ежемен гнули власти, монахи уговаривали (пол-Валмаса возьмите или еще какой другой лакомый кусок) – нет и нет. Как быки уперлись ежемена, и нет к ним лаза, ни одного не купишь.

Не давали топтать свои земли. Собак завели. Из ружей стреляли. Это во время крестного-то хода. Ежемен пороли, одного зачинщика засадили в тюрьму – ничего не помогло. На время стихали, а потом еще больше ожесточались, с еще большей яростью подымались на борьбу.

Между тем приближался 1912-й год – 380-летие со дня рождения Артемия Праведного. Стыд, срам.

Стали подбирать ключи. Стали думать, как купить ежемен. Вот тут-то и подвернулся Иван Порохин. Предложил выбить дорогу к часовенке.

– Как?

– Мое дело. Ваши деньги.

Монастырь, конечно, не поскупился на деньги.

И вот Иван соблазняет богатствами: открыть лесозаготовки. Нажиться. А потом и в борьбу с монастырем вступить. А так кто с голодранцами будет разговаривать?

Первого обработал Ефтю: проведаль – тот сохнет по сестре, сказал: будет твоя сестра.

Раскалил жадность и отца Ефти, и других. Только один Максим непримирим был: умру, а с монахами не буду ладить.

Иван уломал ежемен. Открыл лесозаготовки. Жульнические... Щепоткины обнаружили махинации. Да и соперник выросстал. Они сами облюбовали лесок по Хорее, а их перебил доверенный. Нет, такой доверенный не годится. Хотя и ловок парень, жаль расставаться. А надо расставаться.

Видная роль в разжигании распри между ежеменами и монастырем принадлежит ссыльным. Ссылные подогрели, взбудоражили ежемен. Ибо к их появлению в Копанях конфликт, как затухающий костер, лишь чадил. А ссыльные подбросили дров: на вашей стороне права. И полетели во все инстанции жалобы, прошения, да не холопские, а грамотные, опирающиеся на закон, квалифицированные, которые нельзя положить под сукно. Включили людей, оставшихся в Архангельске, в Петербурге, – видных адвокатов.

И тяжба между горсткой ежемен и монастырем – очень рядовая сама по себе – стала достоянием чуть ли не всей России.

Иван учитывает все это. Он оказался ловчее ссыльных. Ибо что надо, чтобы погасить раздор? Согласие враждующих сторон, их договоренность, мирное решение спора.

Щепоткиным не понравилось, хотя монастырь и взял под свою защиту Ивана. Дал гарантию. Нет, не годится своими руками делать соперника. В армию! И ежемен снова восстановит против монастыря. Денег подкинули.

Железное правило Щепоткиных – не дать рядом сопернику подняться...

ДУРЫНИНЫ

Дурынины когда-то жили богато. Но десятилетиями, а может, и столетиями ведя борьбу с монастырем, они начисто растранижили денежки.

И вот Иван Порохин подает им идею, как разбогатеть, – уступит монастырю землю для прокладки дороги к часоуенке. Идея соблазнительная. Но старшие – и отец Ефти,

и дядя – отказываются. Устояли от соблазна. Тогда Иван нажимает на Ефтю. Дескать, все равно, рано или поздно монастырь завладеет землей, так не лучше ли уступить добровольно и разбогатеть?

– Нет, – говорит Ефтя, – за деньги не продамся.

– А за что продашься?

– За молодое мяско. Непонятно говорю? Отдай за меня сестру, и будет твое поле.

– Сестру? Агнию? Да ты ведь против нее... Ей 17 лет.

– А зачем мне старушонка?

– Ты такую задачу задал... Нет, я не распоряжаюсь сестрой.

– Ну и я не распоряжаюсь полем. Поле-то отцовское. Долгое молчание.

– А если я уговорю Агнию?

– Тогда и я уговорю отца и дядю.

– Как?

– А уж это мое дело.

После этого – переживания Ивана. Жалко Огнейку (подумать только – за Ефтю выйти), а с другой стороны, единственный способ достать деньги. А деньги – позарез.

Зачем нужны деньги Ивану? Чтобы создать кооперативное общество крестьян и купить пароход.

Иван идет домой и выкладывает все Агнии. Зачем ей нужно выйти замуж за Ефтю. Чтобы осуществить мечту Саввы, всех нас. Чтобы раздавить Щепоткиных, Кыркаловых...

Ивана предает Варсонофий. Жалко стало выплачивать все деньги и сообщил Щепоткиным, что затевает их приказчик.

КУПЦЫ

БОГАЧИ

Савва и Иван едут в Ельчу. Савва рассказывает о деревнях, о богатеях.

Иван:

– А как они богатыми стали?

– Ты что, не разбогатеть ли хочешь? Не получится. Отец у нас тоже хотел разбогатеть, но картежнику проиграл...

Савва подумал.

– Не знаю, верить, нет, а люди говорят: неправдой все это богатство. Грабежом. Да убийством.

И начал рассказывать. Про Володиных... А вот Кыркаловы своровали и брата отравили... Щепоткины как разбогатели. Строили церковь, а потом дом. Люди говорили:

– Григорий Степанович оторвал угол от церкви себе на магазин.

ЕЛЬЧАНСКИЕ БОГАЧИ

1. Ширяевы (Ставровы).

2. Коровины (Володины) – отец кассиром в Питере был. Женился выгодно. Жену извел.

3. Копаневы – от земли, от расчисток. Честно – один Копанев. Старик землю умел наращивать.

4. Щепоткины. Подряд взял на строительство церкви. «Оторвал угол от церкви на каменный магазин».

5. Кыркаловы (Рыкаловы). По-разному. Лесную охрану спаивали. Пошлину в три раза меньше платили. Клейма с леса срубали. Украли деньги. Заставили брата принять вину на себя и отравиться.

6. Урасов. За пятерку ночевать к купчихе ходил. С согласия жены. Настойно, видно, ходил. Через год торговлю открыл.

ВОЛОДИНЫ, ЛЕСНОЕ ДЕЛО

Необходим хорошо знал лесное дело. В делянках лес не считал – на глаз определял, сколько чего выйдет. Все дивились. И Иван учился у него.

Володину Необходим сказал, когда привез Ивана:

– Вот сыночка тебе доставил.

– Какого сыночка?

– А сыночка по уму. Не хуже меня считает...

ИЗРАЗЦЫ В ДОМЕ ВОЛОДИНЫХ

По старинке. Все стены выложены голубыми и цветными изразцами. Поэзия. Патриархальность. И поучения назидательные.

тельные, кодекс моральный. Надписи: «Не пей». «Не чревоугодствуй». «Эта чара мне не нужна». И т. д. Теплом веет от них.

К ПОСТРОЕНИЮ КНИГИ

Все взять крупно, с охватом страны.

Володины – не просто провинциальные купчишки. С размахом и замахом. В их делах и нравах – порыв русской буржуазии.

Дела их. Лесопильный завод на родине – на 300 человек.

Завод в Тюмени – к Сибири подбираются. Так сказать, первая разведка Сибири.

Лесозавод на Северной Двине.

Братья Володины – свои люди в Москве и в Петербурге.

А о чем подумывают Володины?

1. Завести морские промыслы – зверем, семгой. До Новой Земли гулять. А что? Простые мужичонки с Пинеги в прошлом ходили по Студеному морю. И на чем? На кораблишках каких-то. А теперь-то, слава Богу! Суда.

2. Завести торговлю с Англией, с границей. Долой посредников. Пора иметь своих представителей в Англии.

3. И, конечно, покрепче, поувереннее сесть в Архангельске. Торговля. На рынке где Володинские ряды? Потеснить кое-кого, в том числе друзей Рыкаловых.

Организация дела. Кооперирование. Акционерное общество.

Внутренняя борьба. В стане Володиных все время борьба между людьми патриархального склада и дельцами современными, нового склада.

Торговый дом купцов братьев Володиных учрежден в 1882 году.

Братья: Егор, Михаил, Алексей и Павел Иванович. Павел Иванович умер.

Сперва Торговый дом действовал под фирмой: «Е. М. и А. Братья Володины» по 2-й гильдии, а с 1890-го – по 1-й гильдии.

Основан Дом для производства розничной торговли: бакалейными, мануфактурными и галантерейными товарами, вином.

Капитал при открытии Дома равнялся 6000 р.

Братья Володины разные. Алексей Иванович – старорежимный. Все с Богом (староста в церкви)... По протекции подряд на лес (см. «Пинежскую правду» о Кыркаловых). Ел крестьянскую еду. Но это – с мужиками. А с благородными – и он благородный. Во всяком случае, не осуждал. И понимал, что время движется и надо быть в ладу со временем. Соединение старины с новью.

ПАРТИЯ СЕВЕРА

Кто глава? Кто идеолог? Кто-то из архангельских купцов, адвокатов или дельцов.

Портрет... Сухой, спортивный, подтянутый. Гладко зачесанные волосы. Красивый нос... Внутренне очень сложный человек. Труженик. Глуховатый голос. Но – страсть, убежденность. Под его влияние попадает Иван. Он где-то поет гимн Северу.

– Иные у нас стыдятся. Север. Конец света. Дыра... Стыдно, господа, не знать истории!

Северяне – это золотые слитки русского народа. Самый предприимчивый, самый неунывающий народ. Кто создал морскую культуру в России? Кто бесстрашно бороздил по Ледовитому океану? Кто первые землепроходцы?.. Где родилась мысль о Великой России? У людей Севера, которые с детства вкусили сладкого, опьяняющего воздуха, который называется – воля. И который разлит на Севере. И ради которого все стремятся на Север. Птицы... Зачем? Затем чтобы зарядиться его энергией. Север – величайший, самый великий аккумулятор энергии.

Мы обленились после Петра. Пора подниматься... Кто Сибирь открыл? Мы, северяне. Откуда Ермак? А кто спас Россию в эпоху смуты?..

Север... Поморье... Богатства Севера... Решение классовой проблемы. Север богат, чтобы всех сделать сытыми и счастливыми.

Два пути у России: или все разрушить и начать заново. Или признать, что фундамент заложен неплохой (возьмите

Соловки. Стену в Соловках) нашими отцами и дедами и что на этом фундаменте можно строить здание.

Дом отчий. Годится ли он на что-нибудь? Или все, что делали наши отцы, деды, – впустую?

Последний богомольный старик Володин... ушел в Бога. Отдыхал в церкви. Но каждый день механически торговал.

Дела вершил Ефим Семенович Вальков, которого окрестили Необходимом. И если бы не он, все рассыпалось бы. К нему шли приказчики. Некоторые даже предлагали дело взять в свои руки и вообще скovyрнуть Володиных.

Но Вальков был честный слуга, дальновидный, имел отношения с ссыльными. Он советовал и Володиным не прижимать ссыльных. А Володины боялись за своих сыновей – свяжутся с ссыльными. Нынче пошла молодежь другая. От отцов отрекается.

Последний Володин торговал и в день прихода белых, и в день прихода красных.

ССЫЛЬНЫЕ

Ссыльные в Верколе начали появляться после 1900 года. Особенно много появилось их после революции 1905 года. Временами их число доходило до 20 и больше. Среди ссыльных были разные категории – политические, общественные (высланные обществом), уголовники и т. д.

Мужики на ссыльных смотрели, как правило, с высокомерием и со страхом. Особенно дурной славой пользовались политические ссыльные – политиканы. Подумать только – против самого царя идут.

Политические ссыльные стали привлекать к себе молодежь. Из веркольцев их посещали Сергей Ларионович, Артемий Ионич, Ефим Калиныч, Иван Терентьевич. Одни ходили ради любопытства, другие в надежде выпить.

Николая Ивановича Белоусова привели к ссыльным Иван Терентьевич и Ефим Калиныч («просили де привести»).

В верхней избе Веры (рядом со ставровским магазином) было до семи ссыльных. Среди них особенно выделялся молодой путиловский рабочий Сорокин. Этот Сорокин стал

говорить с ними о политике: об устарелости политической формы правления по сравнению с Западом, об эксплуатации и т. д. Николай Иванович сидел развесив уши – ему это нравилось. А другие парни, посидев с час, стали прощаться: надо было идти на вечеринку. Так у молодых парней сердце металось между политикой и девками. Верх, как правило, брали девки. Но, надо полагать, беседы с Сорокиным сыграли свою роль, впоследствии дали всходы. Итак, ребята ходили к ссыльным, пока не были женатыми. О них в деревне шла дурная слава. Иван Фалилеевич, например, проклинал своего сына и долгие годы не шил сыну пальто, чтобы тот не увлекался девками (в ущерб хозяйству) и не знался с политиками. Да и вообще с политиками поддерживали связь только «незнатные» – богатые не вязались. Ссыльными бабы пугали детишек. Однажды горена пригласили ссыльных на игрище – девок много, а ребят мало. К тому же верхнокона пообещали разогнать игрище, так как горена отбивают и сманивают девок. И они выполнили свою угрозу.

Двадцать человек ворвались ряженных – кто с дубиной, кто с чем. Среди ссыльных был молодой парень Алеша, человек необыкновенной силы. Он мог, например, взять под мышки по мешку муки и еще положить по мешку на каждое плечо. И вот этот Алеша быстро повыбрасывал ряженных.

В другой раз на игрище у Кости Бурачкина вышла драка между ссыльными и мужиками. Один мужик нечаянно, размахиваясь, вырвал у одного ссыльного часы (торговал конфетами). Тот выхватил нож, кинулся на мужика. И только благодаря тому, что его заслонила девушка (может быть, дочь Анисимовой), ссыльный не зарезал его. Мужик выбежал, крикнул:

– Наших бьют.

Мужики устроили настоящее побоище. Некоторых ссыльных избили до полусмерти, за другими гонялись с ангпугами*. Может быть, одного из них, пришедшего впоследствии с отрядом Щенникова или батареей Максимова, спасла дочь Анисимовой – пустила к себе.

* Ангпуг – кол, которым закатывали бревна на сани.

Ссылные, по-видимому, рассчитывали на поддержку Ивана Терентьевича, который у них был постоянным гостем. Но Иван Терентьевич не поддержал их – скрылся в толпе.

И вот ссылные решили отомстить Ивану Терентьевичу. Через некоторое время они пригласили его в гости вместе с Николаем Ивановичем. Посадили за стол. Потом Николай Иванович видит, что в воздухе гроза, простился, вышел из избы – дело было в передней избе у Оленьки. И только он дошел до малой избы – вдруг с криком на крыльцо выбегает Иван Терентьевич.

– Коля, Коля, помоги.

Иван Терентьевич был весь в крови – один из ссылных всадил ему нож (хлебник) в спину. Николай Иванович кое-как довел его до дому, все время преследуемый ссылными (одним надо дорезать, другие – против). Терентий, увидев окровавленного сына, закричал с печи:

– Так и надо, ссылная собака, допрыгался, доигрался.

Но все-таки запряг лошадь и отвез в Карпогорскую больницу. Иван Терентьевич выздоровел, но дела не возбудил.

КАК УБРАЛИ ССЫЛЬНЫХ ИЗ ВЕРКОЛЫ

Убрали их перед войной. Возможно, с помощью провокации богатых веркольцев или монастыря... Донесение приставу урядником, что ссылные готовятся к грабежу... Возможно, ходатайствовал монастырь. Ссылные слишком нападали на религию, авторитет монастыря стал падать. И тогда в монастыре сочинили версию о попытке ссылных ограбить казну монастыря или напасть на казну во время переправы ее через реку.

Итак, основные страсти между: 1. Богатые мужики и верующие. 2. Ссылные. 3. Молодежь. 4. Жаждающие разбогатеть, вырваться в люди.

ЕЩЕ ОДНА КАРТИНКА ИЗ ТОГДАШНИХ ПРАВОВ

Однажды каменщики, работавшие в монастыре, переезжали за Пинегу. Перевозчик Терентий замешкался. Каменщики стали бить его. Сын Ивана, увидев это, закричал. А был праздник. На крик сбежались мужики. А Оленька

прискакал на коне, заехал в воду, догнал лодку, выхватил весло и насмерть забил каменщика. Остальные кто вплавь, кто в кустах, скрылись.

Дело было передано в суд. Вину на себя взял Иван Терентьевич. Дело вышло из-за отца, у Оленьки семья, а ему все равно где сидеть.

ССЫЛЬНЫЕ И МУЖИКИ

Михаил Александрович Постников десять лет служил во флоте. В 1904 году демобилизовался, и снова призвали – на Русско-японскую войну. Отслужился в 33 года. Приехал с деньгами. Как кочегар на крейсере получал 38 рублей серебром, сдавал на хранение командиру. В общем домой привез 400 рублей. Плюс к этому – льгота на лес, билет на 2500 хлыстов (с его помощью построен целый ряд построек в Верколе).

Одно плохо: нет земли. Отец жил на одной душе с семьей в девять человек (дети: Михаил, Алексей, Евгения, Катерина, Анна, Дмитрий, Артемий). А между тем был в самой богатой общине – ставровской (Постниковы, Бурачкин Константин, Сергей и Ставров Михаил).

Ставров Михаил вкупился в общину (жил на Прокшине), а затем отхватил половину пашни и покосов. Пашня самая лучшая: под горой, в Запрокшенье, покосы – Грибово, Гладыши (на Устьсямженьге), домашнее в Волчье. Кроме того, был еще ставровский телятник в Запрокшенье (туда на все лето ставили скотину).

Михаил Александрович купил две коровы, лошадь, а как быть с землей? Можно жить вдесятером на одной душе? Подал прошение в Правление Ярушевской области (Явзора), как участнику войны, полагалась земля. Правление сказало: наделим. Только надо согласие общины. Ставров, разумеется, против. Тогда Михаил пришел к нему в лавку, взял гирию, стукнул по прилавку:

– Я 33 года живу на крохах с отцовского стола. Я за царя кровь проливал. Я заработал землю. А если вы не дадите – сожгу.

Ставров закрыл на несколько дней лавку (из-за поломки). Но согласия на передел не дал. Не дали и другие члены общины – все плясали под его дудку.

Тогда в борьбу вступились политические ссыльные. В архангельских и петербургских газетах появились статьи на эту тему. «Возвратился домой герой войны...» Словом, дело приняло широкую огласку. Приехал чиновник из Архангельска (там был Артемий – брат, по судам таскался). Запрос был сделан чуть ли не в Думе. Ставровых заставили поделиться землей. Но все равно Ставров увез с поля рожь. Михаил взял силой.

На Михаила психологически революционеры делали большую ставку, но он всех послал к такой матери – въелся в хозяйство. Это человек-то, который объехал весь мир, которому помогли завоевать землю. А толк? Земля победила! Собственность взяла верх над всем. Тогда-то и восторжествовал Буров. Он разработал целую теорию о природе крестьянства.

В свою очередь возрадовались и правые: вот вам русский крестьянин. Верный сын предков, не прельстился жидовской крамолой. За Михаилом стали ухаживать. Он пошел в гору. Из бедняков сразу стал хозяином. И знаться с мелочью не захотел.

Брат Алексей убил казначея в монастыре. Правые связали с влиянием революционеров. На самом деле – хотел разбогатеть.

РЕВОЛЮЦИЯ 1905 ГОДА И ЕЕ УРОКИ

Вся книга – осмысление революции 1905 года. Споры ссыльных. Споры земской интеллигенции. Споры среди деловых людей. Разговоры среди крестьян.

Движение за возврат крестьянам монастырских земель.

Ссыльные. У каждого своя биография. Надо найти человека, которого страшно напугала революция 1905 года своей кровью, своей бессмысленной жестокостью. – Революция – классовая борьба... Слова. А на самом деле?

Разве рабочие с буржуазией сражались? Ни одного буржуа на баррикадах не было. Рабочие с крестьянами сражались. А это уж политики называли братоубийственную, гражданскую войну классовой.

Классы воевали, дрались. Да какие? Рабочие и крестьяне (солдаты).

РЕВОЛЮЦИЯ 1905 ГОДА И ССЫЛЬНЫЕ

Поражение революции наложило глубокий отпечаток на ссыльных. Одни скинули совершенно, ударились в личную жизнь, в разврат, другие – в ужасе от того, что предстоит России.

У каждого ссыльного своя биография. Кто-то из них был даже на баррикадах на Красной Пресне, где шла настоящая война. Война братоубийственная – вот чем обернулась классовая битва. Ибо кто сражался на баррикадах? Рабочие с буржуа? Простые люди с простыми. Труженики с тружениками (солдатами-крестьянами).

Так ведь это война, которая захлестнула только один район Москвы. А будущая революция во что выльется? В братоубийственную, гражданскую войну всей страны. И сколько погибнет людей, сколько принесет эта война крови, опустошая и разоряя.

Надо ли взывать к революции?

В Красной Пресне какой-то революционер, участвовавший в революции, увидел будущее России – страшное будущее, и он делает радикальный для себя вывод: все сделать, чтобы избежать братоубийственной войны. Его называют ренегатом, изменником.

А кто взывает к боям? Тот, который не участвовал непосредственно в революции.

Революция 1905 года – лишь репетиция. Избави Боже, чтобы развернулся по всей стране кровавый спектакль.

Ссылные создают коммуны. Кто-то предложил более нейтрально: общество ссыльных. Нет, коммуны. Наша цель – коммунизм, так покажем людям на практике, что это такое.

Председателем коммуны избирают Букова. Сперва его хотели назвать старостой. Но он решительно возразил: нет, коммунизм и пособник царизма (а кто же иной сельский староста) несовместимы.

Начинается жизнь коммуны. И сразу же неравенство.

1. Жилье разное. Получше и отдельно – у Максимовой – для руководителя. Остальные по три, по четыре в доме.

2. Питание. Тоже разное. Букову дополнительно подбра-

сывают – находятся подхалимы. Оправдание: он же руководитель, теоретик, ему лучшие условия нужны.

3. Работа. Бурова освобождают от кухонных работ.

4. Вклад в коммуны. Одним – посылки, другим – нет. Одним – деньги, другим – нет. Опять неравенство.

5. Руководители и подчиненные. Коммунары рангом выше и ниже. Одно дело руководитель, другое – рядовые.

Сперва объединились все. Платформа: жертвы царизма. Однако вскоре же выяснилось – жертвы-то разные. Черно-рабочие и белоручки. Начинается страшная грызня. Каждый день споры. Да чуть ли не до драки.

Крестьяне дивятся. Молодежь дивится: что же вы за коммунары? Хотите революцию делать, жизнь изменять, в коммуны всех согнать, а сами передрались начисто. Чуть ли не на ножах.

Буров изрекает: мы забыли, что прежде чем объединяться, надо разъединиться. Распад коммуны закономерен. Это значит, что среди нас есть живые элементы, есть мертвцы и даже предатели. Вот что выяснила коммуна. И потому опыт ее полезен. И нечего хныкать: коммуна не оправдала себя. Плохие люди. Коммуну создадут только рабочие, только люди, прошедшие через горнило революции.

Еще о коммуны: элементарная несовместимость. Н. не может терпеть К. И тут, хоть сколько ни толкуй о классовой солидарности, ничего не выйдет. Зарежут друг друга. Физически не выносят.

Другие из опыта распада коммуны делают другие выводы. Если мы, интеллигенция, не сумели ужиться друг с другом, мы, сознательные, грамотные, то что же мы хотим от крестьян неграмотных, привыкших к частному хозяйству?

– Если надо, мы силой заставим.

– Рай коммунистический – силой?

– Да, силой. Жертв боитесь... А капитализм мало притеснял? Мало жертв?

– Так зачем же брать с него пример?

Одно из первых собраний ссыльных – о чем?

1. Организация быта. Коммуна. Бурные аплодисменты. Все охвачены энтузиазмом, ибо у всех мечта – построить новую справедливую жизнь.

2. Как наиболее разумно провести время в ссылке. Теоретическая подготовка. Лекции. Учеба.

Но ссыльные – люди молодые. Этого им мало. И скоро выясняется – куда же девать себя от безделья? Помогите, дайте работу, дайте занятия (царское правительство запретило работу, и это было самое страшное наказание). Да, сперва: учиться, овладевать знаниями. А когда же еще? Для настоящих ссыльных ссылка всегда школа, учеба, просвещение, пополнение знаний. Скоро, однако, учеба надоедает. Люди хотят работать. И многие находят себе занятия.

1. Юра Сорокин. Народознание. Надо науку такую организовать...

2. Вехов – работа. Агрономия.

3. Медик – фельдшер. Разрешили работать. Другие, с безгласного разрешения властей, помогают крестьянам.

Ссыльные испытывают счастье. Естественное счастье сделавших полезное дело, помогших живым, конкретным людям.

А Буров клеймит их как вероотступников, как предателей революции. Как людей, отдаляющих революцию.

– Помочь людям – предать и отдалить революцию?

– А как же. Лечите, учите, облегчаете якобы жизнь. А на самом деле наносите огромный вред этим людям.

– То есть помогать – это вред?

– Вред. Это теория малых дел, которая давно осуждена.

– Вы не любите людей.

– Нет, именно вы не любите. В повестку дня России давно уже поставлена революция. Но одно из условий создания революционной ситуации – усиление гнета эксплуататоров, ухудшение жизни трудящихся. Диалектика: чем хуже жизнь у крестьян, тем скорее грянет революция.

– Да вы, да вы... Вы хотите сделать из нас угнетателей народа, да?

– Болван. Народ – это не крестьяне Копаней. Народ – это русский пролетариат – вот что прежде всего. А служить ему – приближать революцию.

– Хочу знать ваше отношение к крестьянству.

– На этот счет у нас полная ясность. Союзник пролетариата при руководстве союзом со стороны пролетариата.

-
- Вы хотите сказать – диктатура пролетариата.
 - Совершенно верно.
 - Хорошо. Диктатура пролетариата. А сколько у нас в стране пролетариата. Двадцать процентов!
 - Но эти двадцать, пятнадцать процентов наиболее организованный, наиболее сознательный отряд русского народа. Наиболее культурный.
 - Но почему эти двадцать процентов должны осуществлять диктатуру над семьюдесятью процентами населения, коим является крестьянство?
 - Я сказал уже: он наиболее сознательный, развитой...
 - Так сказать, высший тип человека?
 - Если хотите, да.
 - А крестьянин – низший тип?
 - Безусловно.
 - Фигу тебе. Лимон выжатый выше лимона в соку? А рабочий по сравнению с крестьянином – это лимон выжатый. Или: трава, выросшая в подполье. Разве ее сравнишь с луговой?
 - Рабочий всю жизнь стоит у станка, природы-то не видал – кой черт он понимает? Это еще нищета. А крестьянин всю жизнь с землей, с полем, с лесом, со зверем, с птицей. Вы, поди, и сами не знаете ничего этого.
 - Это к делу не относится.
 - Относится, коли выжатый лимон предпочитаете невыжатому.
 - Рабочий класс организованнее, сплоченнее, выше по сознательности. Только с ним можно завоевать власть.
 - А кто будет руководить этой властью? Вы на крестьян плюете, поносите. Чего же вы в России? Езжайте, где пролетариат. Коренное население страны, создавшее такое государство, все ценности, – и низший тип?
 - Я еще раз о диктатуре.
 - Это вопрос не новый, о диктатуре. Буржуазия во французской революции тоже осуществляла диктатуру.
 - Но она была большинством нации.
 - Я повторяю: диктатура рабочего класса предполагает союз рабочего класса с крестьянством, трудящимся крестьянством. Еще Маркс и Энгельс указывали, что хорошо бы восстание рабочих крепить восстанием крестьянства...

– Это Маркс. А русских социологов вы учитываете? Герцен и другие. Они идиоты были? Ведь одно дело – русский рабочий класс (из вчерашнего крестьянства), и другое – немецкий.

– Вернемся к нашей грешной жизни. Вы сказали: чем хуже живет народ, тем лучше. Но когда революция будет? Что же, в ожидании ее люди должны погибать от отсутствия медицинской помощи? Нет, я считаю. Полонский великое дело делает.

– Буров – человеконенавистник. Он не любит людей. Вот основной его порок. Он не любит человека. Он любит человечество – согласен. Но он не любит живого человека. А значит, не любит и человечество. Вот моя точка зрения.

РАЗГОВОР ДВУХ СОЦИОЛОГОВ

С-д: – А, господин террорист.

С-р: – Слушаю, господин немец.

С-д: – Что это значит?

С-р: – А то, что вы философ немецкой социал-демократии.

С-д: – Но мы делаем большое дело, а вы своим террором лишь отвлекаете.

С-р: – Террор в условиях насилия и произвола не только допустим, но необходим. И не забывайте: во главе Пресни мы были. Мы способны не только на террор, но и на вооруженное восстание. Социал-революционеры – дальнейшее развитие русского социализма («Народная воля»), они учитывают национальное своеобразие России, ее прошлое. А социал-демократы – немецкая социал-демократия на русской почве.

С-д: – Что говорить о партии социал-революционеров, когда у нее до 1905 года не было программы.

С-р: – Программы не было, но были дела. Что важнее? А у вас программа и нет дел.

Мы убили Плеве, мы вдохновили интеллигенцию, вызвали подъем в стране (преемник Плеве – Святополк-Мирский, министр внутренних дел, – несколько изменил внутреннюю политику в сторону либерализма). А вы что, господа теоретики? Господа сектанты?

Мы готовы вступить в союз со всеми, кто против самодержавия. А вы блюдете чистоту. Потому что вам мало сбросить самодержавие, самое главное для вас – удержать свою власть. Мы же: сбросить самодержавие, а вопрос о власти – второстепенный. Власть – дело народа. Учредительного собрания.

Одни усердно овладевают специальностями. Другие с пренебрежением смотрят на это.

– А что же вы будете делать, когда кончится революция? Ведь придется же жить, каждому что-то делать. Или вы заранее предназначаете себя к роли руководителей? Но даже если и так, то, чтобы руководить, надо уметь делать то, чем будешь руководить. Вот и выходит: ты аристократ, а не я.

Учитесь работать. Иначе окажетесь «лишними людьми». Чтобы быть революционером, стань сначала личностью.

СПОРЫ СРЕДИ ССЫЛЬНЫХ

Марксизм – великая теория. Захватила умы не одного поколения молодежи. Ошеломляюща, восхитительна идея народовластия, победы трудового человека. Учение, которое дает в руки оружие для свержения господства угнетателей. Что прекраснее?

Но есть одна слабость у марксизма – человек. Коммуна, единение людей... Все это прекрасно. Но каков человек? Что за материал? Пригоден ли он для строительства коммуны? У марксизма нет собственного учения о человеке. Он берет учение просветителей. Но ведь просветительство потерпело крах. И в этом смысле русская литература куда как далеко ушла от марксизма.

По марксизму – панацея от всех зол – фабричный котел. Достаточно выварить крестьянина в фабричном котле, и человек пригоден для строительства будущего. Но так ли это?

Русская литература показала разные типы человека. Татьяна Ларина, Печорин, Обломов, Плюшкин, Собакевич, Ноздрев, Яков-холоп (Некрасов)... Иудушка... Это национальные типы. То есть ими могут быть представители разных классов.

Как быть? Достаточно ли фабричного котла? И уживутся ли в коммуне Собакевич, Плюшкин вместе? Несовместимость...

Юра Сорокин открывает: в народе тоже разные типы. В том числе среди рабочих...

А человек Достоевского? Выдуман?

Но самое-то главное: надо ли убивать разные типы в народе? Надо ли обезличивать?

В животном мире – все зайцы. Да ведь это конец жизни. Скука непроходимая.

– Так где же выход?

– Не знаю. Но надо строить теории будущего общества, исходя из природы человека, учитывая многообразие человеческих типов, которые часто несовместимы друг с другом, не уживутся...

Надо учитывать достижения и открытия русской литературы. Типы, характеры, созданные ею, – не выдумка, это реальность. Плюшкины везде есть. Уничтожить их прикажете?

Прибавьте сюда лесковских бродяг, странников. Думаете, диктатура рабочего класса установится – и странников, бродяг не будет?

Все упования на общественно-государственные органы, а человек, природа, психология куда денутся?

Вы исходите из неверной предпосылки. По-вашему человек – *tabula rasa*. Лепи что хочешь. Но это не так. Человек – это чернозем, это скопище страстей. И их обуздать может не только религия, новая мораль. Но должны быть государственные институты... А у вас что по этой части? Человек – ахиллесова пята марксизма. И он даст себя знать. Вы не знаете человека... У вас все просто: пролетарский класс передовой и т. д., буржуи – мерзавцы и т. д.

Но сколько негодяев среди пролетариев? Да это и вполне понятно. Сколько они рабочими были? А дворяне? Буржуа? Сколько там хороших, умных людей, людей бескорыстных, до которых надо тянуться и рваться пролетариям. А ведь по вашей теории – в расход их. Или, по крайней мере, в сторону.

Мы в деревне живем здесь. Бедняк же мельче, хуже... И это понятно. На песке вырос. На нищете. Почему же он должен учить середняка?

– Беднота... А беднота ничего, кроме бедности, произвести, родить не может.

– Безобразие.

– Да нет, я вовсе не против бедноты. Найдется умный человек среди бедняков – зеленая улица ему. Но только на большой процент умных среди бедняков рассчитывать не надо.

Беднота в биологическом отношении уступает состоятельным и зажиточным. Это все равно что несортное, плохое зерно. А скажите, будет крестьянин несортным зерном засеивать свои поля? Так почему же вы требуете, чтобы человеческие нивы засеивали несортными семенами?

– С социальным дарвинизмом давно покончено!

– Мы во многом сходимся с большевиками.

1. Долой царя. Республика.

2. Земельная реформа.

3. Более или менее справедливое распределение материальных благ.

4. Всеобщая грамотность.

Но мы не согласны:

1. С диктатурой пролетариата.

2. С руководящей ролью большевистской партии. Почему? По какому праву? Партий должно быть много.

3. Мы за частную инициативу во всех сферах жизни. За многообразие укладов. Но никакого принуждения. Никакого преследования. Жизнь решит сама.

4. Всеобщая грамотность.

– Это можно только при социализме.

– В Японии социализм? А там с 1894 года всеобщее начальное образование. А самое наше главное желание – сделать Россию богатой, процветающей.

– На какой основе? На основе буржуазного предпринимательства? Да это означает, что вы вместо диктатуры царя и помещиков хотите навязать диктатуру буржуа.

– Спокойно, спокойно. А закон на что? Ни один класс не будет править. Будет править закон.

– А как вы относитесь к революции?

– Смотря к какой? В принципе мы не можем отменить революции. Это путь мировой истории. Но я не хотел бы новой пугачевщины на Руси. Я не хотел бы, чтобы в результате гражданской войны Россия вернулась к гвоздю. По-моему, в наш век цивилизованные государства не могут позволить гражданскую войну. Слишком сложными стали экономика, культура и т. д.

О ПРЕОБРАЗОВАНИИ РОССИИ

Мы все признаем, что существующее положение вещей нетерпимо, что жизнь России нужно переделать. Но как?

Революционным путем. Но что такое революция в России? Океан хаоса и разрушения. И не погибнет ли в этом хаосе самое ценное, что создала Россия, – интеллигенция?

После революции, вы утверждаете, будет взлет творческих сил. Чьих? Под руководством кого? Не наступит ли одичание?..

Ущерб от революции. Сколько разорено, разрушено, сожжено. Так ведь большая ли часть была втянута в водоворот революционных событий? Слабая волна. Она не докатилась до окраин, в частности до Севера.

А что будет с Россией, если землетрясение грянет, да такое, что волны по всей России прокатятся? Что же, вся Россия будет разрушена? То, что создавалось веками.

Да, среди ссыльных появляются и так называемые государственники. И их, конечно, называют ренегатами, защитниками капитализма.

СЕРЕДНЯК И БЕДНЯК

Кто-то из ссыльных замечает: мы ориентируемся на бедняка, а ведь не он творческий элемент деревни.

Бедняки, конечно, бывают разные. Вон Егор – пять девок. Один поднял. Тут хоть разорвись на части, будешь бедняк. И Клоповы – два раза горели.

Но Афонька Абрамов. На которого все мы ориентируемся. Лентяй. Бездарность и бездельник. Крестьяне его не любят. А он – наша опора в деревне. Кто пойдет за ним? Никто. Его власть – власть силы...

Бедняк – человек неинтересный. Нищий духом. Он не связан с землей, с природой. В городе это естественно (для рабочего человека), в деревне это противоестественно. Затем: кто будет кормить страну? Бедняк? Крестьянин не будет терпеть его руководство. К чему он будет звать? Куда поведет, коли он сам ничего не знает и не умеет. Он не создатель! Он может только разрушать.

Споры. Коренной вопрос – как помочь людям. Сейчас или в будущем? Конкретным людям, тем, с которыми ты сталкиваешься, или отвлеченным – всему угнетенному классу, человечеству?

Вехов не может проходить равнодушно мимо страдающего брата. Он должен помочь. Он так устроен. И он организует крестьянское парходное общество.

И Володины, между прочим, не Бурова преследуют, а его. Буров весь в отвлеченностях, в будущем, а этот им на глотку наступает.

Буров называет Вехова предателем революции, приверженцем давно отвергнутой теории «малых дел». Но Вехов стоит на своем. Да, да, теоретически он неправ. Он понимает это. Но у него есть одно оправдание: жизнь, живой человек. Он не может видеть зло, сразу же вступает с ним в бой. Он любит Федьку, Вальку, а не отвлеченного человека... И еще оправдание: ничего для себя. Буров живет по существу баринком, белоручкой, бездельником. А этот в работе. И ест, пьет так же, как бедняк.

Вехов не может без дела. Так он устроен. А главное – он любит работать, любит делать руками, любит землю... Все любит. И у него огромный авторитет среди крестьян. Он советчик. Он основывает крестьянское парходство, школу, закладывает больницу. И, может, его (не без помощи Бурова) убивают темные наймиты...

Вокруг Вехова все зеленеет. Вокруг Бурова – пепел, зола, пустыня запущенная.

НАРОДНИКИ XX ВЕКА

В спорах социалистов-радикалов народник как позорная кличка. А почему? Народники были очень хорошие люди. Герцен, Некрасов, Михайловский, Лавров... Я горжусь, что я народник, что я радею о народе.

Я предпочитаю помогать живому, сегодняшнему человеку, а не человеку будущего. Хождение в народ, малые дела (желание добра)... Нет, это не только не шокирует меня. Я горжусь этим. Если вы хотите доставить мне радость, зовите меня народником.

Больницы, школы... все, что есть, – от народников.

Столкновение Щенникова с доктором Полонским.

– Да, я обыватель, по-вашему. Но я тридцать лет лечил людей, вытаскивал за волосы крестьян из грязи, из невежества. Это, конечно, не героизм. Но ведь тоже что-то значит. И я не думаю, что если произойдет революция, так сразу исчезнут болезни, недуги. Кто их будет лечить?

В общем, спор интеллигента-народника с анархистствующим революционером, разрушителем, и только.

– Для меня жизнь человеческая прежде всего. Она священна. Я дал клятву врачам... Научитесь работать. Революции приходят и уходят. А работа остается. Иначе вы погибнете.

Это был правильно поставленный диагноз. И не один Щенников погиб впоследствии.

О самобытности России, о том, что при выработке теорий, касающихся ее переделки, ее будущего, надо учитывать ее историю. В частности, крестьянскую основу ее культуры.

– Да, в России и свет-то (наука) от мужика. Кто наш первый университет? Ломоносов, архангельский мужик. Заметьте: мужик, а не дворянин, не купец. Где еще такое встретишь? У кого? А вы теорию с Запада взяли и давай по ней перекраивать Россию.

Споры о России, о ее прошлом и будущем.

Славянофилы, Достоевский кричат об особом пути России, о ее самобытной неповторимости. Но в чем эта особенность, эта неповторимая самобытность? В ее вековой отсталости, в ее крепостничестве, повальной неграмотности, а короче сказать, в ее затянувшемся Средневековье?

Да, да, патриархальщина и натуральные отношения в экономике, полная гражданская импотентность мужика. Знаменитое русское терпение и смирение, бесправие...

А может, русская община? Может, трогательное единение царя-батюшки и народа-богоносца, как пишет Достоевский? Нет уж, увольте. Отстали, на века отстали от Европы – вот наша самобытность...

Хорошо – отстали, хорошо – нет у России особого пути. Россия всего лишь колоссальный остров Средневековья в XX веке. Она подчиняется тем же законам, что Западная Европа. Но где выход? Что делать? Делать революцию? Развязывать гражданскую войну и устраивать всеобщую резню, кровопускание?

У революции много преимуществ. И одно из них – быстрота и скорость, с какой очищается вся мерзость старого мира. Но подумаем немножко: какой может быть революция в России? Только всеобщей резней – так много накопилось ненависти и вражды в народе.

А результат? Кровь – прежде всего. Истребление лучших с обеих сторон, ибо кто кинется первым в драку? Лучшие, наиболее активные.

Так что же, Америка будет собирать мозги со всего мира, а мы истреблять даже свои, национальные?..

О России, о ее загадках, о русском человеке.

– Выдумали этот особый путь. Какой может быть особый путь у страны, которая втянута в общемировую экономику, в торговые отношения с другими странами.

Это у Японии особый путь был, и то, когда она на свои острова никого не пускала. Да у нас при царе-горохе. А теперь какой особый путь?

Есть машины, есть техника, есть уголь, есть пароход. Электричество. Либо ты заводи их у себя, иди в ногу со всеми, либо ты отстал и тебя бьют за отсталость, за этот самый особый путь.

Какой особый путь у страны в XX веке. В эпоху науки, целесообразности, техники... Либо ты предельно все утилитаризируй, заводи технику, либо умри. Конечно, сантименты придется поубавить. Машина грамоты требует, а не слез.

Особый путь сейчас – это лень, обломовщина, патриархальщина, проповедь безделья. Черт знает, что за страна. Все поиски, поиски, искания. Странники по всей стране бродят... Ищут. В Сибирь рвутся. Только не работать.

И литература русская тоже потрафляет бездельникам. Всякими каликами, странниками, юродивыми, болтунами – ох как наши писатели восхищаются. А появился на Руси дельный человек – ату его! Всех собак своих на него выпустили, начиная с Гончарова. Обломов и Штольц. Оплакивание бездельника, тунеядца, лежебоки и травля человека работающего. Сухой, не сердечный... А когда быть ему сердечным-то, когда распускать сопли и слюни. Работает же человек. Каждый день, каждую минуту ценит. Ведь отстали от Европы на сотни лет.

А Чехов... Лечат людей. Жить стало лучше. Что из того? Нет, человек плохой. Или этот ваш Горький. Восстание Фомы Гордеева против Маякиных. Не принимаю вашего дела. А ты-то сам что сделал? Бездельник, тунеядец...

Особый, особый путь у России. Революция – это, в конце концов, те же самые разговоры об особом пути.

О РУССКОМ НАРОДЕ

Русские больше всего мечтают о всемирном братстве. Почему? Оттого, что братья в жизни? А может, потому, что не способны осуществить этот идеал у себя на земле?

Нигде, ни в одной стране не говорят столько о братстве, об объединении. Но нигде нет такой вражды, как в России.

Наша история – с чего началась? С призыва варяг с тем, чтобы они навели на русской земле порядок. Чтобы утишили внутренние страсти.

ОБ ОБЩИНЕ

Община – дух социализма. Социализм, вытекающий из особенностей национальной жизни, а не импортированный.

– Но община – это натуральное хозяйство, это патриархальность. А будущее за промышленностью.

Полярные споры.

Почему община – враг первейший марксизма? Почему ее надо разрушить?

И тут схватка марксистов и народников.

Народник: община – дух нации.

Марксист: община – опора контрреволюции. Пока община будет жить, революции не бывать.

Все – с точки зрения революции. Но как же тогда с национальной жизнью? С жизнью нации?

ЮРА СОРОКИН

ЮРА И КОММУНА

Он особенно тяжело переживает крах коммуны. И вообще, над ним все время одерживает верх жизнь. Ему нравится жить. Просто, не задумываясь, не мудрствуя (Левин у Толстого), как крестьяне.

Больше того, он тянется вообще к людям разных направлений, классов, занятий.

У всех ссыльных, за редким исключением, он находит много хорошего. Меньшевик, эсер, а человек хоть куда. И, наоборот, самый передовой – Буров – оказывается человеком неинтересным, самым скверным.

Буров распинает его за эту всеядность. Хотя поначалу Юра был влюблен в Бурова: пламень, Везувий, Аввакум революции. А потом оказалось – эгоист. Человек строгой морали. Нечаевец. Все дозволено ради революции.

Еще страшнее: Буров вообще не любит человека. Он на революции хочет сделать карьеру. Юра мучается. Буров – вариант Петра Верховенского, только более зловецкий. И этот человек будет руководить в будущем...

Да, Юра не может сладить со своим сердцем и умом. Привести их, так сказать, в согласие. Говорят (этого он не читался): возлюби бедняка, ненависть к кулаку, к купцу. А сердце тянет его к купцу, к запоздалому народнику. Буров называет это незрелостью.

Юра все время ждет: когда же начнется разговор о человеке? Буров умно рассуждает о товарах, об экономике, о революции. Но ничего о человеке. Но ведь человек – это все!..

ЮРА И ЕГО ЕРЕСЬ

Присматривается к жизни крестьян, быту, их духовному хозяйству. На каждом шагу открытия. По всем представлениям – все, что дальше от Вологды к северу, – край замшелой патриархальщины, беспробудной дикости. А на самом деле?

Да, натуральное хозяйство, да, в домашнем... Но дух, нравственность! Горожане – грязные примитивы. Библиотеки у крестьян. А церкви! Их воспитательное значение. А культ старших. А... Рабочий выше крестьянина. С чего? Упрощенный, выпотрошенный вариант того же крестьянина. А мы все здание на нем строим.

Дневник этот впоследствии попадает к Бурову. Суд над Юрой. Вероотступник. Молодость? Не извиняет. Беспощадно. Это зараза, которую надо вырывать с корнем... А нравственность? Чепуха! Слунтяйство. Все нравственно, что на пользу социализму.

Ну а социализм на пользу кому? Народу? Или вам, Буровым?

ЮРА И ССЫЛЬНЫЕ

Радость открытия истины и страх: против всех. В один лагерь с мракобесами, противниками революции. Вот последнее самое страшное. Он, Сорокин, против революции. Нет, он за революцию. Но какую?

Собрание ссыльных. Доклад Бурова «Революция и мы». Что должны делать мы? Помогать брату, ближнему. Но годится ли для нас этот оппортунистический путь? Русские революционеры потратили целое столетие на приближение революции, на выяснение элементарных вопросов, а сегодня мы снова занимаемся этими азами. Не годится!

Теория малых дел – беспринципность. Революцию в белых перчатках не делают. Не будет хрустального дворца, в фундаменте которого не было бы слезы ребенка. Будет! – мы это говорим сразу. Будет, чтобы не было этих слез у целых поколений. Теперь теория малых дел, которая кое-кому вскружила голову. Опять забываем о нашей конечной цели.

Благо народное – нет ничего выше для революции. Но как лучше устроить благо народное? Теория малых дел. Помогай ближним своим. Помогаем, построили церковь или лечебницу... Еще там построим, еще там... И откинем революцию на годы. Реформами общего положения не исправишь. Помогая ближнему, мы предаем дело революции, отдаляем ее.

– Это негуманно.

– А это гуманно... Хирургическая операция нужна, а вы прописываете припарки, пиявки. Обманываете больного. Мы сегодня предупреждаем, а завтра будем взыскивать...

О РУССКОМ КРЕСТЬЯНИНЕ

Почему у социал-демократов такое высокомерное отношение к крестьянину? Человек второго сорта, неполноценный человек. Человек полу-полу.

Да полноте! Мы, интеллигенция, по сравнению с ним недоноски. Что можем, что умеем по сравнению с ним?

Культуру крестьянину надо. Это мы должны дать ему. Но и самим от него взять его культуру. Обогащить себя. Процесс взаимного обогащения. А мы только себя за людей считаем. А что мы без народа? Мы выродимся, обнищаем. Даже духом. Вот что нужно признать.

ИЗ ДНЕВНИКА ЮРЫ

Все силы ума, вся энергия человека направлены на то, чтобы разгадать тайну бытия. И к концу жизни перед ним начинают мерещиться какие-то просветы. Стой, слезай с помоста! Иди в землю.

Зачем это? Почему человек, подходящий к разгадке великой тайны, обречен?

Не потому ли, что это единственный способ у жизни сохранить свою тайну? Ибо без тайны нет жизни. Тайна заложена в самой жизни.

О СЕБЕРЕ

Разный взгляд. Ссылные – презрительно. Дикость, патриархальщина, косность.

Земцы: нет, вы не знаете истории страны. Север – косность? Да что же тогда не косность?

1. Крепостного права не было. 2. Освоение – подвиг. 3. Слово, культура. 4. Кладовая ископаемых... Будущее России Ломоносов связывал с Сибирью.

И не эти ли соображения имели решающее значение для Юры в его обращении к изучению народа?

Не знаем, не знаем своего народа...

СОДЕРЖАНИЕ

От публикатора.....	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.....	14
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.....	62
Савва Порохин и Олена Копанева.....	62
Иван Порохин.....	71
Сергей Порохин (Гунечка).....	87
Огнейка.....	88
Махонька.....	101
Аникий.....	121
Монастырь.....	123
Копаневы и Дурынины.....	129
Купцы Володиные и Кыркаловы.....	134
Ссылные.....	139
Юра Сорокин.....	159
Гражданская война. Щенников. Кудрин. Кулаков.....	169
К философии романа.....	178
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	197
Савва и Олена.....	197
Савва и Иван Порохины.....	198

Огнейка	201
Махонька	205
Дурынины и монастырь	211
Купцы.....	214
К построению книги	216
Ссылные	218
Юра Сорокин	236

Федор Александрович Абрамов
ЧИСТАЯ КНИГА

Незавершенный роман

Фотографии из фондов Литературно-мемориального
музея Ф. А. Абрамова, Веркола

Формат 84×108/32. Печать офсетная.
Бумага писчая. Физ. печ. л. 8,0.
Тираж 2000 экз. Заказ № 1161

ООО «Издательский Дом «ГАМАС»
Россия, 191167, Санкт-Петербург,
ул. Александра Невского, д. 9, офис 475
Тел./факс: +7(812) 327-30-66
+7(812) 327-04-08, 274-57-27
www.gamasgroup.ru
info@gamasgroup.ru

Отпечатано в ОАО «Издательско-
полиграфическое предприятие «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

Gamas

Издательский Дом «ГАМАС»

Федор Абрамов
цикл рассказов
«ТРАВА-МУРАВА»

Иллюстрации Ф. Мельникова

Подарочное издание
Формат: 210×297 мм. Переплет: твердый
160 стр., илл. цв., СПб., 2008

«Трава-мурава» – это цикл коротких рассказов, над которыми Федор Абрамов работал около 30 лет. Короткие рассказы, включенные в книгу, знакомят читателя с яркими характерами, народной жизнью – в их трагическом звучании, в смешении героического и будничного, прекрасного и преступного, доброго и злого.

Книга помогает думать о судьбе России, размышлять о социально-философских и нравственных проблемах – о долге и совести, о смысле жизни, о доброте и подвижничестве, о глубинах человеческой души.

С иллюстрациями Федора Мельникова цикл рассказов «Трава-мурава» опубликован впервые. Эта книга – дань памяти двум друзьям Федору Абрамову и Федору Мельникову, которые всю жизнь были преданны друг другу.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

В МИРЕ ФЕДОРА АБРАМОВА

*Издание подготовили: Л.В. Крутикова-Абрамова,
Г.Г. Мартынов*

Формат: 150×210 мм. Переплет: твердый
384 стр., илл. ч/б, СПб., 2005

В этой книге впервые собраны вместе различные документальные материалы из архива писателя – автографы на книгах, отзывы читателей о романе «Дом», поздравительные адреса к 60-летию со дня рождения (1980), стихотворения, посвященные Федору Абрамову...

Gamas

Издательский Дом «ГАМАС»

**Каталог художественной коллекции
ГУК музея-заповедника «Томская Писаница»
(с CD-версией)**

Формат: 210×297 мм. Переплет: мягкий. Язык: рус.
100 стр., илл. цв., СПб., 2007

**Проспект о ГУК музее-заповеднике
«Томская Писаница»**

Формат: 197×270 мм. Переплет: мягкий. Язык: рус. + англ.
28 стр., илл. цв., СПб., 2008

**Каталог «Почтовые карточки начала XX века
из собрания Мурманского областного
краеведческого музея»**

Серия «Культурное наследие регионов России»

Формат: 205×290 мм. Переплет: мягкий. Язык: рус.
84 стр., илл. цв. + ч/б, СПб., 2008

**А.В. Давыдова, С.С. Миняев
«Художественная бронза сюнну:
Новые открытия в России» – «Археологические
памятники сюнну. Выпуск 6»**

Формат: 170×215 мм. Переплет: твердый. Язык: рус. + англ.
120 стр., илл. цв., СПб., 2008

По вопросам поставок обращаться:

ООО «Издательский Дом «ГАМАС»

Россия, 191167, Санкт-Петербург,
ул. Александра Невского, д. 9, офис 475

Тел./факс: +7(812) 327-30-66

+7(812) 327-04-08

+7(812) 274-57-27

•

www.gamasgroup.ru

info@gamasgroup.ru

